Р.Г.МУКМИНОВА

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ УЗБЕКИСТАНА В XV-XVI ВВ.

„ФАН"

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Р. Г. МУКМИНОВА

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ УЗБЕКИСТАНА

конец XV—XVI в.

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1985

В монографии на основе анализа и обобщения данных среднеазиатских письменных источников характеризуется социальный состав населения городов Узбекистана в конце XV—XVI в., рассматриваются процессы расслоения населения на различные в имущественном и юридическом отношениях группы, обострения классовой борьбы.

Для историков, востоковедов, преподавателей вузов, краеведов, музейных работников и всех интересующихся историей городов Узбекистана.

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Х. З. Зияев*

Рецензенты:
доктора исторических наук *К. Ш. Шаниязов, Б. А. Ахмедов,*
кандидат исторических наук *Г. А. Михалева*

Розия Галиевна Мукминова

Социальная дифференциация населения городов Узбекистана. Конец XV—XVI в.

Утверждено Ученым советом Института истории АН УзССР, Бюро отделения истории, языкознания и литературоведения АН УзССР

Редактор *И. Я. Ильясова*
Художник *Е. И. Владимиров*
Технический редактор *Р. К. Лушникова*
Корректор *Т. В. Кормушина*

ИБ № 3397

Сдано в набор 12.08.85. Подписано к печати 8.10.85. Р01214. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,90. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 1000. Заказ 171. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан»: Ташкент, проспект М. Горького, 79.

М $\frac{0505040000-3074}{М355(04)-85}$ 260-85

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, Ташкент, 1985 г.

ВВЕДЕНИЕ

Решения XXVI съезда партии и другие партийные документы ориентируют советских историков на изучение не только современного общества, но и более ранних периодов истории развития нашей страны.

Одной из значительных проблем отечественной истории является изучение социального положения ремесленников, их роли и места в структуре среднеазиатского города, степени зависимости трудовых слоев горожан от феодалов, торговцев-скупщиков и ростовщиков.

Проблемы дифференциации городского населения периода позднего средневековья принадлежат к наименее исследованным в исторической литературе. Изучение их органически основано на марксистско-ленинской методологии исторической науки.

В последние десятилетия советскими историками опубликовано значительное число исследований, в той или иной мере отражающих социально-экономическое положение народов Средней Азии в период позднего средневековья.

В ряде работ проблемы города средневекового периода раскрыты на материалах археологических раскопок. Все больше появляется книг и статей, написанных преимущественно на материалах, извлеченных из письменных источников. Среди монографических исследований, посвященных проблемам среднеазиатского города XV—XVII вв., — труды В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовского, И. П. Петрушевского, А. М. Беленицкого, М. А. Абдурашмова, Б. А. Ахмедова, Г. А. Пугаченковой, Л. И. Ремпеля. Но лишь в некоторых работах городское население стало главным объектом исследования. Наряду со многими другими актуальными проблемами отдельные авторы рассматривают и вопросы социального расслоения горожан. Общие выводы этих исследователей помогли нам в разработке темы данной работы.

В работах этнографов О. А. Сухаревой, Е. М. Пещеревой, Н. О. Турсунова, Н. Н. Ершова и других рассматриваются проблемы городских ремесел, их классификация, социальная структура феодальной промышленности, прослеживаются изменения в цеховых организациях[1]. Исторические условия феодального общества способствовали сохранению вплоть до начала XX в.

[1] Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии.— Труды Института этнографии АН СССР. Нов. серия, т. XLII. М.—Л., 1959; Она же.

отдельных отраслей ремесла, корпоративных организаций и многих феодальных институтов нередко в том виде, в каком они находились в XV—XVI вв. Поэтому работы, основанные на этнографических материалах, несмотря на то, что в них рассматривается более поздний период (XIX — начало XX в.), представляют для ученых, занимающихся проблемами позднесредневекового города, особый интерес.

Немаловажны для решения проблем городской жизни исследования состояния денежного обращения средневековой Средней Азии. В отдельных случаях монетный источник, как отмечает Е. А. Давидович, является единственным для изучения еще невыявленных сторон экономической жизни и, в частности, товарно-денежных отношений. Ею же на основе изучения истории чекана и обращения меди выявлено время наибольшего развития товарно-денежных отношений в период средневековья[2].

Большое количество произведений среднеазиатских авторов, в том числе и позднесредневекового периода, включают рукописные фонды библиотек Советского Союза и особенно Ташкента. Тексты некоторых из них в настоящее время в результате многолетнего кропотливого труда историков-востоковедов переведены на русский, узбекский и другие языки и опубликованы. В научный обиход вводятся все новые и новые документальные источники и сочинения, содержащие сведения о социально-экономических отношениях в Узбекистане феодального периода.

Еще недавно крупнейший специалист по истории Средней Азии В. В. Бартольд считал, что памятники письменности включают подробные известия лишь о таких городах, как Самарканд, Бухара и Мерв. Согласно мнению ученого, по имеющимся в сочинениях конкретным данным «можно было составить историю этих городов», а «написать историю какого-нибудь другого горо-

---

Ремесленные организации Средней Азии в конце XIX и начале XX в.— XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960; Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века. Ремесленная промышленность. Ташкент, 1962; Турсунов Н. О. Из истории городского ремесла северного Таджикистана (Ткацкие промыслы Ходжента и его пригородов в конце XIX — начале XX в.). Душанбе, 1974; Он же. Сложение и пути развития городского и сельского населения северного Таджикистана XIX — начала XX в. (Историко-этнографические очерки). Душанбе, 1976 и др.

[2] Давидович Е. А. История денежного обращения средневековой Средней Азии (Медные монеты XV — первой четверти XVI в. в Мавераннахре). М., 1983; Она же. О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии (к постановке вопроса). Народы Азии и Африки, 1965, № 6.

да, не исключая и Ташкента, было бы невозможно за отсутствием материала в источниках»[3].

В настоящее время достижения в области археологии, востоковедения, нумизматики, этнографии и других смежных дисциплин сделали возможным изучение жизни и таких средневековых городов, как Ташкент, Ахсикент, Андижан, Термез и др.

Деятельность городских ремесленников в определенной степени была связана с ввозом сырья и изделий мастеров других стран. В свою очередь продукция среднеазиатских мастеров вывозилась далеко за пределы той местности, где она была изготовлена. Торгово-культурной связью населения разных областей отчасти объясняется то, что многие социальные явления и традиционные формы организации ремесла в Средней Азии были сходны с аналогичными формами в других областях Востока. Близки по содержанию и некоторые термины, использовавшиеся для определения социальных групп населения, ремесленных мастерских, отдельных феодальных институтов Средней Азии, закавказских республик, Ирана, Турции, Афганистана и других стран. В этом плане несомненный интерес представляют исследования, касающиеся жизни городов соседних регионов.

В целом же изучение жизни средневекового города наталкивается на серьезные трудности, что в основном связано с источниковедческой базой. Научное осмысление и изучение многих проблем, в том числе и непосредственно интересующих нас (вопросы, связанные с социальной историей города; формы и степень эксплуатации мелких производителей представителями феодального класса; рента и налоги, взимаемые с горожан; выявление численного состава населения среднеазиатских городов в XV—XVII вв.; профессиональная занятость горожан особенно в небольших торгово-ремесленных центрах), осложняются скудостью, а порой полным отсутствием конкретных фактов в письменных источниках. Имеющиеся же в памятниках письменности сведения пока относятся лишь к отдельным, часто довольно коротким периодам истории того или иного города (например, отдельным годам истории развития Ташкента конца XV—XVI вв.), и не дают возможности проследить те изменения, которые происходили в жизни городского общества, отдельных слоев населения, в их взаимоотношениях в течение хотя бы одного или двух столетий.

Особого внимания заслуживают вопросы терминологии социальных отношений. Расшифровка терминов в источниках осложняется тем, что один и тот же термин в разные периоды и в разных регионах мог определять различные понятия. С другой стороны, нередко для обозначения одних и тех же социальных

---

[3] Бартольд В. В. Ближайшие задачи изучения Туркестана. Соч., т. IX, М., 1977, с. 553.

явлений в зависимости от местности и времени использовались разные термины.

К наименее изученным в исторической литературе проблемам относится выявление социального состава населения и степени имущественного расслоения жителей средневековых городов Средней Азии.

Большой интерес представляет раскрытие взаимосвязей между различными в социальном отношении группами ремесленников, торговцев-скупщиков и ростовщиков, а также количественное соотношение категорий городского населения, особенно тех его групп, которые играли важную роль в развитии средневекового города.

Решение многих из этих вопросов имеет исключительно важное значение для изучения процессов социально-экономического развития города и требует дополнительных изысканий.

Цель и задачи данной работы — проанализировать материалы первоисточников, касающиеся социальной дифференциации городского населения Узбекистана конца XV — начала XVII в., исследовать социально-экономическое состояние отдельных прослоек среднеазиатского населения города, особенно ремесленников, поскольку даже частичное решение проблемы выявления классовой структуры городского населения может способствовать дальнейшему изучению кардинальных вопросов социально-экономической жизни Средней Азии хотя бы на одном из этапов ее исторического развития.

На основе критического изучения и научного анализа письменных источников, главным образом документальных, в работе делаются выводы и обобщения, касающиеся взаимосвязей отдельных представителей разных групп населения, однако в силу указанного характера письменных памятников отразить жизнь разных слоев городских жителей удается не в одинаковой степени. Источники знакомят нас в основном с «деятельностью» феодальных правителей и окружавших их лиц.

Решить и уточнить имеющиеся в литературе сведения о цеховых организациях и податных сборах с городского населения, в частности с ремесленников, мелких торговцев и крупного купечества на основании данных документальных источников, мы попытались в специальных разделах предыдущей работы. Здесь мы старались не повторять сказанное, делая ссылку на книгу[4].

Выводы, сделанные нами в настоящем исследовании, не претендуют на полноту, они не бесспорны, некоторые из них выдвигаются лишь в виде гипотезы.

---

[4] Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI веке. Ташкент, 1976.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Сочинения, написанные в XV—XVI вв., как и произведения более ранних и поздних столетий, в основном посвящены жизни и деятельности царей и отдельных феодальных правителей, их военным походам, охоте и увеселениям. Лишь немногие авторы рукописей отражают жизнь трудового народа.

Одним из таких писателей является Зайниддин Васифи. В произведении «Бадаи' ал-вакаи», ставшем хорошо известным в Советском Союзе и за рубежом благодаря исследованиям А. Н. Болдырева, Васифи сообщает сведения, которые дают возможность характеризовать городскую среду и простых горожан Средней Азии конца XV — первой четверти XVI в., повседневную жизнь и быт ремесленников. В его книге названы поэты, чтецы, писцы и другие представители интеллигенции среднего достатка, их взаимоотношения с крупными феодалами.

В мемуарах Васифи нашли отражение отдельные моменты истории Ташкента 20—30-х гг. XVI в., социально-экономическая жизнь которого до последних лет оставалась малоизученной из-за отсутствия конкретных данных. Писатель включил в свое произведение тексты грамот, в том числе указ о назначении Хусайна Портного главой всех портных города и вилайета Шахрухия (древний Бинакет), из содержания которого выявляется, что городским старшинам ремесленных объединений подчинялись не только местные мастера, но и ремесленники данной специальности, проживавшие в области. В книгу включен также составленный Зайниддином Васифи документ (маншур) на пожалование пустошей и рудников Ташкентского вилайета[1], в котором отразилась политика покровительства местных правителей духовным лицам — сайидам. Однако таких книг, как мемуары Зайниддина Васифи, в богатом наследии восточных рукописей немного. К тому же даже в подобных сочинениях сравнительно мало конкретных данных, изучение и анализ которых позволили бы исследователям решить многочисленные вопросы, связанные с социальной дифференциацией жителей города.

---

[1] Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи'. Крит. текст, введение и указатели А. Н. Болдырева. Т. I, М., 1961, с. 695; т. II, с. 1332.

Сведения о Ташкенте имеются и в книге историка-энциклопедиста Махмуда ибн Вали, написавшего свой труд в 40-х годах XVII в. В городе, по словам автора, было много мастеров — «обладателей различных ремесел». Характеризуя жизнь города, он отмечает борьбу его жителей за независимость. «Говорят, — пишет он, — из особенностей той области (т. е. города и области Ташкент. — *Р. М.*) это то, что она никогда не бывает без бунта и волнений... И действительно это подтверждается наблюдениями истории и... до настоящего времени эта беспокойная земля не была свободна от следов вражды и насилия»[2].

Махмуд ибн Вали делит жителей Балха и Мавераннахра на два разряда — «образованных» и «простонародье», последних, по его словам, называли йатимча[3].

Повседневная жизнь производителей материальных благ, условия их труда, степень зависимости от феодальных властей в целом отражены в нарративных произведениях очень слабо. Чрезвычайно скудны также материалы, проливающие свет на связи ремесленников и мелких торговцев с феодалами, торговцами-скупщиками и ростовщиками; мало интересует средневековых авторов и то, кем и в каких условиях создавались архитектурные и ирригационные сооружения. Как отметил В. В. Бартольд, «Летописцы и историки, пишущие о современных им событиях, вообще не считают нужным отмечать события будничной жизни и, конечно, не заботятся о том, что без таких сведений потомкам нельзя будет составить себе представление о действительном характере жизни в минувшую эпоху. Вполне естественно, что сооружение или исправление плотины для проведения воды в новый или старый канал казалось событием менее важным, чем победа над врагом или постройка дворца, мечети и т. п.»[4]

Вместе с тем в сочинениях, авторами которых являлись современники рассматриваемых событий, отражена картина не только политической истории, но порой и жизни трудового народа. Сведения эти вкраплены в описание того, что имеет для истории второстепенное значение, поэтому выделение интересующих нас фактических данных из общей массы событий, излагаемых в объемистых рукописных книгах, представляет довольно сложную задачу.

Тенденциозны, например, сообщения Муллы Шади, автора стихотворной поэмы «Фатх-наме». Подданных он называет овцами, врагов феодального правителя — волками, а самого госуда-

---

[2] Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (*География*). *Введение, перевод, примечания, указатели Б. А. Ахмедова.* Ташкент, 1977, с. 56.

[3] Там же, с. 57. О содержании слова «йатим», «йатимча» см. ниже.

[4] Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. Соч., т. III, М., 1965, с. 115.

ря — пастухом, заботящимся о своем стаде. Таких же позиций придерживается и анонимный автор «Таварих-и гузиде-и нусратнаме»[5]. Но в сочинениях этих авторов приводится ценнейшая информация о народном восстании в Каракуле 1501 г., о кровавой расправе с бунтовщиками. Сопоставление этих данных с материалами других произведений тех лет дало нам возможность выявить классовый характер каракульского восстания.

Из письменных источников, которые до настоящего времени редко привлекались исследователями, в работе использовано произведение Бадриддина Кашмири «Раузат ар-ризван ва хадикат ал-гилман», написанное во второй половине XVI в. по поручению джуйбарского шейха Ходжи Са'ада[6]. В основу рукописного сочинения вошел документальный материал — письма джуйбарских шейхов, адресованные Абдулла-хану II, а также послания, составленные от имени хана и крупных сановников в адрес названных шейхов. В переписке отражены разнообразные события, связанные с деятельностью Абдулла-хана, Ходжи Ислама, Ходжи Са'ада и многих других узбекских султанов, эмиров и беков, вовлеченных в круг действий государя и джуйбарских шейхов. В рукописи Бадриддина Кашмири имеются сведения об отдельных налоговых сборах и повинностях (дахду с каризов, мал-у джихат, мукаррари, ихраджат, мирабана, хаккоба, кох-и захира, тарх-и сабун, танабана, хашар, мардикар и др.), принудительном привлечении десятка тысяч крестьян и горожан на ирригационные работы. В «Раузат ар-ризван» содержатся также сведения о подневольном труде податного населения. Вместе с тем все эти факты представляют незначительную часть содержания труда Бадриддина Кашмири, в основном посвященного истории джуйбарских шейхов, в частности Ходже Са'аду, и имевшего целью восхваление деяний крупнейших представителей духовного сословия того времени. О том, какую огромную роль играло высшее духовенство и, в частности, шейхи Джуйбари, в жизни горожан и страны в целом, свидетельствуют письма-прошения и ходатайства высокопоставленных лиц Ходже Исламу и Ходже Са'аду, некоронованным правителям страны.

Переписка отражает социальное различие, существовавшее между феодальной знатью и рядовым населением, труд которого использовался шейхами для возведения различных сооружений, в том числе торговых построек — чахарсуков, караван-сараев, бань и других доходных заведений. На подвластные шейхам

---

[5] Мулла Шади. Фатх-наме. Рук. ИВ АН УзССР, инв. № 5369, с. 354; Таварих-гузиде-и нусрат-наме. Рук. ЛО ИВ АН УзССР, инв. № В—745.

[6] Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван ва хадикат ал-гилман. Рук. ИВ АН УзССР, инв. № 2094; О сочинении и авторе см.: Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX века. Т. I. Ташкент, 1966, с. 35—36.

земли насильно переселялись сотни ремесленников, согнанных с завоеванных Абдулла-ханом территорий. Однако деятельность шейхов рассматривается Бадриддином Кашмири как попытка упорядочить государственные дела, восстановить разрушенное хозяйство страны, украсить города, особенно Бухару, новыми постройками и садами, а основная цель — стремление джуйбарских шейхов к наживе — обходится молчанием.

Некоторый интерес для характеристики социальных категорий населения представляет сочинение Кипчак-хана. В своем труде он сообщает о низших слоях военизированных отрядов узбекских племен «аламан» и «чапан», о голоде и эпидемиях среди мирных жителей во время войн. Народные массы в его определении — сброд и подонки общества[7].

Сведения о различных категориях населения: ремесленниках и городской бедноте, многочисленных служителях религиозных учреждений, купцах и торговцах, студентах медресе — имеются в сочинениях Алишера Навои. Ни один письменный памятник того времени не отражает столь полно жизнь многочисленных представителей городского общества конца XV — начала XVI в.

Всестороннюю характеристику привилегированных беков-тарханов, аристократической знати, ополченцев, а также ремесленников и бедняков, в том числе тех, кто активно выступал на защиту своего города от нападений врагов, дал в своих бесценных «Записках» Захириддин Бабур[8]. Историк-энциклопедист, прозаик, поэт, ученый и государственный деятель, он отразил в них реальную действительность и донес до нас дыхание тех времен. Однако в целом султан Бабур, как и другие его собратья по перу, остается защитником интересов господствующего класса и считает жизнь феодалов за счет эксплуатации народных масс вполне естественной.

В «Тарих-и Рашиди» Мухаммада Хайдара прекрасно описаны ловкие маневры государственных чиновников, использовавших служебное положение для личного обогащения. Анализ одного из эпизодов произведения помогает характеризовать положение женщины полукочевых и кочевых народностей.

Отдельные факты о различных слоях городского населения содержат произведения Мухаммада Салиха, Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфахани и других писателей XVI—XVII вв.

---

[7] Тарих-и Кипчак-хани. Рук. ИВ АН УзССР, инв. № 4468/п; Хуршид Э. У. «Тарих-и Кипчак-хани» — важный источник по истории Средней Азии и Северного Афганистана XVI—XVII вв. Автореф. дис... канд. ист. наук. Ташкент, 1982; Он же. «Тарих-и Кипчак-хани» — важный источник по истории Средней Азии и Северного Афганистана XVI—XVII вв. Общественные науки в Узбекистане, 1981, № 6.

[8] Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1958; Заҳириддин Муҳаммад Бобир. Бобирнома. Тошкент, 1960.

В конце XV—XVI в. литература культурных центров современного Узбекистана обогащается новыми тюркоязычными произведениями. Часть привлекаемых для исследования памятников письменности написана на староузбекском языке (тюрки). В их числе упомянутые выше мемуары Захириддина Бабура «Бабурнаме» и «Таварих-и гузиде-и нусрат-наме» анонимного автора, «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха, «Зубдад ал-асар» Абдаллаха ибн Мухаммада ибн Али Насруллахи и другие. На староузбекском языке были составлены и некоторые ханские ярлыки. Изучение их дает основание считать, что, в отличие от Бухары и Самарканда, где официальным языком считался только таджикско-персидский, делопроизводство в Ташкенте велось также и на узбекском языке.

Актовые материалы значительно отличаются от повествовательных источников тем, что в них содержится более обширный материал о жизни и производственной деятельности горожан, о деловых связях ремесленников с торговцами-скупщиками и ростовщиками. Данные документальных источников позволяют судить о дифференциации тех кругов городского населения, которые принимали прямое или косвенное участие в ремесленном производстве и торговле.

Роль и значение актов для изучения истории социально-экономических отношений в Средней Азии раскрыты в трудах советских исследователей, среди которых особо следует отметить работы О. Д. Чехович. Однако далеко не все документальные источники представляют интерес для исследователей истории города.

Интересный материал по истории Средней Азии конца XV в. содержат самаркандские официальные документы, связанные со стяжательской деятельностью Убайдуллы Ходжи Ахрара[9]. В числе тех, кто вынужден был продать ему свое недвижимое имущество, — ткачи, гончары, красильщики, столяры, кузнецы и другие ремесленники. В документах отразилось бесправное положение вдов и детей, чье имущество «законным путем» в «присутствии добросовестных свидетелей» переходило в руки ходжи.

К середине XVI в. относятся акты, оформленные в связи с покупкой джуйбарскими шейхами многочисленных доходных заведений в Бухаре, Гиждуване и других городах[10]. Данные этих купчих отражают картину разорения средних слоев горожан — мелких лавочников и ремесленников. В числе прежних владель-

[9] Самаркандские документы XV—XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели О. Д. Чехович. М., 1974.

[10] Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI века. М.—Л., 1938; Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. М.—Л., 1954.

цев недвижимостей нередко называются вдовы и сироты. В этих случаях купчие на продажу оформлялись в канцелярии казия от имени доверенных лиц. В зависимость от всесильных ходжей попадали и более обеспеченные горожане.

Документы из архива шейхов Джуйбари дают возможность проследить переход значительного числа торгово-ремесленных предприятий к джуйбарским шейхам и на основании этого отметить усиление социальной дифференциации населения Бухары, в какой-то степени — Каракуля и Гиждувана, а на их примере и других торгово-ремесленных центров государства Шейбанидов.

Важное место среди документальных источников, отражающих социально-экономическую жизнь городского населения конца XVI в., занимает сборник документов «Маджму'а-йи васаик»[11]. В нем наиболее детально по сравнению с другими известными нам письменными документальными памятниками того периода освещается производственная деятельность и взаимоотношения ремесленников с горожанами. Часть этих документов переведена на русский и узбекский языки[12]. Некоторые из них цитировались исследователями, многие же до настоящего времени не привлекали внимания ученых.

Изучение документов показывает: как правило, акты, которые составлялись в Бухаре и Самарканде, фиксировались в канцелярии казия. Последний не только выносил письменные решения и выдавал их тяжущимся сторонам, но и удостоверял подлинность юридических исполнителей документов[13]. В результате фиксации гражданских дел появилась рукописная книга «Маджму'а-йи васаик», содержащая данные о различных категориях населения Самарканда, их взаимоотношениях, о событиях, происходивших в производственной жизни города. Лишь несколько документов из «Маджму'а-йи васаик» касаются других городов, в частности Ташкента и отдельных местностей Самаркандской округи.

Акты составлялись при купле-продаже, закладе, аренде домов, садов, торговых лавок, караван-сараев, рыночных площадей, ремесленных мастерских, земель и т. д. Письменные договоры оформлялись при поступлении ученика на обучение к мастеру, при разводах, назначении алиментов на воспитание детей, освобождении невольников и т. п. Соответственно содержанию

---

[11] Маджму'а-йи васаик. Рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1386.

[12] Казийские документы XVI века. Ташкент, 1937; Васиқалар тўплами (XVI асрнинг иккинчи ярми Самарканд областидаги юридик документлар). Форс-тожик тилидан таржима, кириш ва изоҳлар муаллифи Баҳром Иброҳимов. Тошкент, 1982.

[13] Hans Robert Roemer. Staatsschreiben der Tumuridenzeit. Das Saraf-nama des Abdallah Marwarid in kritischer auswertung. Persischer Text in Faksimile (Hs. Istanbul Universitesi F 84) Von Hans Robert Roemer. Wiesbaden, 1952, p. 147.

указанные акты помещены в разные разделы рукописной книги и снабжены заголовками.

Содержание многих документов из «Маджму'а-йи васаик» может характеризовать деятельность жителей Ташкента, Термеза, Андижана и особенно Бухары. Тем более, что текст нескольких образцов для составления документов, написанных в Бухаре, совпадает с однотипными актами из указанного сборника. Поэтому на примере Самарканда можно воссоздать картину жизни и других среднеазиатских центров.

Особый интерес представляют документы из названного сборника, составленные в связи с описью и разделом наследства и содержащие данные об имущественном состоянии частных лиц, связанных с ремесленным производством. Извлечения из описей дают основание судить об экономическом положении и юридических правах той части ремесленников, которые хотя и продолжали называться мастерами-устадами, в действительности примыкали уже к богатой торгово-ростовщической прослойке самаркандцев. Между тем, указанные акты о дележе наследства до настоящего времени не были использованы исследователями, хотя значение их трудно переоценить.

В нашем распоряжении имеются всего две описи. Одна из них составлена в Самарканде в конце XVI в., другая — в то же время в местности Чуйанчи[14]. Значение указанных письменных памятников в том, что в них приводится оценка в деньгах каждого предмета из имущества покойных владельцев. Это позволяет представить примерную сумму стоимости наследства, а следовательно и имущественное состояние отдельных горожан.

В силу сказанного, две наследственные описи, несмотря на малочисленность, могут быть выделены, как особый вид документальных источников, характеризующих имущественное состояние конкретных лиц в конкретное время и принадлежность их к определенным социальным слоям населения. С другой стороны, отмеченный фактический материал охватывает узкий круг вопросов и касается коротких в историческом отношении отрезков времени. В одной описи речь идет о крупном самаркандском мастере-устаде, членах его семьи и некоторых лицах, связанных с ним деловыми отношениями; в другой — о владельце чугунолитейной мастерской в местности Чуйанчи тумана Согд-и Калан Самаркандской округи.

В связи с тем, что в упомянутых описях имеются данные о долях наследства, можно выявить некоторые элементы правового положения в семье: жены, сыновей, дочерей и близких родственников покойного владельца имущества. В акте о дележе наследства Устада Тангри Берди упоминаются только члены его семьи.

---

[14] Маджму'а-йи васаик, л. 227 а—229 б.

В другом акте называется один из родственников — речь идет о родном совершеннолетнем брате владельца чугунолитейной мастерской.

Для выяснения экономического положения отдельных слоев городского населения безусловный интерес представляют и те документы, которые были юридически оформлены в связи с получением ремесленниками и мелкими торговцами в долг у кредиторов полуфабрикатов и сырья. В документах зафиксированы также акты получения ремесленниками денежных сумм.

В настоящее время подготовлены к изданию тексты и переводы с таджикско-персидского языка на русский формуляров для написания казийских документов в XVI в. в Бухаре. Они вошли в рукописный сборник — «Хутут-и каза»[15]. В книгу помещены образцы для составления договоров между членами купеческих компаний, мастером и поступавшим к нему на обучение учеником, о найме работника. Эти формуляры свидетельствуют о распространенности практики оформления частных сделок горожан в казийском учреждении не только в Бухаре, но и других крупных торгово-ремесленных центрах.

Большое число копий документов, частных писем и формуляров, исходивших, как правило, от феодальных правителей, входит в «Мактубат ва аснад»[16]. Они освещают разные стороны хозяйственного и социального строя государства Шейбанидов.

В последние годы советские исследователи публикацией критических текстов и переводов восточных актов ввели в научный оборот множество документов, характер и содержание которых определяются различными целями их составления. Среди них следует отметить и ярлыки, выданные ферганским сайидам ташкентскими удельными правителями, под властью которых значительное время находилась Фергана; бухарскими ханами (после того, как Ташкент был завоеван Абдулла-ханом II); местными правителями Андижанской области[17].

Эти документы содержат ценнейший конкретно-исторический материал о социально-экономической истории ферганских городов и населенных пунктов. Они донесли до нас информацию о переселении в Андижан разорившихся крестьян; принудительном

---

[15] Хутут-и каза. Рук. ИВ АН УзССР, инв. № 8586. Рукопись подготовлена к изданию А. Б. Вильдановой.

[16] Мактубат ва аснад. Рук. ЛО ИВ АН СССР, инв. № А—210.

[17] Набиев Р. Н. Новые документальные материалы к изучению феодального института «суюргал» в Фергане XVI—XVII вв.— Известия АН УзССР. Сер. общ. наук. 1959, № 3; Он же. Источники по истории крепостного права в Средней Азии.— Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964; Жувонмардиев А. XVI—XIX асрларда Фарғонада ер-сув масалаларига доир. Тошкент, 1965; Ярлыки. Рукописный фонд Восточного отделения библиотеки Казанского гос. университета им. Ульянова-Ленина, инв. № 4626 (Далее: Ярлыки).

перемещении беглецов на прежние места жительства; о практике денежного исчисления сборов с населения. Ценность представляют также сведения ярлыков о податных сборах, в том числе и тех, которые взимались в деньгах. Перечень наименований налоговых терминов, перечисленных в документах, превышает 90. Указанные документы были выданы духовным лицам из рода Султана Сайида, потомки которого в течение нескольких столетий жестоко эксплуатировали подвластное им население. Они отражают совместные действия феодальных правителей и высшего духовенства в эксплуатации податного населения, общность их классовых интересов.

Несмотря на то, что акты содержат ценнейший материал, большинство из них, в том числе привлеченных нами, все еще остаются не только не изданными, но и не известными широкому кругу исследователей.

Анализ материалов из указанных документов дает возможность в общих чертах представить жизнь широких слоев городского населения, в частности ремесленников. Определенные слои ремесленников и мелких лавочников, особенно в конце XV—XVI в., являлись носителями духовной культуры. В этом отношении очень характерны слова В. И. Ленина, который отметил, что носителями элементов передовой культуры являлись трудящиеся и эксплуатируемые массы[18].

Ценность перечисленных выше источников, включающих фактические данные об имущественной и социальной дифференциации населения городов Узбекистана указанного периода, несомненна. Вместе с тем социальные отношения, изучение которых является первостепенной задачей советских историков, остаются не освещенными в основном из-за малочисленности документальных материалов. Сведения, которые нам удается получить, требуют подтверждения равнозначными данными других памятников письменности, поиски которых не всегда приводят к успехам. Остается пробел и в хронологическом плане, так как документальные данные охватывают лишь отдельные, очень короткие в историческом отношении периоды. Следует отметить и случайный характер большинства сведений о социальном расслоении населения. Поэтому, говоря об одних явлениях, связанных с социальной дифференциацией населения города, мы вынуждены оставлять пока без внимания другие. Территориально использованные нами материалы относятся к Бухаре, Самарканду, Ташкенту, Андижану, Ахсикенту и прилегавшим к ним областям.

---

[18] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 120.

ГЛАВА I

ФЕОДАЛЬНОЗАВИСИМЫЕ ГОРОДА УЗБЕКИСТАНА

Для того, чтобы представить хотя бы в общих чертах положение горожан в конце XV — начале XVII в., следует вкратце охарактеризовать социально-экономическое состояние среднеазиатских городов и политические события, развернувшиеся в стране.

В начале указанного периода обострились противоречия между самими Тимуридами, затем между Тимуридами и Шейбанидами, позже — между многочисленными представителями династии Шейбанидов, которых сменили Аштарханиды, также отчаянно боровшиеся за власть друг с другом. Феодальные междоусобицы, выступления удельных владетелей и кочевой аристократии против власти государя, вторжения войск шахов — Сефевидов, агрессии султанов соседних территорий и антифеодальные выступления угнетенного народа — такова была в целом политическая обстановка в стране.

На рубеже XV—XVI столетий власть в Мавераннахре захватил узбекский хан Мухаммад Шейбани (умер в 1510 г.). Путь к победе он проложил огнем и мечом, разоряя города и села, взимая дополнительные сборы с покоренного населения, уводя в плен и насильно переселяя жителей, в том числе специалистов-ремесленников. Став верховным правителем обширного государства, узбекский хан жестоко расправился с прежними властителями. Но его неожиданная гибель послужила поводом для возобновления междоусобной борьбы и выступлений узбекских султанов против центральной власти. И хотя ханом по обычаю должен был стать самый старший в роду, каждый из узбекских султанов независимо от возраста пытался занять царский трон, расширить границы подвластных ему земель и тем самым приумножить свои богатства.

Децентрализация власти в государстве Шейбанидов способствовала временному успеху вторгшихся в страну в 1512 г. кизилбашских войск иранского шаха во главе с полководцем Наджми Сани, организовавшим кровавую расправу над жителями Карши — среди многих других был убит известный поэт и историк Камалиддин Бинаи. Кочевая аристократия, большинство узбекских султанов, в том числе будущий хан Убайдулла, а также не-

которые местные именитые светские и духовные феодалы (в числе последних был тогда еще молодой джуйбарский шейх Ходжа Ислам) бежали на север, в казахские степи.

Подстрекаемый шахом Исмаилом Сефеви Тимурид Захириддин Мухаммад Бабур, надеявшийся при поддержке иранских войск восстановить свою власть в столице государства — Самарканде, не мог, однако, осуществить свою мечту. Жестокая расправа над местным населением, попытка распространить среди жителей шиизм и другие мероприятия ставленников шахской власти сделали кратковременным правление номинального главы государства — Захириддина Бабура. В стране, теперь уже окончательно, воцарились Шейбаниды.

В истории известны и другие случаи, когда среднеазиатские правители пытались укрепить свое положение или захватить власть с помощью чужеземных войск, обещая за это признать верховную власть того, кто оказывал помощь. Однако такие попытки кончались обычно неудачей. Так, почти через сто лет после правления в Мавераннахре султана Бабура, когда Аштарханид Вали Мухаммад в 1611 г. попытался вернуть себе престол с помощью иранского войска, его действия также кончились поражением.

Годы царствования Убайдулла-хана (1533—1539 гг.) сопровождались значительным усилением центральной власти и возвышением Бухары. Однако с его смертью вновь начались междоусобицы и борьба между представителями династии, продолжавшиеся почти 20 лет. Посетивший в конце 1558 — начале 1559 г. Бухару англичанин Антоний Дженкинсон предельно ясно охарактеризовал обстановку в стране: «король» здесь «не рассчитывает царствовать более двух или трех лет, когда его или убьют или изгонят»[1]. Каждый новый правитель, заняв столицу, старался укрепить свои позиции, одарить поддерживающих его эмиров и племенную знать, наградить ополченцев, что было возможно лишь в результате пополнения опустевшей казны за счет дополнительных сборов с населения. Подобные действия пагубно отражались на экономике города и области, страны в целом. Тот же Дженкинсон зафиксировал: «...все это сильно разоряет страну и купцов»[2].

Сбор налогов и податей с мелких производителей в такие годы увеличивался и тогда еще чаще, «чтобы заполнить дырявую казну, применялись самые утонченные ухищрения финансового искусства»[3].

---

[1] Антоний Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию в 1558—1560 гг.— В сб.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1932, с. 183.

[2] Там же.

[3] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 349.

Действительно, в эти тяжелые для населения годы были разорены многие города и села, разрушена оросительная система, выкорчеваны сады, особенно на землях, прилегавших к городским стенам, где порой на долгое время располагались осаждающие город войска. Пытаясь ослабить сопротивление горожан, осаждающие нередко уничтожали посевы хлебов в пригородных районах, лишали город воды. Последнее отметил в своем труде Бадриддин Кашмири: по распоряжению Абдулла-хана II, обложившего Мерв, была разрушена плотина на р. Мургаб[4].

Произвол феодальных правителей приводил к такому обнищанию основных производителей материальных благ, что порой новому захватчику города не удавалось обеспечить своих ополченцев даже провизией. Захватив Самарканд, жители которого до того перенесли продолжительную осаду, Захириддин Бабур разочарованно признает в своих мемуарах: «Что можно взять из области, подвергшейся такому опустошению и разорению?»[5]

Благодаря концентрации в руках Абдулла-хана II военных сил, позволивших вести многолетнюю ожесточенную борьбу с фактически независимыми удельными правителями, его дипломатическим и организаторским способностям ему удалось создать относительно централизованное государство.

В годы его правления (захватил Бухару в 1557 г., с 1560 г. правил от имени отца, ханом был провозглашен в 1583 г.) возросло значение Бухары как административного, торгово-ремесленного и культурного центра страны, расширились возможности использовать выгодное положение города как узла важнейших торговых путей. Как результат возросшей экономической роли города возникли новые строения. Строительная деятельность коснулась во второй половине столетия и более мелких центров — Карши (Несеф), Каракуля, Чарджоу, Гиждувана.

Военные действия Абдулла-хана требовали больших средств. Бадриддин Кашмири и Хафиз Таныш приводят факты о снабжении его войск за счет населения, особенно тех областей, через которые они проходили. При этом писатели не могли скрыть неоднократные попытки местных жителей освободиться от обременительных дополнительных сборов. Несвоевременная доставка зерна и фуража были причинами вынужденных остановок в пути ханской армии. То было одним из методов сопротивления податного населения феодальным порядкам.

Практиковался принудительный набор подвластных феодалу жителей в армию. Из них набирались военные отряды, во главе которых стояли предводители, обязанные являться с конем и вооружением. В тех случаях, когда верховный правитель прика-

---

[4] Бадриддин Кашмири. Раузат ар-риэван..., л. 200 б.
[5] Бабур-наме, с. 115.

зывал удельным правителям и крупным феодалам поставлять войско с вооружением, ответственность за это ложилась на последних.

О тяжелых последствиях завоевательных войн Абдулла-хана и бесконечных грабежах, способствовавших обнищанию жителей Ташкента, Самарканда и Термеза, сообщают современники. Им был разорен Хорезм, а жители Мерва в результате разрушения плотины в течение последующих семи лет тяжело страдали от недостатка воды. По распоряжению хана были насильно переселены в Бухарскую область жители из окрестностей Ташкента и селений Мервского оазиса. Хафиз Мукими, автор «Зафар-наме», сочинения, до последних лет редко привлекавшегося исследователями, рассказывает следующее: по приказу Абдулла-хана «уничтожили здания, кварталы (махалла), базары, дворцы города Ташкента, а также полностью разрушили подвластные этому (городу) Фаракат, Чинас, Шахрухию, а жителей (их), знать и простой народ, тюрков и слуг (их) он переправил за упомянутую реку (Сырдарью) и переселил на окраинные земли областей». Далее Мукими приводит такие стихи:

«Зажгли в нем (городе) огонь гнева,
Сожгли все дворцы и айваны.
Теперь там обитают лишь совы;
Не осталось мужчин и женщин.
Во время хакана, обладающего высоким троном,
Весь народ в большинстве (своем) оказался в плену»[6].

С конца XV в. до захвата Ташкента бухарским правителем в 1582 г., значение города, как одного из центров политической и экономической жизни Средней Азии, заметно возросло: наблюдается оживление в торговле, ремесленном производстве, особенно в ткацком и тех отраслях, которые были связаны со строительным делом. Многие из сохранившихся до наших дней монументальных зданий были возведены именно в конце XV — отдельные годы XVI в. В это время в Ташкенте сосредоточились значительные культурные силы. Здесь творил свои произведения Зайниддин Васифи, жили или в разное время посетили город поэт и мыслитель Абдаррахман Джами, писатель, полководец и государственный деятель Захириддин Бабур, историк Масуд ибн Усман Кухистани, правитель-историк Абулгази-хан, миниатюрист Джамалиддин Юсуф и другие; в литературных диспутах, прово-

[6] Мукими. Зафар-наме. Рук. ИВ АН УзССР, инв. № 6014, л. 93 аб; Цит. по: Салахетдинова М. А. Зафар-наме Мукими.— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVI годичная сессия ЛО ИВ АН СССР (Доклады и сообщения по иранистике), ч. II. М., 1982, с. 137.

димых в чахарбаге Кайкаус, принимали участие культурные силы Самарканда, Бухары, Шахрухии[7].

Абдулла-хан жестоко отомстил населению, оказавшему ему упорное сопротивление: лишил Ташкент, в какой-то мере соперничавший с Бухарой, фактической независимости.

Действия Абдулла-хана трагически отразились на дальнейшей судьбе города, где в конце XV — первой половине XVI в. после продолжительного застоя вспыхнула искра жизни и вновь потухла.

Централизаторская политика Абдулла-хана, как и подобные попытки некоторых других Шейбанидов, наряду с положительными результатами имели последствием разорение народа, особенно трудового, разрушение городов и сел, которые отстаивали свою самостоятельность.

В тяжелые дни осад, как отмечают историки, погибала масса людей, в основном беднота и рядовые жители; трупы, не покрытые саваном, валялись на улицах города[8].

В отдельные годы конца XV — первой половины XVI в. под властью ташкентских правителей находились Фергана и присырдарьинские города, управление и сбор налога-ренты с которых они обычно уступали феодальной знати, оказавшей им особые услуги. На примере ташкентских правителей можно пронаблюдать взаимосвязь феодальных правителей с высшим духовенством. Так, несколько населенных пунктов в Фергане — Караскан, Кизилрабат, Адак и Говхана — на правах суйюргала были переданы удельным правителем Ташкента влиятельным духовным лицам — потомкам Султана Сайида. Из их числа назначались распорядители — мутавалли вакфного учреждения в пользу гробницы упомянутого Сайида[9]. Неограниченность прав отмеченных духовных феодалов, заинтересованных в укреплении власти ташкентских правителей в ферганских городах, подтверждается множеством грамот. Повелевалось не брать с подвластных им земель ни дирхема, ни динара или пула[10]. Особые привилегии и тарханные права сайидов подтверждаются несколькими документами. Один из них был выдан от имени Баба-хана — сына ташкентского и верховного правителя Мавераннахра Науруз Ахмад (Барак)-хана. Предоставление привилегий названным сайидам позже, после присоединения Ташкента и Ферганы к Бухарскому ханству, подтвердил особыми грамотами и Абдулла-хан[11].

[7] Мукминова Р. Г. Из истории культурной жизни Ташкента XV—XVI века. Общественные науки в Узбекистане, 1983, № 9, с. 26—30.

[8] Мулла Шади. Фатх-наме, с. 431—434; Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, СПб., 1908, с. 61—67.

[9] Жувонмардиев А. XVI—XIX асрларда... (Дальше: Ҳужжатлар). Ҳужжат № 92/10, 93/5.

[10] Там же, № 55/27, 95/3, 105/71.

[11] Там же, № 66/67.

Тарханство было распространено как в Средней Азии, так и в других странах Востока. Тарханы — высшее сословие класса феодалов — «были освобождены от всяких налогов, не должны были делить свою добычу с другими, имели постоянный свободный доступ к великому хану, освобождались от наказания до девяти раз»[12].

В Средней Азии власть тарханов особенно усилилась в конце XV в. В эти годы отдельные из них выступали как самостоятельные правители. Но и в XVI в. феодальные властители тем, в чьих услугах особо нуждались, продолжали выдавать тарханные грамоты. В их числе были именитые купцы и представители влиятельного духовенства. Потомкам упомянутого Султана Сайида, являвшимся опорой ташкентских, а после покорения Ташкента — бухарских правителей, был представлен ряд привилегий. Особые льготы предоставлялись им во время охоты. От имени ташкентского хакана Суюнч Ходжа-султана 25 июля 1522 г. была выдана грамота одному из ферганских сайидов — Фазылу Али. Согласно этой грамоте, последнему предоставлялось право гнаться за дичью вслед за ловчей птицей и гончей собакой по любой территории. Много раз, видимо, пытались ферганцы оградить свои поля и луга от вытаптывания. Против их попыток и было направлено официальное письменное разрешение ташкентского султана, которое отныне придавало указанным действиям сайида законный характер. Согласно другому документу, запрещалось сеять посевы без разрешения на то Гуё Мухаммада[13], что показывает, насколько ограничены были права жителей подвластных сайидам земель и как велика была над ними их власть.

Среди огромного числа податных сборов и повинностей (свыше 90 наименований), которые феодальные правители уступали в пользу потомков Султана Сайида, в нескольких документах называются 32 подати[14], обычно взимавшиеся с ремесел.

На Востоке, в том числе и в Средней Азии, распространено было мнение, что городом можно назвать тот населенный пункт, где насчитывалось не менее 32 ремесел[15]. Поэтому надо полагать, что в цитированных ярлыках речь идет о сборах с ремесленных промыслов в нескольких населенных пунктах Ферганы, которые отныне, вместо того, чтобы поступить в казну, попадали в руки сайидов.

Особый интерес представляет документ об уступке потомкам Султана Сайида сборов, исчислявшихся в золоте (олтун). В грамотах, составленных от имени Науруз Ахмад-хана, его сына Дуст-Мухаммада и некоторых других правителей Ташкента и Ах-

[12] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, 1938, с. 220.
[13] Ҳужжатлар, № 1/92, 18/42.
[14] Там же, № 50/64, 53/119, 62/33, 65/63.
[15] Гаврилов М. Рисоля сартовских ремесленников. Ташкент, 1912, с. 7.

сикента, говорится о передаче в пользу Гуё Мухаммада и его потомков 12 тыс. золотых динаров[16]. Вероятно, эта сумма опреде-

Сбор и вывоз миндаля.— Миниатюры к «Бабур-наме». Ташкент, 1978.

ляла стоимость общих сборов, взимавшихся в основном натурой.

[16] Ҳужжатлар, № 2/35, 5/91, 8/55, 14/105, 16/37 и др.

Подобное явление — исчисление в деньгах на основании официальной таксировки стоимости взимаемых натурой продуктов, наблюдалось и в других странах Востока[17].

Судьи подвластных сайидам населенных пунктов были из числа самих же сайидов, что увеличивало их возможности безнаказанно притеснять местных жителей. В ярлыках, изданных в 1553, 1570, 1572/73, 1596 и других годах, нашло отражение бегство населения из разных мест. По приказу ташкентских правителей беглые люди возвращались под власть сайидов, запрещалось кому-либо оказывать им покровительство[18].

После захвата Ташкента Абдулла-ханом город на некоторое время потерял самостоятельность. Позже, будучи завоеванным то одним, то другим феодальным правителем, он долго еще не мог подняться на тот уровень, который занимал в отдельные десятилетия XV—XVI вв.

Многочисленные термины использовались для определения трудовых повинностей на феодала и феодальное государство: хашар[19], бигар, мардикар, улаг, кара-черик, казув, качув и др. Терминология для обозначения разных форм принудительного труда и частое их упоминание в документах, выданных ташкентскими правителями в пользу упомянутых сайидов, свидетельствуют о широкой практике привлечения населения к принудительному труду.

Примитивная техника и использование в основном лишь ручного труда в строительстве караван-сараев, дворцов и медресе, возведении плотин и т. д. требовали привлечения огромного числа людей на длительный срок. В письмах и приказах Абдулла-хана II, Ходжи Ислама и Ходжи Са'ада неоднократно сообщается о необходимости мобилизовать трудовое население на строительство канала на р. Вахше и других объектов.

Ученик и биограф Ходжи Ахрара Али ибн Хусайн аль-Ваиз ал-Кашифи сообщает, что на ремонт каналов в районе Карши, орошавших поля ходжи, ежегодно выходило три тысячи человек, «по одному... от каждого плужного участка»[20].

В приказах Абдулла-хана число людей, требовавшихся на строительство, определяется в большинстве случаев в десять тысяч человек. Как видно из «Раузат ар-ризван», рядовые жители сгонялись с разных местностей, нередко издалека. Осуществление подобными методами строительных и ирригационных работ приносило крупнейшим феодалам страны огромные доходы.

---

[17] Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960, с. 341—342.

[18] Набиев Р. Н. Источники по истории..., с. 95—96.

[19] Этим термином обозначались также коллективные общественно полезные работы и взаимопомощь населения друг другу при выполнении работ, которые были не под силу одной семье.

[20] Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов..., с. 11.

Строительство упомянутого канала на р. Вахше должно было быть окончено в 987 г. х. (1579/1580 г.). Для доведения работы до конца Абдулла-хан II распорядился доставить на место десять тысяч мардикаров. «Никто не должен возражать этому»,— указано в приказе[21]. Между тем, в письме, написанном позже, копия которого помещена в том же сочинении, Абдулла-хан вновь требует доставки людей для работ на канале. Письмо это датировано 993 г. х. (1585 г.), из чего можно заключить, что к установленному сроку строительство канала не было завершено (или было окончено лишь частично, ибо автор говорит о пуске воды в канал).

Люди, прибывшие на строительные работы, поступали в распоряжение уполномоченных (гумаштеган) Ходжи Са'ада. Однако доставить большое число трудоспособных мужчин было чрезвычайно сложно. Оставив свои работы, хозяйства, дома и семьи, мобилизованные должны были отправиться на выполнение трудовой повинности нередко в отдаленный район, что, конечно, вызывало общее недовольство. Именно этим можно объяснить повторные распоряжения Абдулла-хана о доставке на канал необходимого числа мардикаров. В письме хана, адресованном, например, Мулле Мухаммад-бию, повторяется приказ о мобилизации трудового населения[22].

Приведенные материалы показывают, как дорого обходилось трудовому населению выполнение столь тяжелой повинности — строительство новых оросительных каналов.

В рассмотренных нами случаях строительные работы продолжались несколько лет, что безусловно вело к разорению хозяйств тех, кто был мобилизован на выполнение строительной повинности. Расширение же посевных площадей за счет вновь орошенных земель приносило доходы феодальной верхушке, в данном случае джуйбарским шейхам.

Количество работников (мардикар), доставлявшихся на строительство из ближайших, а при больших масштабах строящихся объектов и отдаленных местностей, Бадриддин Кашмири определяет в одну, согласно другим письмам, помещенным в книгу, в десять тысяч человек. Действительно ли количество мардикаров, привлекаемых из числа феодально-зависимых податных людей, соответствовало указанным цифрам? Вероятнее всего, эти цифры не соответствуют действительному числу мобилизованных и лишь отражают мнение автора о приблизительном, очень большом количестве людей. Очень часто цифрами — одна тысяча, десять тысяч, тридцать тысяч — в письменных источниках определяется и число войск.

---

[21] Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван..., л. 304 аб, 316 аб.
[22] Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван..., л. 316 аб.

К подневольному труду привлекалось как сельское, так и городское население. В строительных работах по возведению плотин, оросительных каналов, зданий, культовых сооружений должны были, конечно, принимать участие и феодально-зависимые ремесленники, мастерство которых было необходимо для возведения строений. К строительным работам частично привлекались и рабы.

Новые благоустроенные поместья джуйбарских шейхов располагались в разных областях, например, в Бухарской, Ташкентской и других. В местности Хасанабад, находившейся в Бухарском районе, размещались несколько чарбагов и деревень. Ремонт головного сооружения хасанабадского канала, по словам автора «Матлаб ат-талибин», был связан с большими трудностями. Содержание в исправности этой плотины ложилось, по его словам, чрезвычайно тяжелым бременем на окрестное население. Для ремонта плотины, по свидетельству того же автора, привлекались до одной и более тысяч человек и доставлялось до десяти тысяч вьюков хвороста[23]. Между тем, посевы рядовых жителей нередко гибли от недостатка воды. Несколько ярлыков (от 1585 г. и др.)[24] содержат жалобы мелких феодалов на более могущественных соседей, нарушающих порядок орошения земель. Жалобы рядовых жителей в подобных ситуациях вряд ли учитывались властями.

Проведение новых оросительных каналов, как и возведение монументальных сооружений, было под силу только верховному или крупным удельным правителям, например, ташкентским султанам в годы превращения Ташкента в сравнительно крупный политико-экономический центр или таким владетельным духовным феодалам, как джуйбарские шейхи. Активная строительная деятельность последних находила постоянную поддержку со стороны узбекского хана. Богатые подношения Абдулла-хана сочетались с постоянной помощью джуйбарским шейхам в освоении новых земель и приобретении поместий за счет труда податного населения.

Вымогательства со стороны государства усиливались в годы междоусобиц, обострения борьбы за власть и агрессий соседних правителей. В эти годы податные сборы взимались так часто и в таком количестве, что они скорее напоминали грабеж населения и захват военной добычи завоевателем, чем взимание податей государственными чиновниками. Нередко подати взыскивались досрочно за несколько лет вперед.

Даже тогда, когда на непродолжительное время утихали открытые военные действия, население не было ограждено от внезапных нападений. Постоянная угроза со стороны ополченцев мелких и крупных феодалов, особенно усиливавшаяся в годы ос-

[23] Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов..., с. 72.
[24] Ҳужжатлар, № 109/89.

лабления центральной власти, заставляла жителей страны быть готовыми к защите от неожиданных нападений. Махмуд ибн Вали пишет об этом так: «Даже тогда когда старосты деревень и землепашцы бывают заняты полевой работой, они держат при себе колчан и лук»[25].

Сейди Али Раис и Антоний Дженкинсон, современники описываемых событий в Средней Азии XVI в., в своих сочинениях зафиксировали деятельность купцов, ведших торговлю с другими странами в период междоусобных войн. Караваны с товарами тогда чаще обычного подвергались нападению грабителей, иногда с согласия местного правителя, которому перепадала часть награбленного. Купцы, передвигавшиеся с караваном, нередко вынуждены были подолгу задерживаться в каком-либо населенном пункте из-за действий «дорожных бандитов». Торговые караваны сопровождались обычно вооруженными отрядами, тем не менее порой купцам и послам самим приходилось вступать в бой с грабителями.

Как и на Западе[26], в Средней Азии существовали посмертные поборы. Немало представителей трудового населения даже после смерти оставались должниками государства или владетельного феодала. Как пишет историк Джувейни, был даже «случай, когда сборщик податей (мухассиль) пришел требовать подать (маль) к человеку, только что испустившему дух; так как ничего другого у бедняка не было, сборщик снял с покойника саван и унес»[27]. На мусульманском Востоке бытовал обычай хоронить покойника без савана в наказание за то, что он или его близкие не рассчитались с долгами.

Обычно поголовным налогом (джизья) облагалось лишь немусульманское население. Тем не менее, как видно из сообщения историка Абулгази[28], после захвата города, оказавшего упорное сопротивление, все его население, в том числе и мусульманское, могло быть обложено в наказание поголовной податью.

Общее недовольство народа несправедливым сбором налогов отразилось в высказывании «Отшельника», которое приводит в своем тазкире Хасан Нисари. Когда управители Убайдулла-хана ввели чрезвычайный налог для снабжения войска, «Отшельник», якобы, решился доложить хану: «В этом налоге есть четыре несоответственных свойства: с кого следует — не берут, а с кого не следует — берут, кому не следует — дают, а кому следует — не дают!»[29].

---

[25] Махмуд ибн Вали. Море тайн..., с. 17.
[26] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 350.
[27] Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения..., с. 351.
[28] Абулгази. Тарих-и шаджара-и тюрк. Казань, 1891, с. 172.
[29] Болдырев А. Н. Зайниддин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). Сталинабад, 1957, с. 157.

Те, кому подчинялись налоговые сборщики, в целях наживы толкали их на незаконные действия. Прибегая к разным ухищрениям, некоторые из них заставляли зависимых чиновников платить им. Сообщение автора «Тарих-и Рашиди» Мухаммада Хайдара подтверждает это.

«В этом месте я напомню историю об амалдаре»,— пишет историк[30]. Согласно его сообщению, один правитель незаконно оштрафовал амалдара и стал пытать его для того, чтобы заставить заплатить значительную сумму. «Великодушный благородный ходжа», узнав об этом и сжалившись над ним, выкупил амалдара из рук налогосборщиков (мухассилан), заплатив за него требуемую сумму. Затем он привел его в свой дом и оказал ему большое внимание.

Однажды амалдар беседовал с сыном; ходжа, находившийся по другую сторону стены, услышал их разговор. Сын спросил отца, как они смогут отблагодарить ходжу за проявленную к нему доброту? Амалдар отвечал, что как только он снова будет при своей должности, вопрос решится очень просто. Он начнет притеснять ходжу и в конце концов добьется того, что его передадут в руки сборщиков налога, которые оштрафуют его. Когда же возникнет вопрос о его жизни, на часть имущества ходжи амалдар выкупит его самого[31].

При такой системе сбора налогов и злоупотреблениях чиновников только часть податных сборов поступала в казну государства. Разорялись земледельцы и ремесленники, хирела внутренняя торговля, нарушались торговые связи с другими странами. В этих условиях все большее число феодалов стало стремиться к упорядочению государственной власти, усилению ее роли, созданию централизованного государства. В письмах к могущественному шейху Ходже Са'аду, приведенных в книге Бадриддина Кашмири, некоторые высокопоставленные лица просят его помощи для установления мира и порядка в стране.

Через Ходжу Са'ада некоторые феодальные правители уделов пытались воздействовать на Абдулла-хана с целью обуздать его захватнические действия. Читая «Раузат ар-ризван», убеждаешься в том, как необходим был мир для всей страны, что за установление его выступали не только трудовые слои населения, особенно ремесленники и мелкие торговцы, но крупное купечество и часть феодальной знати.

Отражая стремление народа жить в мире, историк Хафиз Таныш говорит устами одного из действующих лиц своего сочинения: «Величайшим преступлением является война тогда, когда

---

[30] Амалдар — здесь: правительственный чиновник.

[31] Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди. Рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1430, л. 91 б.

желают мира». Но, как писал Ф. Энгельс, «война и опустошения принадлежали к числу повседневных явлений этой эпохи...»[32] — эпохи феодализма. Слова, сказанные Ф. Энгельсом о политической обстановке и положении крестьян в Германии XVI в., характеризуют историческую обстановку в Узбекистане того же столетия и доказывают общность исторического развития человеческого общества в разных регионах.

Из сообщений того же Бадриддина Кашмири видно, что в целях приобретения новых земель, торгово-ремесленных заведений и других богатств Ходжа Са'ад поощрял завоевательные походы Абдулла-хана в соседние страны, в частности, в Хорезм и Хорасан. Главной же причиной этих походов было то, что через города Хорезма пролегали торговые пути к низовьям Волги и дальше на Русь; Хорасан был связан с Мавераннахром более тесными экономическими узами, чем с западной Персией, через него пролегали транзитные торговые пути в западную и юго-западную Персию и Индию[33].

Будучи в услужении и под покровительством могущественного шейха Са'ада, Бадриддин Кашмири мог свидетельствовать в своем труде о разорении областей в результате действий Абдулла-хана II, ставившего целью любой ценой, не учитывая платежеспособность податного населения, обеспечить поступления сборов в государственную казну. По мнению одного из узбекских султанов, текст письма которого приводится в книге Бадриддина Кашмири, аталики[34] не служат больше года. За короткое время они не успевают вникнуть в суть дела и определить, какое количество доходов можно собрать с населения, и поэтому сборы и расходы местных правителей превышают доходы с данной области. В заключение автором письма высказывается пожелание, чтобы аталик служил на одном месте подольше, года четыре[35].

Взимание законных и незаконных, регулярных и экстренных сборов было одной из причин разорения страны, губительно действовавшей на хозяйственную деятельность податного, в том числе и ремесленного населения. Между тем, большая часть награбленных богатств уходила на содержание двора правителя, на пышные пиры и охоты. Ни в одном письменном источнике, посвященном шейхам, нет никаких упоминаний о попытках улучшить организацию производства в многочисленных ремесленных мас-

[32] Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии, с. 123.

[33] Мукминова Р. Г. Борьба за Мавераннахр между Тимуридами и Шейбанидами (к истории образования узбекского государства Шейбанидов). Автореф. канд. дисс.... Л., 1949, с. 13.

[34] Аталик — высший чин в Бухаре. Буквально, «заступающий отца». Мирза Бади'-диван. Маджма' ал-аркам (Предписания фиска). Приемы документации в Бухаре XVIII в. Факсимиле рукописи, введение, перевод, примеч. и прилож. А. Б. Вильдановой. М., 1981, с. 95.

[35] Бадриддин Кашмири, Раузат ар-ризван..., с. 326.

терских и на обширных земельных владениях, принадлежавших джуйбарским шейхам.

Проследив хозяйственную деятельность ходжей на протяжении трех поколений, П. П. Иванов в специальном исследовании, посвященном их жизни и деятельности и опубликованном вместе с переводами документов архива шейхов Джуйбари, пришел к заключению, что за период господства Ходжи Ислама, его сына Ходжи Са'ада и внука Ходжи Таджиддина, т. е. на протяжении около ста лет, в ведении хозяйства не произошло никаких изменений. «Ни в области земледелия, ни в сфере ремесленного производства,— пишет он,— феодальное хозяйство Ходжи Таджиддина ничем не отличалось от того уровня, на котором стояло джуйбарское хозяйство столетием раньше в начале деятельности Ходжи Ислама»[36].

Исходя из того, что значительную часть населения крупных городов Средней Азии, особенно таких, как Самарканд и Бухара, в рассматриваемый период составляли ремесленники, мелкие и крупные торговцы, можно предположить, что большинство городских доходов являлись податями с ремесел, взимавшимися при реализации товаров, а также арендной платой за мастерские, лавки, рыночные площади, сборами и пошлинами с мелких торговцев и купцов. Сбор взимался даже за крышу, которая была возведена над специальными базарными рядами (рядами продавцов тканей, ювелиров и некоторых других). Об этом свидетельствует тот факт, что сборы с крыши на базаре были включены в общий список имущества, переданного в вакф в пользу двух самаркандских медресе. Крыша над одним и тем же торговым рядом условно делилась на части и каждая часть считалась принадлежавшей отдельному владельцу. Совладельцы должны были делить между собой сумму, поступавшую в результате сборов за пользование крышей и получать соответствующую долю[37].

Подобная практика — наличие нескольких совладельцев, пользующихся доходом с одного объекта, как и сами сборы ренты-налога,— должна была значительно осложнять систему обложения и сбора налогов. Это в свою очередь расширяло возможности злоупотреблений со стороны и тех, кто был причастен к налогообложению, и тех, кто занимался их сбором. Широко практиковавшаяся откупная система вносила еще больший беспорядок в налоговую политику государства.

По мнению П. П. Иванова, годовая сумма государственных доходов с Самарканда — 1600 тыс. танга — соответствовала годо-

---

[36] Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов..., с. 80.

[37] Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане в XVI в. По материалам «Вакф-наме». Ташкент, 1966, с. 235 (Далее: «Вакф-наме»).

вому доходу с имений Ходжи Са'ада[38]. К сожалению, у нас нет источников, которые могли бы дать возможность сопоставить эти данные с соответствующими цифрами по другим городам. Однако вывод П. П. Иванова, сделанный им на материале рукописи «Матлаб ат-талибин», свидетельствует о том, что налоговые сборы с городского населения составляли в общем значительную сумму.

Феодальный город, бывший средоточием культурной и общественной жизни страны, являлся центром многих отраслей ремесла, тесно связанных с сельским хозяйством. В то же время город отличался специфическими чертами экономики.

В исследовательской литературе хорошо освещено губительное влияние междоусобных и завоевательных войн феодальных правителей на состоянии земледелия. Слабее выявлены те спады и подъемы, которые наблюдались при отсутствии центральной власти в городском хозяйстве, а, между тем, продолжительные осады, разрушение домов, мостов, крепостных стен, использование труда податного населения для их восстановления, переселение ремесленников и деятелей культуры из покоренного города в удел завоевателя отрицательно сказывались на развитии производительных сил и культуры, на экономике города в целом.

В период усиления феодальной раздробленности ослабевали экономические связи между отдельными городами, городом и селением, как и другими областями и странами. В результате сокращалась торговля, нарушалась повседневная работа ремесленников, разорялись мелкие производители.

В. В. Бартольд отметил, что «...внутренние смуты, по-видимому, меньше отражались на земледелии, чем на торговле, которой наносили существенный вред распадение государства на мелкие уделы и стремление каждого удельного князя облагать пошлиной провозившиеся через его область товары; таким же поборам подвергались даже проезжавшие через хивинские владения послы к бухарским ханам или другим владетелям»[39].

Некоторое укрепление центральной власти в отдельные годы правления Шейбани-хана, Убайдулла-хана, Имамкули-хана и особенно Абдулла-хана II имело результатом лишь временное упорядочение сборов с торговли, ремесла, сельского хозяйства и скотоводства. В эти кратковременные периоды создавались сравнительно благоприятные условия для развития ремесленного производства и реализации товаров, денежных реформ и оживления торговли и ряда мероприятий, благоприятствовавших усилению строительной деятельности (в XVI в. возведено значительное

---

[38] Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов..., с. 65.

[39] Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II, ч. I, М., 1963, с. 273.

число новых построек в Самарканде, Бухаре, Ташкенте и других городах) и развитию культуры.

Но даже при таком могущественном правителе, каким считался Абдулла-хан, не была изжита политическая и особенно экономическая раздробленность.

Города были связаны между собой хозяйственными узами, в то же время экономика в стране не была централизована, что нашло отражение в наличии разных мер и весов. Даже на рынках одного города существовали, например, манны разных размеров[40]. Такая же картина наблюдалась в рассматриваемый период и во многих других странах Востока[41].

С товаров, провозившихся из одной местности в другую, взимались разные сборы, число и размеры которых подчас зависели не только от экономического и политического веса местного правителя, но и произвола откупщиков налогов и налоговых сборщиков. Такие торговые и дорожные пошлины, как бадж, рахдари и другие мелкие сборы, должны были уплачивать как купцы и торговцы, так и ремесленники и крестьяне. В результате доставка ремесленниками изготовленного ими изделия из сельских местностей или окрестностей города на городской рынок, так же, как крестьянами сырья и продуктов сельского хозяйства, осложнялась тем, что приходилось платить неоднократно взимаемые по мере перемещения товара торговые сборы. Это обстоятельство было одной из причин (а их, как мы увидим ниже, было много), заставлявших мелких производителей передавать свою продукцию торговцам-скупщикам. В результате возрастала возможность скупщиков приобретать товары у непосредственного производителя по сниженным ценам.

Налог-рента взимался в городе в денежной и в натуральной форме.

В условиях, выставленных в вакфной грамоте в пользу медресе Шейбани-хана, в обязанность мутавалли вменяется организовывать в начале каждого десятилетия составление копии «Вакфнаме». При этом стоимость бумаги должна была оплачиваться из доходов данного вакфа, т. е. писчая бумага приобреталась за деньги. Между тем в обширном списке переданного в вакф имущества числятся и бумагоделательные мастерские[42]. Это дало нам основание считать, что арендаторы бумагоделательных мастерских вносили ренту не натурой, а деньгами. Также за деньги, как видно из условий, перечисленных в данной грамоте, приобрета-

---

[40] Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970, с. 85.

[41] Mehdi Keyvani. Artisans and Guild Life in the later Safavid period. Contributions to the Social-economic history of Persia. Klaus Schwarz verlag. Berlin, 1982, p. 131.

[42] Вакф-наме, с. 244, 198.

лось мыло. Ежегодно на его покупку для нужд преподавателей, обслуживающего персонала и студентов медресе выделялась сумма в 2 тыс. динаров. Определенная сумма из доходов вакфа предусматривалась и на приобретение свеч, хотя в вакфное имущество входили и свечные дуканы[43].

Основываясь на этих данных, можно полагать, что с бумагоделательных, мыловаренных, свечных и других мастерских взималась денежная рента.

В одном из указов, помещенных в сборник копий официальных документов и частных писем — «Мактубат ва аснад», предусматривается взимание таможенниками весового сбора с шелка[44]. Возможно, в других случаях в зависимости от вида товара размер таможенного сбора устанавливался из расчета его стоимости. Для оценки стоимости товара он должен был пройти через руки компетентных лиц.

Эти, как и другие примеры из письменных источников, подтверждают мнение, что в крупных торгово-ремесленных центрах рассматриваемого времени податные сборы в основном взимались в деньгах, хотя имеются и примеры уплаты товарами.

Феодальный правитель стремился держать под своим постоянным вниманием деятельность купцов, торговцев и ремесленников, при этом не задумываясь над тем, соответствуют ли размеры феодальной ренты и налогов уровню развития производительных сил и доходов мелких производителей.

Действия таможенного чиновника контролировались представителями власти, однако при той децентрализации в государстве, которая существовала в стране на протяжении многих десятилетий конца XV—XVI в., бесчинства чиновников пресекались далеко не всегда.

Теоретически в государственную казну должна была поступать основная часть налоговых сборов с базаров и таможен, за охрану дорог, за переправу через реки и т. п. В действительности же в казну попадала лишь очень незначительная часть того, что собиралось с населения страны и, в частности, с торгово-ремесленных заведений. Значительная доля доходов оставалась в руках разного ранга лиц, кормившихся за счет трудового народа. Но и государственная казна использовалась не для расширения производства. Хан пользовался ею как своими личными доходами, растрачивая значительную ее часть на непроизводительные расходы.

В конце XV—XVI столетия значительно возросло влияние крупного мусульманского духовенства, «представителя идеологии средневекового феодализма»[45], активно участвовавшего как в по-

[43] Там же, с. 310, 241.
[44] Мактубат ва аснад, л. 116 б.
[45] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 350.

литической, так и в экономической борьбе за господство. Оно было заинтересовано в поддержке действий узбекских ханов, получая в благодарность земельные пожалования и чины. Материалы документальных и повествовательных источников информируют нас о тесных взаимосвязях и совместных действиях феодальных правителей и верхушки духовенства. Один из государевых указов предписывает, например, в список налогоплательщиков не включать известного шейха Мавлана Джалалиддина и Муллу Махмуда, «занятых молитвой за здравие» хана. Особо привилегированное положение в Фергане в XVI в. занимал известный сайид Махдуми Азам Касани (умер в середине XVI в.). Он и его потомки играли важную роль в политической жизни государства Шейбанидов[46].

На протяжении многих столетий решающая роль в политических событиях и экономической жизни Ферганы принадлежала упомянутым выше карасканским сайидам. Они стояли на страже интересов удельных шейбанидских правителей Ферганы и Ташкента, под властью которых находились принадлежавшие им земли, и каждый из узбекских правителей, придя к власти, выдавал охранную грамоту, предоставляя указанным сайидам право взимать в их пользу податные сборы и использовать труд местных жителей[47].

Неугодные представители духовенства обычно заменялись теми, которые поддерживали политику властелина. К примеру, Шейбани-хан с приходом к власти принял ряд мер с целью отстранить духовных лиц, занимавших руководящее положение и имевших влияние на государственные дела при последних Тимуридах. В их числе были и сыновья Ходжи Ахрара — Ходжа Яхья и Ходжа Абдулла. Шейбани-хан попытался сосредоточить в своих руках политическую и духовную власть. Он привлек к себе тех представителей духовенства, которые возвысились благодаря ему и потому вынуждены были активно поддерживать его действия, в том числе и военные походы, прикрываемые религиозной борьбой между суннитами и шиитами. Под флагом «священной войны» осуществлялись походы Шейбанидов и на север. Позже в целях укрепления своих позиций сын Шейбанида Кучкунджи-хана Абдаллатиф-хан пожаловал потомку Ходжи Ахрара Мухаммад Яхье ранее отнятые у его деда земли, сады, жилые дома, дуканы, мельницы и другие недвижимости в Самарканде и его округе. Одновременно, согласно указу Абдаллатиф-хана, эти владения освобождались от десятины (дахьяк), двойной десятины (дахду), налога на чрезвычайные расходы (хардж-и хараджат-и аваризат), бигара, хашара, подымного (дуди), десятипроцентного (дахйаз-

[46] Махмуд ибн Вали. Море тайн..., с. 129. Прим. 325.
[47] Ярлыки.

дах), подарочного (савари), свадебного (мадад-и туйана), налога по случаю победы (фатхана) и всяких прочих податей (такалиф), «которые взимаются в вилайете» (области)[48].

Стремление укрепить свою власть и стать могущественным верховным правителем при поддержке духовных феодалов особенно ярко проявилось в действиях хана Абдуллы. Джуйбарские шейхи активно поддерживали его борьбу с политическими противниками, были его верными союзниками в покорении новых городов и сел, что в конечном итоге имело результатом превращение шейхов в чрезвычайно мощных в экономическом и политическом отношениях духовных феодалов, не зависимых от ханской власти. Постепенно они стали играть решающую роль в политической и экономической жизни страны. Им подвластно было не только сельское население принадлежавших им земель, но и значительное число ремесленников и мелких торговцев города, особенно Бухары.

Возросшая в XVI в. роль духовенства отразилась в строительстве большого числа культовых зданий и, соответственно, вакфных хозяйств в пользу медресе и мечетей. Обслуживающий их персонал, преподаватели и студенты пополняли число разных слоев городских жителей.

Рост торговли и развитие товарно-денежных отношений (максимальное их развитие, по мнению Е. А. Давидович, относится к последней четверти XV — началу XVI в., когда в эти отношения были вовлечены широкие слои городского и отчасти сельского населения)[49] способствовали усилению классового расслоения горожан. Это подтверждают материалы значительного числа документов, относящихся к Самарканду и Бухаре. Некоторые сведения, отражающие жизнь населения этих городов, могут характеризовать и внутреннюю жизнь Ташкента. Немногочисленные источники, повествующие о нем, в основном отражают лишь состояние культурных сил и активную строительную деятельность ташкентских мастеров этого периода и связи Ташкента с другими городами. А это свидетельствует о важной роли столицы удельного владения в культурном и экономическом развитии региона и дает основание считать, что процесс социального расслоения населения усилился в рассматриваемые годы и в таких городах как Ташкент, значительная часть населения которого, однако, в отличие от большинства самаркандцев и особенно бухарцев сочетала ремесло или мелкую торговлю с сельским хозяйством.

---

[48] Самаркандские документы XV—XVI вв., с. 314.

[49] Давидович Е. А. О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии (К постановке вопроса).— Народы Азии и Африки, 1965, № 6, с. 87.

Концентрация в городе разных социальных слоев населения и специализация ремесленников нашли отражение в структуре города. Ремесленники ведущих отраслей проживали в специализированных кварталах соответственно профессиональной принадлежности: Адрасбафан, Кулалгаран, Сангтарашан, Дегризан, Арбачиан и др. Квартал, где проживали золотых дел мастера, располагался ближе к центру города, а циновочники селились на окраине города. Кожевники и набойщики тканей размещались у проточной воды, ковальщики — при въезде в город, бумагоделы — за его чертой. Мастерские некоторых взаимообслуживающих ремесел располагались рядом. По наблюдениям Н. Н. Ершова, в Каратаге «для удаления шерсти и волоса с кож употребляли известь, которую кожевники покупали у гончаров. Взамен этого кожевники сбывали снятые с кож шерсть и волос, которые гончары употребляли в своем производстве. Здесь мы видим как бы взаимообслуживание двух видов ремесла, к тому же территориально расположенных в непосредственном соседстве, так как квартал гончаров примыкал к кварталу кожевников и был расположен лишь выше по течению реки». Вполне возможно, что подобное соседство объяснялось исторически сложившейся взаимосвязью. «Случайно ли это соседство или нет, осталось нам неясным»,— пишет ученый-этнограф[50].

Как информируют письменные источники, богатые жилые дома с гостиными и многочисленными пристройками располагались в центре города, вокруг крупных базаров, у торговых перекрестков. Дома, построенные в Бухаре у мечети Заргаран, оценены в документах довольно дорого[51].

По мнению О. А. Сухаревой, в Бухаре XIX в., в отличие от некоторых других городов, в частности Карши, центр которого являлся резиденцией правителя и районом проживания аристократии и богатого купечества, не выделялись районы, заселенные знатью[52]. Однако материалы нескольких документов XVI в. показывают, что упоминающиеся в них богачи-бухарцы проживали в кварталах, расположенных в центре города, рядом с караван-сараем Саррафан и у моста Менял (Саррафан), вдоль крупных улиц, ведущих к городским стенам. Одному из них, эмиру Тин Клычу, принадлежали постройки (сукнийат) на базаре Сефидфурушан и жилые дома, конюшня, площадь, хлебопекарни, дровяной склад, торгово-ремесленные заведения рядом с базаром. Ему же принадлежала половина караван-сарая, проданная пос-

---

[50] Ершов Н. Н. Каратаг и его ремесла (Историко-этнографический очерк). Душанбе, 1984, с. 110.

[51] Из архива шейхов Джуйбари, док. 63.

[52] Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976, с. 51.

ле его смерти в 1559 г.[53] одним из сыновей джуйбарскому шейху Ходже Са'аду.

В центре города, соответственно получаемым доходам и выплачиваемым государству налогам, размещались торговые заведения. В Бухаре торговые ряды ювелиров располагались около медресе Улугбека, неподалеку находились и их дома.

Правители и крупные феодалы кроме других недвижимостей имели в городах личные бани. Вспомним знаменитую баню Улугбека, относительно которой Захириддин Бабур писал: «Полы в ней выстланы камнем всех (цветов). Неизвестно, есть ли в Хорасане и Самарканде другая такая баня»[54]. Личная баня была и у джуйбарских шейхов. Поскольку бани сдавались в аренду и приносили значительный доход владельцу, Ходжа Са'ад распорядился выстроить в разных городах 11 бань. Часть из них находилась в Бухаре, другие — в Ташкенте, Гиждуване, Чарджоу, Каракуле, в современном Рометане[55]. Бани обычно строились в людных местах, вблизи от рынка. На участках с проточной водой, тенистых и прохладных в жаркое время, располагались своеобразные сады — чарбаги (чахарбаги), принадлежавшие крупнейшим феодалам. В одном из таких садов Ташкента было построено сооружение, предназначавшееся для лечения в нем высшей аристократии. К XVI в. относит Зайниддин Васифи строительство вне крепости Ташкента чарбага Кайкаус. Здесь проводились литературные диспуты, пиры и увеселения; здесь же размещалась лечебница, куда в периоды военных сражений привозили с поля боя раненых узбекских султанов. К XVII в. относится строительство больницы на Регистане в Бухаре.

Несколько дальше от крупных рынков, по соседству с небольшими базарами проживали торговые люди и ремесленники. Проанализированный материал из «Вакф-наме», к примеру, показал, что из 18 жилых домов с дворами, размещавшихся вокруг базаров Самарканда и упомянутых в грамоте, 12 принадлежали специалистам, в том числе: писцу, гвоздильщику, портному, скорняку, пекарям, свечникам, цирюльнику.

К жилым домам ремесленников обычно примыкали рабочие помещения — навесы, сараи. Хотя один город и отличался от другого, почти во всех из них дома, различные хозяйственные постройки и дувалы дворов образовывали узкие извилистые улицы. Большая скученность населения и недостаток воды, особенно в тех районах города, где в жалких лачугах ютилась беднота, отрицательно отражались на жизни горожан.

Население города было неоднородным не только в экономическом и в социальном, но и в религиозном отношении. В городе

[53] Из архива шейхов Джуйбари, док. 1.
[54] Бабур-наме, с. 61.
[55] *Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван..., л. 294 а.*

жили разные народности. В Самарканде упоминаются, например, кварталы христиан (тарсан), евреев (мусавийан); в числе горожан называются индусы, афганцы, иранцы, цыгане (лули), выходцы из Хорезма, Хорасана и иных областей и городов. При нападении врагов на Ташкент в обороне города, как отмечает один из авторов, вместе с местными жителями принимали участие казахи.

Бухара, Самарканд, Ташкент, Андижан, расположенные на древних транзитных путях караванной торговли, объединяли вокруг себя более мелкие поселения. В периоды стабилизации политической власти велась оживленная торговля между городами, прилегавшими к ним поселениями, кочевой степью, сопредельными и отдаленными странами, не прерывающаяся полностью даже во время войн и междоусобиц. Изделия ремесленников крупных среднеазиатских городов находили сбыт не только среди местного населения, но и за пределами страны. Вместе с тем, на городских рынках продавались товары, привезенные из иных городов, сел и кочевых степей.

Городское ремесло было связано с продукцией сельского хозяйства пригородных районов, а в отдельных случаях — отдаленных городов и областей. Однако в рассматриваемый период наблюдалось неравномерное развитие экономики в стране, в том числе и ремесленного производства, что характерно для всего периода феодализма. Периоды разорения страны, связанного, в основном, с феодальными междоусобицами, династическими войнами, борьбой за власть между многочисленными узбекскими султанами, военными походами соседних правителей, сменялись краткими промежутками времени, когда отдельным правителям удавалось несколько упорядочить хозяйственные дела и увеличить платежеспособность податного населения. Их действия находили поддержку со стороны городской верхушки, надеявшейся при наличии сильной ханской власти на обеспечение безопасности своего имущества. Между тем, нарушение экономики города незамедлительно отражалось на деятельности ремесленников, усиливалась их зависимость от ростовщиков.

В таких крупных центрах, какими были Бухара и Самарканд, ремесло и торговля занимали в экономике города ведущее место. В Ташкенте, Андижане, Ахси и других менее крупных городах ремесленники, как правило, сочетали основное свое занятие не только с садоводством и огородничеством. Значительная часть их арендовала земли богачей, высевая пшеницу, хлопок и другие сельскохозяйственные культуры.

Основная масса населения страны была занята обработкой земли. Слова Алишера Навои «благодаря крестьянам благоуст-

роен мир, благодаря им люди могут устраивать пир»[56] отражают их ведущую роль в хозяйстве. Большую часть общей суммы государственных налогов составляла земельная рента.

Цветущие оазисы Мавераннахра с поливным земледелием перемежались с землями, где проживало кочевое и полукочевое население. В постоянном общении оседлых и кочевых жителей, содействовавшем экономическому и культурному развитию областей с разными типами хозяйств, значительная роль принадлежала городам.

В XVI в., особенно после превращения Бухары в 70-х годах столетия в столицу государства, как результат возросшей экономической роли города возникли новые караван-сараи, купольные торговые помещения (тим, ток, чахарсук), специализированные торговые ряды (раста), павильоны (каппон). Вдоль торговых дорог, ведущих к Бухаре, были построены здания караван-сараев и крытые водоемые (сардоба).

На землях, принадлежавших джуйбарским шейхам, были разбиты сады, в которых высаживались плодовые деревья, в том числе, как зафиксировал Бадриддин Кашмири, лимоны и хурма.

На базарах Бухары, которые, как и в других городах, играли важную роль в экономической, общественно-политической и культурной жизни, скапливалось большое число покупателей из разных мест. Пестрая толпа, заполнявшая центральные рынки, отражала классовое расслоение феодального общества: здесь были богатейшие купцы, местные и чужеземные, городские перекупщики, мелкие торговцы, маклеры. Тут же размещались менялы — саррафы, занимавшиеся одновременно и ростовщичеством. В дуканах встречались и обменивались новыми стихами поэты, в торговые ряды, где продавались писчая бумага и книги, образованные люди того времени приходили для приобретения интересующих их рукописных произведений. Через базар прогоняли провинившихся, среди которых могли быть представители любых социальных слоев. Как информирует Кашмири, один из феодалов — мюридов джуйбарского шейха Ходжи Ислама не выполнил своевременно приказ кутвала[57], возглавлявшего строительные работы по ремонтированию крепостной стены Бухары, и не доставил на стройку соответствующее число мардикаров. За это он был публично наказан: со связанными за спиной руками его водили по базару и били. Особо провинившихся мальчиков, обучавшихся у мастеров-специалистов, также наказывали на базаре, чтобы это послужило уроком для других.

Часть дуканов на базарах занимали ремесленники — непосредственные производители товарной продукции. Одни из них

[56] Алишер Навои. Возлюбленный сердец. Соч. в 9 т. Ташкент, 1970, с. 34.

[57] Кутвал ведал эмирскими постройками.

Торговые лавки — дуканы.— Миниатюры к произведениям Алишера Навои. Ташкент, 1982.

сами продавали свои изделия, часть которых изготовлялась здесь же, в рыночных мастерских; другие передавали товар торговцам, занимавшимся скупкой и перепродажей.

Базар отражал своеобразие ремесленной продукции каждого города.

Общие черты и некоторые специфические особенности Самарканда и Бухары XVI в., тесно связанных между собой экономически и политически, были отмечены нами ранее[58].

Своеобразие экономики Ташкента в значительной степени определялось его расположением на границе с кочевой степью и рудниками, где имелись залежи железа, меди, свинца, бирюзы и других природных богатств. Некогда здесь добывалось золото. Недалеко от Ташкента располагались места добычи каменного угля и нефти (последняя использовалась не только для военных нужд, но и как лечебное средство).

Столь удачное расположение Ташкента способствовало развитию разнообразных отраслей ремесла, однако из-за хищнической эксплуатации и беспорядков в стране часть богатств постепенно иссякла, другие рудники перестали разрабатываться.

Продукция ташкентских ремесленников предназначалась не только для местных жителей, но и для тех, кто жил в соседних городах, селах и степях. Изготовление ремесленной продукции для степняков было одним из стимулов экономического развития во все периоды истории Ташкента. Потребность жителей соседних степей в хлопчатобумажных тканях, обуви, изделиях из чугуна и других металлов, некоторых видах продукции сельского хозяйства и, наоборот, горожан — в продуктах степного скотоводства всегда была характерной для экономики этих регионов. Подобная взаимосвязь способствовала поддержанию производственной деятельности и постоянных торговых связей между кочевым и оседлым населением и усиливала роль Ташкента как экономического и культурного посредника между ними.

В одном из документов, оформленных в 1590 г. в связи с продажей жилого дома, упоминается хиргахтараш — специалист, изготовлявший деревянный остов юрты особой формы[59]. Это случайное упоминание мастера-профессионала, как и многие другие факты, говорит о специализации части ремесленников на выделке предметов, предназначавшихся для реализации кочевникам, в данном случае, видимо, их предводителям. Торгово-экономические связи Ташкента с кочевой степью особенно усилились в конце XV—XVI в.

Жители Андижана, которые, по словам Захириддина Бабура, «все тюрки»[60], также тесно были связаны с населявшими Ферганскую долину и прилегающие к ней горные области кочевниками и полукочевниками. В горах Ферганы имелись «рудники бирю-

---

[58] Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла..., с. 37—38, 42—43.
[59] Маджму'а-йи васаик, л. 174 а.
[60] Бабур-наме, с. 12, 13.

зы, ртути, меди, свинца, золота, нефти, нашатыря и купороса»[61], что способствовало развитию в Андижане, Ахсикенте и других ферганских городах ряда ремесел. Из местного хлопка в этих городах вырабатывались разнообразные ткани, развито было шелководство. Термин «пилла» («кокон»), встречающийся в перечне налоговых сборов, свидетельствует о распространенности в Ферганской долине разведения шелковичных червей и шелкоткачества, особенно в городах. В Андижане и Ахсикенте развит был промысел обработки дерева и орнаментальная резьба по дереву. Среди вывозившейся за пределы Ферганы продукции славились поделки из ценной породы дерева с красной корой (табулга).

Итак, крупным городам Средней Азии были присущи, в основном, одни и те же ремесла, но некоторые из ремесленников специализировались на выработке изделий, характерных только для определенной местности. Самарканд поставлял в другие города и страны писчую бумагу, бархат «кермези», принимал заказы на художественную обработку мрамора, Бухара славилась особым сортом ткани «алача», ювелирными и чеканными изделиями, из Ташкента вывозились «чачские луки», дешевые ткани, чугунные котлы, в Андижане изготовлялись особые виды шелковых тканей, изделия из местных пород дерева и т. д.

Города отличались друг от друга уровнем развития ремесел, широтой связей мелких производителей с сельским хозяйством, *состоянием развития товарно-денежных отношений*, степенью социального расслоения населения, но в целом экономическая, политическая и культурная жизнь всех городов была подчинена интересам класса феодалов, которые, в отличие от Запада, проживали в городе, присваивая городские доходы, и эксплуатировали как сельских жителей, так и горожан. Хан и крупные феодалы регулировали производственную деятельность ремесленных корпораций и использовали эти объединения как средство эксплуатации непосредственного производителя.

Интенсивная торговля усиливала процесс социального расслоения среднеазиатского общества. В силу ряда обстоятельств в XVI—XVII вв. осложнились торговые связи городов современного Узбекистана с Ираном и областями, расположенными к северо-востоку от государства Шейбанидов. Возникновение Ост-Индской компании (1602 г.) сократило поток транзитных товаров с юга. В этот период заметно расширяются возможности торговли с северо-западными регионами. Наиболее важными для Средней Азии в XVI—XVII вв. становятся пути к низовьям Волги и к Московской Руси.

---

[61] Махмуд ибн Вали. Море тайн..., с. 92.

Развитие производительных сил, наблюдавшееся в Средней Азии в XVI в., повлияло на углубление имущественного и социального неравенства населения. В наиболее развитых в экономическом отношении городах имущественная и социальная дифференциация товаропроизводителей наблюдалась прежде всего в текстильной отрасли.

Продукция ремесленников-текстильщиков занимала большое место в местной и международной торговле. В торговлю были втянуты и некоторые сельские районы, что подтверждается наличием в Самарканде и Бухаре специальных мест для торговли хлопком, коконами, пряжей. Однако политическая неустойчивость, многократные поборы в пользу каждого местного правителя и т. п. ограничивали развитие экономических взаимосвязей.

ГЛАВА II

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Ремесленники

Население среднеазиатских городов состояло из разных в социальном отношении слоев, каждый из которых в свою очередь расслаивался на более мелкие группы. В целом оно делилось на два антагонистических лагеря: эксплуататоров — светских и духовных феодалов во главе с ханом, военачальников, крупных купцов и чиновников, а также всех тех, чье привилегированное положение основывалось на власти и богатстве; эксплуатируемых масс, основное ядро которых составляли ремесленники и мелкие торговцы.

Социально-экономическое положение ремесленников, взаимосвязи мелких производителей смежных специальностей, конкуренция между мастерами как одна из характерных черт феодального ремесла, корпоративные объединения и особое положение в них цеховых старшин, являвшихся ставленниками феодалов, были исследованы нами ранее[1].

В настоящей работе рассматриваются социальный состав и взаимоотношения различных слоев городского населения, усиление зависимости мелких производителей от земско-городской знати, имущественное расслоение ремесленников, углубление социальных различий между высшими и низшими слоями городского общества.

Хотя мы не располагаем цифровыми данными, можно предположить, что в количественном отношении мелкие производители составляли в крупных ремесленных центрах, какими были Самарканд и Бухара, большую часть трудового населения. Одежда, обувь, ткани, инструменты, домашняя утварь, писчая бумага, мыло, свечи, конское снаряжение, вооружение, лепешки разных сортов и видов[2], разнообразные блюда и многое другое, что использовалось в хозяйстве горожан, жителей прилегавших сельских районов и соседних степей, изготовлялось городскими тружениками. Ремесленники принимали участие в возведении монументальных построек, часть которых сохранилась до наших дней, ирригационных сооружений, мостов, крепостных стен, в разбивке садов и т. д.

[1] Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла..., с. 148—177.
[2] Маджму'а-йи васанк, л. 131 б, 141 б.

Появление деятелей культуры из ремесленной среды, особенно из обеспеченной ее верхушки, как доказал в ряде своих исследований А. Н. Болдырев, характерно именно для XVI в. Из числа ремесленников в это столетие вышла значительная часть музыкантов, поэтов, художников, писателей-историков, живущих на заработок от своего ремесла — игры на музыкальных инструментах, сочинения стихов, составления прошений, рисования миниатюр, умения писать каллиграфическим почерком и т. п.

Певцы и музыканты, выступавшие на семейных праздниках, свадьбах и народных торжествах, и особенно те из них, кто вынужден был развлекать господ, полностью зависели от прихоти феодальных властителей и городской знати. «Хотя служители этого ремесла люди веселые и сердечные, на самом деле они нищие...»,— характеризует эту группу горожан Алишер Навои. По словам поэта, «тот, кто играет и поет, подаянием живет»[3]. Судьбой подобной категории людей феодальные правители распоряжались по своему усмотрению, не считаясь с их интересами. Узбекский хан Шейбани приказал, например, «тут же на пиру надавать по шее» музыканту Хусайн-и Уди, который «проделывал с удом интересные вещи», но на данном пиру «играл плохо». Сочинителя музыки Гуляма Шади, сына певца Шади, у которого «есть хорошие сауты и прекрасные накши», тот же хан отослал к Мухаммаду Амин-хану в Казань[4]. Неоднократно цитировавшийся нами талантливый писатель Зайниддин Васифи был насильно доставлен из Самарканда в Ташкентский удел; одаренный поэт-гуманист Бадриддин Хилали был убит по распоряжению Убайдулла-хана.

Отдельные виды ремесла считались среди просвещенных людей феодального мира почетным делом, «величайшим искусством». Между тем те, кто производил все необходимое для повседневной жизни, т. е. основная часть ремесленного населения Средней Азии, как это доказано многими исследователями и подтверждено новыми материалами, жестоко эксплуатировалось феодалами и торгово-ростовщическими элементами города. Традиции феодального общества, расценивающие мастеровых людей в целом как лиц, занимавших низшие ступени феодального общества, характерны были даже для передовых мыслителей того времени.

Алишер Навои уделяет в своих произведениях значительное место труду ремесленника, работавшего «с утра до вечера». Поэт называет ремесленника «кудесником подлинным во всех своих делах»; «привычна для него вседневная забота, гоняет вверх и вниз давно его работа». О недобросовестных ремесленниках он

---

[3] Алишер Навои. Возлюбленный сердец, с. 28.
[4] Бабур-наме, с. 211—212.

писал: «Изделия свои они невероятным образом подделывают, своих обещаний они никогда не сдерживают»[5].

В конце XV—XVI в. наблюдается активизация торгово-ремесленных элементов в разных сферах городской жизни.

Ремесленники были основной силой, обеспечивающей развитие феодального города. Трудовое население относилось к ним с уважением, и не без основания еще издревле был распространен стих баласагунского поэта Юсуфа: «Пусть славится ремесленный народ! Богатство он руками создает».

За счет труда ремесленников обогащались феодальная элита и городская знать — основные владельцы доходных заведений, предоставлявшие их в аренду мелким производителям. Между тем, и сами ремесленники не представляли единого целого. Документы свидетельствуют о том, что даже имевшие звание мастера устады могли занимать разное социальное положение.

Расслоение мастеров-устадов

В. В. Бартольд отметил: «Персидское слово устад (учитель) вошло в арабский язык и постоянно встречается как вообще в научной, так и в богословской литературе; кроме того, тем же словом, помимо преподавателя и научного руководителя, называли «мастера», обучавшего своих учеников искусству или ремеслу, также авторитетного советника правителей»[6].

В наших источниках термин «устад» используется в основном для определения мастера-специалиста. Обычно он передавал свои знания и опыт старшему сыну или, при его отсутствии, ученику со стороны. В этих случаях он выступал как учитель-наставник. Лакаб «устад» сохранялся и за тем, кто уже перестал изготовлять изделия, не принимал непосредственного участия в производственном процессе, а лишь руководил им.

Социальное положение таких мастеров отличалось от положения общей массы тружеников, которые в свою очередь тоже расслаивались на ряд групп.

Данные акта о разделе имущества[7] отражают наличие в крупном торгово-ремесленном центре Средней Азии Самарканде мастеров-устадов, по существу уже оторвавшихся от производственной деятельности и занимавших по сравнению с общей массой ремесленников привилегированное положение.

---

[5] Алишер Навои. Возлюбленный сердец, с. 33; Он же. Махбуб алкулуб, с. 44.

[6] Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, с. 224; Он же. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. т. 1, М., 1963, с. 76.

[7] Маджму'а-йи васаик, л. 227 а—227 б.

Рассмотрим подробнее два акта о разделе имущества, упомянутые выше. Они представляют особый интерес для характеристики одной из групп мастеров.

Обе наследственные васика — «Васика-и тарака-наме» — были оформлены самаркандским казием в связи с дележом имущества между наследниками после смерти каждого из владельцев. Один из них, Устад Тангри Берди,— житель квартала (куй) Папушдузан города Самарканда. Другой — Мулла Науруз, сын Муллы Пайанда, житель населенного пункта Чуйанчи, расположенного в тумане Согд-и Калан Самаркандской округи. Первый из этих документов не имеет даты составления, поэтому мы можем говорить лишь о приблизительном времени оформления данной васика, которое устанавливается путем изучения содержания других документов, включенных в «Маджму'а-йи васаик». Основная часть казийских решений, вошедших в названный сборник, была зарегистрирована в 1588—1591 гг. (есть несколько документов и более позднего времени, например, оформленные в 1594 г.), поэтому приблизительно к тем же годам можно отнести регистрацию в кази-хане анализируемой васика. То обстоятельство, что она помещена в сборнике рядом с другим наследственным актом, датированным 1590 г., позволяет отнести ее оформление к тому же 1590 г.

Поскольку акт о наследстве Устада Тангри Берди не имеет оттиска печати казия, как правило, скрепляющего другие документы, вошедшие в сборник «Маджму'а-йи васаик», попытаемся выяснить, насколько достоверны сведения, приводимые в цитируемой васика.

В васика сообщается, что она была утверждена при свидетельстве справедливых людей и «с согласия правителя вилайета». Последнее, на наш взгляд, должно было придать особую значимость лицам, чьи интересы затрагивались в акте.

В тексте акта имеются противоречия. В отдельных местах конкретные данные заменены словом «такой-то», что, на первый взгляд, позволяет рассматривать цитируемую «Васика-и тараканаме» не как казийское решение, а как формуляр для составления актов о наследстве, который обычно включался в сборники казийских документов. Вместе с тем, ряд обстоятельств, а именно: перечисление наследников по именам с уточнением возраста детей («совершеннолетний», «малолетний», «пять месяцев», «пять лет»), в том числе и детей рабыни; указание имен должников; численное количество, вес и стоимость предметов, включенных в список наследственного имущества; подробный перечень предметов, вошедших в долю каждого из наследников, перечисление количества и цен изделий ремесла, шелка-сырца и чуб-и бакама — сандалового (кампешевого) дерева (в данном случае, судя по

ассортименту товаров, оно использовалось как краситель); соответствие кусков ткани футы (429 штук), указанных в описи имущества, подсчитанной нами общей сумме кусков, причитающихся каждому наследнику,— позволяет полагать, что анализируемое «Васика-и тарака-наме» было помещено в сборник документов не как образец, который мог бы служить трафаретом для составления подобного содержания актов о наследстве. Скорее всего, это акт, оформление которого столкнулось с целым рядом трудностей. При этом можно предположить, что некоторые неточности были внесены в акт умышленно, чтобы уменьшить действительные размеры наследства несовершеннолетних детей.

Тем самым могла быть предоставлена возможность толкования отдельных мест акта в пользу заинтересованной стороны, прежде всего тех, кто принимал непосредственное участие в распределении наследства.

Характерно в этом отношении сообщение о том, что главный верховный судья Самарканда (в тексте: «упомянутый господин») «наличное золото оформил на достойных доверия людей, с целью, чтобы... они выделяли... средства на содержание этих малолеток, а то, что составит излишек, пусть... хранят». Однако ни в основном списке имущества, ни в кратких перечнях наследства, причитающегося малолетним детям, золото или деньги вообще не числятся.

Небольшие, по сравнению с описями других наследников, списки имущества малолетних Юсуфа и двух девочек включают куски футы, чуб-и бакам, долги двух лиц и небольшие перечисления денежных сумм — «полхани» и «пять динаров»,— излишки, образовавшиеся при подсчете наследства в долях вдовы и старшей дочери покойного.

Дома, мастерская, мельница, золотые монеты, зерно, рабы, предметы домашнего обихода — все это при дележе наследства вошло в доли основных членов семьи.

Возможно, отмеченные слишком явные нарушения установленных положений шариата были причиной того, что вопрос о наследстве Тангри Берди не был решен до конца и достоверность акта не была подтверждена оттиском печати казия города Самарканда.

Одним из затруднений, помешавших оформлению акта, могли быть ошибки, допущенные при подсчетах общего веса красителя. Как оказалось, вес чуб-и бакам, указанный в общем списке, не равняется общему весу сандалового дерева, входившего в долю каждого из наследников[8].

---

[8] Подсчет общего веса чуб-и бакама с переводом на килограммы приводится в подготовленной нами статье, посвященной разбору цитированной васика.

В любом случае, независимо от того, является ли рассматриваемый документ недооформленным актом или он был составлен как формуляр, ценность его несомненна.

Изучение содержания сотен других судебных решений из того же сборника «Маджму'а-йи васаик» дает нам основание считать, что и рассматриваемая васика отражает реальную действительность, а сам Устад Тангри Берди является лицом, какие в тот период действительно могли проживать в Самарканде. Все это позволяет использовать материал данного документа для изучения истории городов Средней Азии и, в частности, Самарканда второй половины XVI — начала XVII в.

Тангри Берди владел при жизни огромным, по сравнению с другими мастерами-устадами, упоминавшимися в рассматриваемых документах, богатством. Движимое и недвижимое имущество, принадлежавшее ему, включало большое и малое хаули (жилой дом с пристройками и двором, одно из которых оценивалось в 900 танга ханских), мельницу, рабов (два раба и две рабыни, одна из них — с двумя малолетними детьми, родившимися в доме Тангри Берди), лошадь, наличные деньги — 200 золотых танга (танга-и зар). В описи имущества покойного числятся также более 400 штук ткани фута и 75 кг сандалового дерева, мастерская — кархана, 200 кг шелка-сырца, дорогие предметы домашнего обихода.

Слово «устад», приставленное к имени Тангри Берди, свидетельствует о том, что он считался мастером. Однако Тангри Берди был не из тех мастеров, которые фигурируют в ряде документов, включенных в «Маджму'а-йи васаик», как лица, зависимые от титулованных особ. Это был крупный делец, организатор производства. На его складах хранились большие запасы сырья, полуфабрикатов и готовых изделий. О коммерческой и организаторской деятельности Тангри Берди, связанной с ремесленным производством и торговлей, свидетельствует наличие в наследственной описи сотни отрезов ткани, необработанных шелковых нитей и красителя, использовавшегося в основном в ткацком производстве (чуб-и бакам применялся также при окраске писчей бумаги, для изготовления мебели и т. п. Аристократия пользовалась бумагой разных оттенков в зависимости от того, с какой целью писалось письмо и какое настроение писавшего излагалось в нем). Богатство Тангри Берди должно было обеспечивать ему экономическую и политическую силу в феодальном обществе того времени и право распоряжаться судьбами многих связанных с ним производственными отношениями ремесленников. В списке его должников называются даже крупные представители духовенства, в частности, шейхулислам.

Количество и разнообразие полуфабрикатов и сырья на складах Тангри Берди, часть которых, например, чуб-и бакам, заво-

зилась в среднеазиатские города из других стран, характеризуют Тангри Берди как лицо, связанное не только с мелкими производителями, но и с оптовыми торговцами, в том числе и с крупными купцами, осуществлявшими торговлю с другими странами.

В Средней Азии скупщики-торговцы могли быть одновременно и ростовщиками. Большинство из них, надо полагать, владели земельными участками как в городе, так и в сельской местности. Между тем в описи имущества Тангри Берди не числятся ни сад, ни какое-либо угодие, что, по всей вероятности, не является случайным, хотя в рассматриваемое время богатые горожане, не владевшие земельными угодьями, не были многочисленными и не имели в обществе большого веса. Земельная рента по-прежнему оставалась основным источником материальных благ правящего феодального класса.

Время регистрации второго акта, составленного с целью раздела наследства, в отличие от многих других документов из «Маджму'а-йи васаик», дата составления которых обозначена в начале текста, указано в заключительной части документа. Число, месяц и год зафиксированы в васика в связи с постановлением о назначении опекуна малолетней дочери покойного Муллы Науруза, сына Муллы Пайанда.

Данный акт о наследстве также был составлен с учетом интересов не всех наследников, а главным образом одного из них: родного брата покойного — Мирзы, ставшего опекуном малолетней дочери Муллы Науруза — Салиха-беги. Защищая его интересы, судья утвердил раздел, согласно которому основная часть наследства (стоимость его оценивалась в 116 танга при оценке всего имущества в 161 танга ханских, серебряных, безпримесных, чистых, чеканенных, одномискальных, новых) была оставлена за малолетней Салиха-бегой. Жена же покойного получила даже меньше причитающейся ей одной восьмой доли наследственного имущества.

В состав наследственного имущества входила и половина чугунолитейной мастерской-кархана (вторая ее половина, как выявляется из содержания васика, принадлежала другому владельцу). Вместе с хаули половина мастерской оценена в 30 ханских танга.

Мы не располагаем материалами для сопоставления стоимости данной мастерской с другими кархана (если они были) в местности Чуйанчи (название — Чуйанчи (Чугунщик) — обнаружено нами лишь в цитируемой наследственной описи)[9]. Отметим тот факт, что в сборнике встречаются лица, к собственным именам которых добавляется определение профессии — чугунщик.

---

[9] Земли Чуйанчийан упоминаются в: Самаркандские документы XV—XVI вв., с. 177, 390.

Сопоставление стоимости половины чугунолитейной мастерской (вместе с хаули) с ценами на лавки-мастерские (дуканы) в Самарканде и Бухаре, указанными в купчих, составленных приблизительно в те же годы, что и цитируемый акт о наследстве, свидетельствует о сравнительно невысокой цене кархана, где производилось литье чугуна.

Кроме упомянутой мастерской и хаули Мулла Науруз владел садом (половина его принадлежала другому лицу, вероятно, его брату, имя которого приводится в акте), быком и жеребенком. Ему же принадлежала одна двенадцатая часть прибыли действующей мельницы с одним жерновом, находившейся в местности Чуйанчи. Опись имущества дает основание полагать, что Мулла Науруз — зажиточный человек, по всей вероятности, мастер-чугунолитейщик, при участии и под руководством которого проводились литейные работы.

Цитируемые акты о разделе имущества повествуют и о юридических правах женщин. Согласно упомянутому акту 1590 г., имущество, оставшееся после смерти Муллы Науруза, должно быть разделено между женой, родным братом и малолетней дочерью — на 8 частей. При этом жене причиталась одна доля, дочери — четыре, брату — три. В действительности же вдова получила даже меньше одной части наследства, а брат покойного, став опекуном малолетней девочки, фактически стал владельцем основной части имущества[10].

Приведем некоторые сведения о женщинах, встречающиеся и в других письменных источниках рассматриваемого периода. Некоторое представление о положении женщины в среднеазиатском городе могут дать 25 письменных договоров, составленных и удостоверенных печатью казия в конце XVI в. в Самарканде. Эти письменные договоры были оформлены в связи с поступлением ученика — шагирда к мастеру на обучение той или иной профессии[11].

В указанных документах наряду с условиями, выставлявшимися договаривающимися сторонами, называются имена мастера (в обучение к которому поступал мальчик) и близких будущего ученика (отца, матери или старшего брата). При этом оговаривалось, что мальчик, поступивший к мастеру, находился на попечении этого человека, от имени которого составлялся договор. Совершеннолетний мальчик (بالغ) не имевший отца, мог самостоятельно выступать одной из договаривающихся сторон.

Из указанных 25 договоров 11 оформлены от имени матерей учеников, отданных в обучение мастеру, а в действительности в течение нескольких лет выполнявших роль мальчика «на побегуш-

[10] Маджму'а-йи васаик, л. 227 а.
[11] Там же.

ках». В момент заключения договора эти женщины не имели мужей и, как видно, находились в затруднительном материальном положении.

В письмах-автографах Абдаррахмана Джами[12] упоминаются имена женщин-просительниц, обращавшихся к власть имущим в тяжелые минуты жизни.

Среднеазиатские авторы очень редко приводят сведения о женщинах-труженицах (гораздо чаще они рассказывают о деятельности женщин из высших слоев феодального общества). Женщины-труженицы принимали активное участие в повседневной жизни города и села. Некоторые из них были искусными мастерицами и сочетали ведение домашнего хозяйства и воспитание детей с изготовлением ремесленных изделий.

В большинстве случаев женщины лишь частично участвовали в процессе выделки изделия — в обработке сырья, подготовке соответствующего материала или в выполнении одной из операций, связанных с изготовлением ремесленной продукции. Иногда женщина самостоятельно выполняла работу от начала до конца, к ее имени в этом случае могло добавляться название профессии. Например, Саодат-Султан Муйинадуз, дочь Абдуллы[13], жившая в конце XVI в. в Самарканде, судя по определению «муйинадуз», занималась выделкой пушнины — скорняжным делом.

Отдельные представительницы женского пола принимали участие в торговых операциях. В одном из казийских постановлений, составленных в Самарканде в начале 1590 г. в связи с приобретением значительного числа тканей и ткацких изделий, вместе с Устадом Джаухаром, сыном Абдуллы, упоминается его супруга Биби-Саусан, дочь Абдаррахима[14]. В данном и других подобных случаях речь, безусловно, идет о женщинах из экономически обеспеченных семей.

Немногочисленные факты из источников отражают тяжелое бесправное положение женщин из беднейшей части ремесленников. Долговая расписка, составленная в Самарканде и удостоверенная печатью казия 13 октября 1589 г., свидетельствует об обязанности ремесленника-читгара (набойщика узоров на ткань) повиноваться распоряжениям скупщика, должником которого он являлся. В противном случае, как зафиксировано в казийском решении, он обязан был развестись со своей женой. Данный пример свидетельствует об отношении к женщине в мусульманском обществе, считавшем возможным игнорировать мнение и желание жены зависимого от кредитора мелкого производителя. Вопрос о ее будущем решался, надо думать, без всякого ее участия.

---

[12] Письма-автографы Абдаррахмана Джами из «Альбома Навои». Введение, перевод, примеч. и указатели А. Урунбаева. Ташкент, 1982.

[13] Маджму'а-йи васаик, л. 75 а.

[14] Там же, л. 184 а.

Женщина, прядущая шерсть (Около 1600 г.). Миниатюра опубликована в кн.: Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., История Ирана... .

За денежную плату служили женщины-банщицы. Бани, принадлежавшие богатым горожанам, приносили большие доходы. Существовали личные царские бани, городские бани, обслужи-

вавшие по определенным дням женщин, бани для невест. Одна из них размещалась в Бухаре.

В свадебные народные обряды входил обряд купания девушки в бане, сопровождавшийся мытьем волос и плетением их в мелкие косички. В большинстве случаев этот обряд выполнялся дома или в обычной бане[15], но в крупных городах (как это отмечено в одном из бухарских документов) имелись специальные бани для невест, которых обслуживал особый штат.

Из поколения в поколение передавали свои навыки женщины, принимавшие роды. Некоторые из нуждающихся горожанок зарабатывали на пропитание тем, что обмывали покойниц, другие выполняли роль плакальщиц.

За вознаграждение выступали перед зрителями танцовщицы и певицы.

В составе большого каравана, с которым отправлялось около пятисот человек, получивших пропуска на выезд из Хорасана в Мавераннахр, отбывала певица Чакари Чанги[16]. С этим же караваном выехал из Герата Зайниддин Васифи, вынужденный срочно покинуть родные места из-за репрессий, направленных шахом Исмаилом против приверженцев основного направления в исламе — суннизма.

Упоминание в рукописях музыкантш, певиц и танцовщиц, плакальщиц, банщиц и других говорит о том, что полной изоляции женщин в среднеазиатском обществе не было.

Вернемся к вопросу о мастерах.

Группа документов из «Маджму'а-йи васаик» информирует о положении мастеров иной категории, чем рассмотренный выше Тангри Берди. Другие акты свидетельствуют о деятельности торговцев-скупщиков, а также зависимых от них ремесленников.

Среди документов, составленных в связи с производственной деятельностью отдельных самаркандцев, эти акты привлекают особое внимание тем, что отражают характер деловых связей группы горожан только с одним торговцев-скупщиком, а именно — Дарйа-ханом Мултани, сыном Шейха Са'ади. Имя одного и того же самаркандца редко упоминается в двух или нескольких документах сборника, как правило, в каждом юридическом соглашении в «Маджму'а-йи васаик» выступают разные лица. Активная деятельность Дарйа-хана нашла отражение в восьми казийских решениях[17].

Значительное число однотипных документов об одном и том же лице, связанном с ремесленниками, делает возможным более четко представить личность данного, а на его примере — и дру-

[15] Сухарева О. А. Бухара XIX — начала XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966, с. 64.

[16] Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи, т. 1, с. 23.

[17] Маджму'а-йи васаик, л. 182 а, 182 б, 188 б, 189 аб.

وشبقہ ۔۔۔۔۔ اقرار بدین وغیرہ

در تاریخ بیست و پنجم شہر ذی القعدہ الحرام سنہ ۹۹۲ بود کہ اقرار صحیح شرعی کرد ند استاد دولت یار ابن عبداللہ و غور رندان قلیبین اد استاد سبکین و استاد سوزی نامان جال خاد نفرقاتہم شرعاً بر انجملہ کہ در ذمہ امانت و مراست داد نی و رسانیدن جناب میرزا اللہ بردی من امارت مآب صدارت پناہ مقرب السلاطین مولانا سبکین مبلغ ہشتاد عدد سکہ خانی نقد [illegible] جدید ہمی دینار رس بمیعاد منت ما، ہطلق سوالی مزولہ مذکور ادا نمایم و کان ذلک

در تاریخ ہشتم شہر ذی القعدہ الحرام سنہ ۹۹۲ بود کہ اقرار صحیح شرعی کرد سماء بجب سلطان بنت اسماعیل خصای بردی جال نفاذ جمیع نفرقاتہا بر انجملہ کہ آنچہ در ذمہ و نفر و منت مر کل ما یطلق علیہ اسم الشیء ہم حق و ملک سماء صاحب سلطان صغیر، بنت عبداللہ بہت کہ در عقود و حصانت منت و مراد رین [illegible] و در ذمہ مر طوائف امانت بہت و کان ذلک بمحضر الشہادت

606 در تاریخ سیوم شہر ذی الحرام سنہ ۹۹۲ بود کہ اقرار صحیح شرعی کرد لاہوری جیت کرین لالو حال خاد جمیع نفرقاتہ شرعاً بر انجملہ کہ در ذمہ امانت و مراست داد نی و رسانیدن جناب دریا خان ابن صاحب شیخ سعدی مبلغ صد بنجاہ عدد سکہ خانی نقرہ، مسکوکہ ملکشاہی جدید [illegible] المطالبہ بمزولہ مذکور ادا نمایم و کان ذلک

607 در ہمین تاریخ مسطور بود کہ اقرار مرسوم صحیح شرعی کرد لاہوری جیت کرین مسطور حال نفاذ نفرقاتہ بر انجملہ کہ اگر مرا از مرد و زن جناب دریا خان مزولہ مذکور برائم و باو فی الوقت [illegible] بر مخ طلاق باشد و کان ذلک بمحضر الشہادت

در تاریخ شانزدهم شهر محرم الحرام سنه [illegible] بود که اقرار صحیح شرعی کرد ملا حسین بن [illegible] حال بغاذ نفرقاته بدالجمله که در ذمه [illegible] است و مراست دادنی و رسانیدنی خواجه [illegible] این جناب شیخ سعدی الدین غلطانی مبلغ [illegible] و عوضاً بکفر بکسر کم بیعاد [illegible] کامل موزله ادا تمام مع تصدیق [illegible] ذلک الاقرار شافعه [illegible]

در تاریخ بیست و ششم شهر محرم الحرام سنه [illegible] بود که اقرار صحیح شرعی کرد [illegible] حال بغاذ نفرقاته بدالجمله که در ذمه [illegible] است و مراست دادنی و رسانیدنی [illegible] مبلغ صد [illegible] بکه خانی نقره سکوکه بکنغالی جدید نصف [illegible] بیعاد [illegible] کامل در سمرقند باداء تمام مع تصدیق [illegible] ذلک الاقرار شافعه [illegible]

در تاریخ بیست و هفتم شهر محرم الحرام سنه [illegible] بود که اقرار صحیح شرعی کرد عالیجناب [illegible] جناب ترجمه پناه، رئیس المحققین فارس کلام ربانی المخصص [illegible] مولانا حافظ اق محمد الغاری و هو ابن المغفور المرحوم المبرور السلطی [illegible] الحمد جناب حاجی محمد حال بغاذ نفرقاته بدالجمله که قبض کرد [illegible] ان

643

644

645

гих, самаркандцев и бухарцев. Содержание документов помогает также уточнить круг лиц, которые имели дело с Дарйа-ханом, их социальное положение. В виду важности упомянутых казийских решений, на стр. 56—58 приводим факсимиле, а ниже — выполненные нами переводы на русский язык восьми документов, оформленных в канцелярии казия города Самарканда.

Документ 606 (л. 182 а)*

Третьего числа священного месяца зулхиджжа 997 [13 октября 1589] года сделал правильное, согласно закону, заявление Лахури Читгар, сын Лалу, будучи в состоянии правомочности всех своих распоряжений, законно, следующее:

«На мне долг и я должен отдать и доставить господину Дарйа-хану, сыну господина Шейха Са'ди, сумму в сто пятьдесят танга ханских, серебряных, беспримесных, чеканенных, одномискальных, новых, которые по требованию упомянутого, в пользу которого сделано заявление, я уплачу сполна».

И было это в присутствии достойных доверия [людей].

Свидетели тому
Мулла Абдаррахим Мухтасиб
[Оттиск печати].

Свидетели тому
Мулла Хусайн Мулазим

Документ 607 (л. 182 а).

Того же числа упомянутого года сделал правильное, согласно закону, заявление упомянутый Лахури Читгар, будучи в состоянии правомочности своих распоряжений, следующее: «Если я выйду из повеления и распоряжения упомянутого господина Дарйа-хана, в пользу которого сделано заявление, и буду противодействовать, пусть жена считается разведенной со мной по трижды произнесенному: «талак».

И это было в присутствии достойных доверия [людей].

[Оттиск печати].

Документ 608 (л. 182 б).

Шестнадцатого числа священного месяца мухаррама 998 [25 ноября 1589] года сделал правильное, согласно закону, заявление Мулла Хусайн, сын Пайана (?) Мултани, будучи в состоянии правомочности своих распоряжений, следующее:

«На мне долг и я должен отдать и доставить господину Дарйа-хану, сыну господина Шейха Са'даддина Мултани, тридцать две штуки [ткани] чит-и пурбанд** семицветного, длиной по двенадцать газов и шириной по од-

* Пагинация восточная.

** По аналогии с терминами дубанд, дунимбанд, себанд можно предположить, что наименование «пурбанд» (پربند) отражает число нитей основы, т. е. плотность ткани. Один банд (в начале XX в.) состоял из 200 нитей. В этом случае ткань «карбас» называлась дубанда (Турсунов Н. О. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана. Душанбе, 1974, с. 52, 81).

ному газу газом мукассар, которые я доставлю сполна упомянутому, в пользу которого сделано заявление, в течение четырех полных месяцев».

С подтверждением правильности, и это признано лицом к лицу и было в присутствии достойных доверия [людей].

[Оттиск печати].

Документ 638 (л. 188 б).

Девятнадцатого числа священного месяца зулка'да 998 [19 сентября 1590] года сделал правильное, согласно закону, заявление Устад Раджаб Газор Мултани, сын Устада Хусайна Мултани, будучи в состоянии правомочности своих распоряжений, следующее: «На мне долг и я должен отдать и доставить господину Дарйа-хану, сыну Шейха Са'ди, сумму двадцать восемь танга ханских, серебряных, беспримесных, чистых, чеканенных, одномискальных, новых тридцатидинарных, имеющих хождение, а (также) семь кусков [ткани] пурбанд полностью, каждый длиной в двенадцать газов и шириной в один газ газом мукассар, все это по требованию упомянутого, в пользу которого сделано заявление, я доставлю сполна».

С подтверждением правильности, и это признано лицом к лицу и было в присутствии достойных доверия [людей].

Свидетели тому
Мулла Абдаррахим Мухтасиб

Свидетели тому
Господин Хафиз Махмуд, сын господина Хафиза Халдара.

[Оттиск печати].

Документ 641 (л. 189 а).

Седьмого числа священного месяца зулхиджжа 998 [7 октября 1590] года сделал правильное, согласно закону, заявление Мулла Хусайн, сын Муллы Хасана, будучи в состоянии правомочности своих распоряжений, следующее:

«На мне долг и я должен отдать и доставить Дарйа-хану, сыну Шейха Са'ди, белую весовую высокого качества расчесанную шерсть в количестве одиннадцать дунимсиров и чарйак большим самаркандским весом, которую в течение семи полных месяцев я доставлю в Самарканде».

А также сделал заявление Мулла Марйам, сын Муллы Шах Мухаммада: «Если упомянутый Мулла Хусайн эту указанную мягкую шерсть не доставит в указанный срок упомянутому, в пользу которого сделано заявление, я являюсь гарантом и поручителем за товар от имени упомянутого Муллы Хусайна и за эту упомянутую мягкую шерсть я отвечаю перед названным, в пользу которого сделано заявление».

С утверждением правильности, и это было в присутствии достойных доверия [людей].

[Оттиск печати].

Документ 643 (л. 189 б).

Двадцать пятого числа священного месяца зулхиджжа 998 [25 октября 1590] года сделал правильное, согласно закону заявление Мангуи Газор Мултани, сын [...], будучи в состоянии правомочности своих распоряжений, следующее:

«Я должен отдать и доставить Дарйа-хану Мултани, сыну Шейха Са'ди, семь кусков [ткани] чит-и пурбанд городского, каждый кусок составляет

обычным шариатским газом двенадцать газов, [которые] по требованию я доставлю сполна».

С утверждением правильности заявления, и это было признано лицом к лицу и было в присутствии достойных доверия [людей].

[Оттиск печати].

Документ 644 (л. 189 б)

Тринадцатого числа священного месяца мухаррам 999 [11 ноября 1590] года сделал правильное, согласно закону, заявление Устад Годжар (?) Мултани, сын Ходжи Якуба, будучи в состоянии правомочности своих распоряжений, следующее:

«Я должен отдать и доставить Дарйа-хану, сыну Шейха Са'ди, тридцать два куска [ткани] чит красного пурбанд, длина каждого из которых двенадцать газов, а ширина — один газ газом мукассар, все это я доставлю упомянутому, в пользу которого сделано заявление в течение полных семи месяцев в городе Самарканде».

С подтверждением правильности, и это признано лицом к лицу и было в присутствии достойных доверия [людей].

[Оттиск печати].

Документ 645 (л. 189 б).

Двадцать четвертого числа священного месяца мухаррам 999 [22 ноября 1590] года сделал правильное, согласно закону заявление Устад Хусайн, сын Пирнан (?), будучи в состоянии правомочности своих распоряжений, следующее:

«Я должен отдать и доставить Дарйа-хану Мултани, сыну Шейха Са'ди, девяносто кусков [ткани] чит красного пурбанд городского, каждый длиной в двенадцать газов и шириной один газ газом мукассар, я доставлю их упомянутому, в пользу которого сделано заявление, полностью в течение семи полных месяцев.

И целиком и полностью одного раба индуса по происхождению, с разъединенными бровями, здоровыми членами тела, среднего роста, приблизительно двадцати семи лет, своего слугу, составляющего мою собственность, по имени Хазар я отдал упомянутому, в пользу которого сделано заявление, в залог, с тем, чтобы как только этот долг ему верну, этого раба у него заберу».

С подтверждением правильности, и это признано в присутствии достойных доверия [людей].

[Оттиск печати].

Содержание приведенных казийских решений показывает, что Дарйа-хан являлся одним из представителей торгово-ростовщических кругов города. В двух из восьми документов к собственному его имени добавлено определение «Мултани», свидетельствующее о том, что он или его предки были выходцами из Мултана (в настоящее время город в Пакистане. В средние века — перевалочный пункт караванной торговли Средней Азии, Ирана и Индии). Этноним мултани («мултони») бытовал в XIX—XX вв. и для определения некоторых групп цыган (например, в Самаркандской и Сурхандарьинской областях), что, по мнению этно-

графов, «несомненно также свидетельствует об их индийском происхождении» (Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II, М., 1963, с. 598; См. также: Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980, с. 169).

Мултанцами называются и некоторые из тех, кто, как видно из содержания письменных договоров, был связан с Дарйа-ханом деловыми отношениями и находился в зависимости от него. Еще один из связанных договорными отношениями с Дарйа-ханом лиц определяется как «Лахури». Неясно, собственное ли это его имя или прозвище по месту рождения — Лахор. На примере деятельности названных лиц мы можем представить в целом картину деловых связей других, подобных Дарйа-хану скупщиков-торговцев, проживавших в Самарканде и иных подобных центрах ремесел.

Выводы, сделанные на основании материалов, относящихся к 1589—1590 гг., можно отнести к более ранним и поздним годам XVI в., а также к первым десятилетиям XVII в., так как в условиях жизни и эксплуатации трудового населения, в стяжательской деятельности торговцев-скупщиков и ростовщиков не отмечается особых изменений как в этот период, так и позже.

Вероятнее всего, что люди, названные в документах «мултани», к тому моменту, когда составлялись рассматриваемые письменные соглашения, уже осели в среднеазиатских городах и мало чем отличались от местных жителей. Мултанцы упоминаются и в других документах. Один из них — Ходжа Ибрахим Мултани, сын Абдуллы Мултани — владел в Самарканде мильковым, лично ему принадлежавшим хаули, включавшим несколько жилых домов (хаули было продано за 120 ханских танга), другой Мултани упоминается как житель Бухары.

Содержание текстов соглашений, безусловно, отражает местные обычаи и традиционные формы эксплуатации ремесленников. Условия заключения цитированных долговых обязательств должны были соответствовать принятым нормам; казий Самарканда, утвердивший эти документы, наверняка придерживался установленных юридических норм и правил.

Самарканд и Бухара были крупными центрами культуры, ремесел, местной, международной и транзитной торговли. Этим объясняется в значительной мере то, что среди жителей среднеазиатских городов нередко встречаются лица, к собственным именам которых добавляется «нисба», т. е. определение, свидетельствующее о происхождении их из других городов и областей. Например: Хорезми, Термези, Несефи, Ташканди, Ахсикенти. Они нередко упоминаются как владельцы недвижимостей в Самарканде и Бухаре.

Существование в Самарканде кварталов христиан и евреев свидетельствует о том, что в XVI—XVII вв. в крупных торгово-

ремесленных центрах Средней Азии проживали не только мусульмане, но и лица других вероисповеданий. Как с иноверцев с них взималась подушная подать — джизья. Среди иностранцев в казийских документах наиболее часто упоминаются индусы и афганцы. Шариат запрещал мусульманам заниматься ростовщичеством, поэтому ростовщиками были в основном иноверцы. Характер эксплуатации мелких производителей лицами, происходившими из других городов и стран, в частности, из различных областей Индии, вряд ли чем-либо отличался от характера эксплуатации богатыми самаркандцами, бухарцами, ташкентцами, андижанцами, жителями Ахси и другими среднеазиатскими торговцами-скупщиками и ростовщиками. Здесь уместно вспомнить слова Садриддина Айни, сказанные о ростовщиках Бухары более позднего времени: «...у всех ростовщиков — индусы они или мусульмане — нравы одни и те же, они не отличаются»[18].

Рассмотренные восемь документов из «Маджму'а-йи васаик», поскольку они отражают деятельность одного и того же человека, дают возможность охарактеризовать личность типичного торговца-скупщика среднеазиатского города.

Привилегированное положение Дарйа-хана выявляется из текста цитированных документов. В четырех из восьми актов Дарйа-хан, как и его отец Шейх Са'ади, именуется «господином» (جناب). Изучение содержания указанных документов показывает, что он действительно был господином положения и мог диктовать свои условия тем, кто имел с ним дело.

Восемь рассматриваемых документов являются долговыми обязательствами, составленными в разное время, охватывающее период с 13 октября 1589 г. по 22 ноября 1590 г. Об остальных годах его деятельности материалы отсутствуют, так как пока не обнаружены другие, подобные «Маджму'а-йи васаик» сборники судебных решений. Однако, можно предположить, что характер деятельности Дарйа-хана, занятого оптовой скупкой и предоставлением ссуды, в общем не менялся и в последующие годы.

Должниками Дарйа-хана были разные лица, а именно: Лахури Читгар, сын Лалу; Устад Хусайн, сын Пирнан; Устад Годжар (?) Мултани, сын Ходжа Якуба; Мангуи Газор Мултани, Мулла Хусайн, сын Муллы Хасана; Устад Раджаб Газор Мултани, сын Устада Хусайна Мултани; Мулла Хусайн, сын Пайана (?) Мултани.

Имя одного из упомянутых лиц — Лахури Читгара, сына Лалу, называется в двух документах. Лахури по профессии был набойщиком узоров на ткань — читгаром. Согласно договору от 3 зульхиджжа 997 г. х. (13 октября 1589 г.), Лахури Читгар признает себя обязанным отдать и доставить Дарйа-хану тогда, ког-

[18] Айни С. Смерть ростовщика. Душанбе, 1970, с. 119.

да тот потребует, долг в 150 танга ханских. Во втором документе, составленном в тот же день, в той же кази-хане, Лахури обязался развестись с женой в случае, если не сможет вернуть долг Дарйа-хану (для того, чтобы развестись, по закону шариата Лахури должен был три раза произнести слово «талак»).

Трое из тех, кто имел дело с упомянутым Дарйа-ханом, называются мастерами-устадами, двое, судя по добавленным к их собственным именам названиям профессий,— отбельщиками тканей. В числе упомянутых в документах лиц, возможно, были представители цехов и люди, занимавшиеся доставкой продукции других ремесленников (например, в материалах, характеризующих деятельность иранских цеховых ремесленников времен поздних Сефевидов, отмечается специализация группы индусов-мултани на ввозе индийского текстиля в Иран[19]). В шести документах разные лица признают себя обязанными в указанные в договоре сроки (в одном случае, через четыре месяца, в трех — через семь месяцев, и в двух — когда потребует Дарйа-хан) доставить перечисленные ниже отрезы ткани чит: 32 отреза чит-и пурбанд семицветного, каждый длиной в 12 газов и шириной в один газ, газом мукассар[20], 7 отрезов пурбанд-и дуруст, каждый длиной в 12 и шириной в один газ, а также 28 танга ханских, серебряных, чистых, беспримесных, одномискальных, новых, тридцатидинарных, имеющих хождение; 7 отрезов чит-и пурбанд-и шахри, каждый в 12 газов обычным шариатским газом; 32 отреза чита красного пурбанд, длина каждого из них 12 газов, а ширина один газ, газом мукассар; 90 отрезов чита красного, пурбанд городского, каждый длиной в 12 газов и шириной в один газ, газом мукассар; всего 168 отрезов.

Все перечисленные ткани были одного размера. Лишь в одном случае размеры семи отрезов чит-и пурбанд городского определяются в 12 газов газом обычным шариатским (بگز شرع متعارف). В данном случае ширина ткани не указывается. Последний пример позволяет предположить, что газ-и мукассар и газ обычный шариатский в Самарканде этого времени были одинаковыми (размеры их пока не выяснены).

В конце XIX — начале XX в. члены цеха обязаны были изготавливать изделия нормированного качества: «...для каждого вида ткани устанавливались ее ширина и количество нитей в основе»[21]. В изучаемый период длина и ширина ткани в купонах так-

[19] Mehdi Keyvani. Artisans and Guild Life..., p. 229.

[20] Газ — мера длины. В средневековый период в различных местностях имел разные размеры. Газ-и мукассар — мера длины. Буквально означает «сломанный газ». См.: Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970, с. 110; Вакф-наме, с. 320, прим. 25, 26.

[21] Турсунов Н. Из истории ремесленных цехов Средней Азии (На материалах ткацких промыслов Ходжента конца XIX—начала XX в.).— Совет-

же была практически установленной[22], что подтверждается приведенными выше сведениями о размерах различного вида ткани чит.

Семь документов из восьми свидетельствуют о том, что деятельность Дарйа-хана и горожан, имевших с ним дело, была связана с разными видами ткани чит и набивкой узоров на бязь (о последнем свидетельствует специализация Лахури Читгара).

Согласно долговому обязательству Муллы Хусайна, сына Муллы Хасана, Дарйа-хан имел дело не только с изделиями ткацкого ремесла. Мулла Хусайн признает себя обязанным доставить и отдать Дарйа-хану по истечении полных семи месяцев прочесанную белую, высшего качества шерсть, вернее, подшерсток, пух, известный на Западе как мохер — «отборный» — тибит (تیبت) (в местных источниках материал о связи торговца-скупщика с поставщиком сырья, причем сырья ценного, встречается очень редко). Количество ее определяется в 11 дунимсиров и чарйак, большим самаркандским весом[23].

Если исходить из того, что самаркандский манн равнялся 20 кг и что, «вероятно, именно этот манн подразумевался при указании веса изделий в юридических документах XV—XVI вв.», в которых упоминается большой самаркандский вес[24], то указанная в обязательстве шерсть должна была составлять 14 кг (14,062 кг).

Из упомянутых 14 кг высокосортной шерсти можно было изготовить значительное количество изделий. Стоимость шерсти в документе не указана, но можно предположить, что она составляла немалую сумму. Об этом свидетельствует наличие поручителя, имя которого — Мулла Майрам — приводится в том же документе.

В конце XVI — начале XVII в. (как, вероятно, и в более ранние и более поздние десятилетия этих столетий) в практике ростовщических операций использовалось поручительство. В случае несостоятельности должника, поручитель, согласно письменному акту, обязан был сам выплатить долг кредитору. Упоминание в документах поручителя, который берет на себя обязательство перед кредитором отвечать за исполнение взятого должником обязательства, редко встречается в известных нам оформленных в кази-хане бумагах.

Расчесанный белый пух мог быть использован для выделки тонких шерстяных тканей, из которых, в частности, изготавлива-

---

ская этнография. М., 1972, № 1, с. 114; Ершов Н. Н. Домашние промыслы и ремесла.— В кн.: Таджики Каратегина. Вып. 1. Душанбе, 1966, с. 195—290.

[22] Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла..., с. 64. Согласно одному из документов, ширина ткани равна одному газу без гуруха.

[23] Давидович Е. А. Материалы по метрологии..., с. 90, прим. 65.

[24] Маджму'а-йи васаик, л. 189 а.

лись шерстяные чалмы — фута-и тибит — белого цвета. Шерстяная фута, судя по тому, что в письменных источниках встречаются упоминания о специалистах, занятых выделкой футы — футабафах, изготавливалась в среднеазиатских городах и, в частности, в Самарканде. Значительное количество одного из видов футы — фута-и набафта — числится в описи наследства Тангри Берди. В отдельных случаях пуховая нитка могла использоваться только для утка, а основой служила бумажная пряжа[25].

По значению для хозяйства страны шерсть являлась третьим, после хлопка и шелка, текстильным волокном. У нас нет данных, чтобы выяснить, откуда доставлялась шерсть в Самарканд. В самом городе, где был составлен цитированный документ, не имелось таких площадей, где могло бы пастись значительное количество коз, из шерсти которых вычесывали пуховые волосы. Скорее всего, высокосортная шерсть доставлялась в город из тех районов, в которых можно было разводить тонкорунные породы коз и овец. Словом «тибит» (تبت، تيبت) или «тивит» (в современном произношении) назывался также тонкий мягкий верблюжий пух. Из него изготовлялись салля — головная обертка, фута — пояс, верхние халаты — чекмени, ценившиеся очень дорого. Иметь такую одежду считалось роскошью, она изготовлялась для аристократической знати. Мягкая шерстяная ткань использовалась для шитья плащей высшего мусульманского духовенства. Из высококачественной шерсти тибетских коз ткались дорогие кашмирские шали. Как сообщается в одном из писем, цитируемых Бадриддином Кашмири, в числе других ценных подарков они были доставлены в Бухару джуйбарскому шейху.

Обязательство доставить кредитору сырье в виде вычесанной белой мягкой шерсти представляет значительный интерес как свидетельство связи торговца-скупщика одновременно с ремесленниками, торговцами и с теми, кто готовил сельскохозяйственное сырье. Последнее в большинстве случаев могло быть доставлено торговцу-скупщику через третье лицо — посредника.

В течение тринадцати месяцев Дарйа-хан проводил операции с ремесленником-читгаром, тремя мастерами-устадами и другими лицами, которые, судя по обязательствам, были тесно связаны с выделкой и отделкой тканей. Дарйа-хан, один из скупщиков готовых тканей, полуфабрикатов и сырья, сам не занимался производством тканей. Сырье он поставлял другим лицам.

В трех документах из семи (речь в них идет о 150 танга ханских, 14 кг шерсти и 90 отрезах ткани чит) дата возврата долга не указана. Не считаясь с затруднениями должника, Дарйа-хан мог потребовать, как это условлено в договоре, доставки ему изделий и денег тогда, когда это было выгодно для него. Такой

[25] Турсунов Н. О. Из истории городского ремесла..., с. 31.

возможностью он мог воспользоваться и специально для того, чтобы с помощью должностных лиц описать имущество должника и тем самым сделать его полностью зависимым от себя (как это было с Лахури Читгаром).

Как видно из содержания рассматриваемых документов, Дарйа-хан имел дело с домовладельцами и людьми, владевшими каким-либо недвижимым имуществом. Рассмотренные документы включают пункт, где должник указывает, что он делает заявление, «будучи в состоянии правомочности всех своих распоряжений», надо думать, имуществом, которое могло быть описано и передано кредитору решением суда в случае невыполнения должником обязательств. Получение долга кредитором обеспечивалось не только возможностью описи имущества должника, но и особыми условиями. В одном договоре это обязательство развестись с женой, в другом — поручительство третьего лица. Доставка 90 отрезов ткани красного цвета гарантируется передачей в залог Дарйа-хану молодого и здорового раба с условием возврата его хозяину после погашения долга.

Обязательства Лахури Читгара (вручить Дарйа-хану 150 танга) и Устада Раджаб Газора (28 танга и 7 кусков ткани) подтверждены кроме оттиска печати казия свидетельством присутствовавшего при судебном решении вопроса Абдаррахима Мухтасиба. Как видно из этих документов, кроме наблюдения за исполнением религиозных обрядов, правильностью мер, весов и цен на базарах, в функции мухтасиба входил контроль за выполнением *условий договора по выплате долгов.*

Рассмотренные обязательства доказывают практикование связей мелкого производителя с покупателем через скупщика. Торговцы-скупщики могли поставлять ремесленникам материал в счет оплаты готовой продукции и тем самым отрезать их от рынка.

Лица, подобные Дарйа-хану, могли быть очень богатыми. Наследственная опись, относящаяся к тем же годам, в которые составлены восемь рассмотренных обязательств, дает представление об имущественном положении одного из богатых самаркандцев, Устада Тангри Берди[26].

Проанализированная информация характеризует горожан, занимавших иное социальное положение, чем упомянутые выше Устад Тангри Берди и Дарйа-хан.

Рядовые мастера-устад, о которых сообщается в документах, находились в зависимости от кредитора-скупщика Дарйа-хана, но вместе с тем они являлись владельцами недвижимостей, служивших при заключении соглашений в кази-хане гарантией выполнения ими обязательств. Они могли иметь и рабов (один из

[26] Маджму'а-йи васанк, л. 229 б.

них отдает под залог своего раба). Все это дает основание причислить их к представителям более или менее обеспеченных слоев городского населения, хотя и связанным долговыми обязательствами с теми, от кого зависела их производственная деятельность. Следовательно, ссуду мог получить далеко не каждый, так как кредитор давал ее под залог недвижимости, обеспечивая возвращение ссуды и доход с нее.

Дарйа-хан и Устад Тангри Берди действовали в тесном контакте с местными властями, крупными феодалами, купцами и цеховыми старшинами. Через посредников они были связаны и с сельским населением, в частности с теми, кто поставлял шерсть, шелк, красители.

Вместе с тем, в деятельности Дарйа-хана, занятого приобретением и доставкой сырья ремесленникам, скупкой и реализацией изготовляемой ими продукции, эксплуатация сельского населения могла занимать второстепенное место.

Такие лица, как Дарйа-хан и Устад Тангри Берди, выполняли в какой-то мере роль посредников между государством и цеховыми организациями, защищая интересы феодального правителя и содействуя проведению политики правительства.

Рассмотренные документы включают материалы как о горожанах, живших и обогащавшихся за счет эксплуатации чужого труда, так и о самих производителях. В числе разнообразных форм эксплуатации ремесленников было и составление юридически оформленных письменных обязательств, образцы которых были цитированы выше. Анализ их содержания доказывает активную деятельность скупщиков в ведущей ремесленной отрасли — текстильном производстве. Мелкий производитель, изготовлявший и реализовавший свою продукцию самостоятельно, не выдерживал рыночной конкуренции и попадал в зависимость к торговцам-скупщикам. Это приводило к разорению и переходу части мастеров-устадов в число тех, кто вынужден был работать на других — владельцев мастерских, скупщиков, ростовщиков.

Заклад торгово-ремесленных заведений

Серия документов из названного сборника знакомит нас с мастерами-устадами, которые из-за материальных затруднений вынуждены были заложить свои ремесленные мастерские и лавки (дуканы).

Заклад доходных предприятий оформлялся как «дозволенная» (байи джаиз) или «неокончательная» продажа с условием использования их прежними владельцами на правах аренды. Образцы документов дозволенной продажи встречаются в сборнике частноправовых актов (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 8586, л. 175а—186б). На основании изучения их А. Б. Вильданова от-

метила, что подобные документы по существу являются закладными. Лицо, вынужденное реализовать свою недвижимость, «после продажи получает разрешение от покупателя пользоваться ею, попадая, таким образом, в полную зависимость от хозяина»[27].

В просмотренных нами документах, вошедших в раздел сборника «Маджму'а-йи васаик», где речь идет о дозволенной продаже различных объектов, расположенных в городе Самарканде, в числе заложенной недвижимости называются ремесленные мастерские и торговые лавки (дуканы), жилые дома-хаули, караван-сараи и т. п., которые собственники имущества предоставляют в распоряжение лиц, ссудивших их деньгами.

Отданные под залог объекты на время до полного расчета по ссуде (срок указывался в письменном договоре, составленном в канцелярии судьи) переходили к ростовщику. Сам же бывший владелец, как видно из многочисленных казийских решений, становился арендатором ранее принадлежавшего ему заведения. В большинстве случаев мелкий производитель в дальнейшем был не в состоянии погасить долг с процентами в назначенный срок и навсегда терял возможность выкупить ранее принадлежавшую ему недвижимость.

Бывали случаи, когда не только на имущество должника налагался арест, но и сам он попадал в тюрьму. Алишер Навои по этому поводу писал: «когда проценты по долгу возрастут, ему наденут на шею колодку и в темницу поволокут»[28].

Число документов, отражающих передачу мастерами лавок-мастерских в заклад, превышает число тех, которые были составлены в связи с уплатой долга и возвратом прежнему владельцу заложенных объектов. Новые владельцы доходных заведений, имена которых нередко сопровождаются титулами, приобретали их за цену намного ниже реальной стоимости, так как размер кредита был намного меньше цены переданной в заклад недвижимой собственности.

За полученные у кредитора деньги должник обязан был платить определенные проценты, запрещенные шариатом, поэтому в письменном соглашении о закладе имущества взимание процентов оформлялось как плата за арендуемое помещение. В договоре обычно указывалась сумма, в известных нам случаях определяемая в динарах, которую отныне прежний владелец доходного предприятия должен был платить лицу, предоставившему ему денежную ссуду[29].

---

[27] Вильданова А. Б. Образцы частных среднеазиатских актов XVI в. с наставлениями казиям. В сб.: Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. М., 1980, с. 69.

[28] Алишер Навои. Возлюбленный сердец, с. 90.

[29] Давидович Е. А. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в.— Известия отделения общественных наук АН ТаджССР. Вып. 1 (24), 1961, с. 43—44.

Таким образом, прежний владелец с момента составления договора пользовался дуканом (или другим заведением), как бы арендуя его у своего кредитора и внося за это определенную ежедневную (согласно некоторым договорам ежемесячную) плату.

Подобные явления наблюдались в Средней Азии и в более позднее время[30].

Множество торгово-ремесленных заведений перешло в конце XV в. в руки Убайдуллы Ходжи Ахрара. Лишь по одной купчей 1464/1465 г. он приобрел в городе Самарканде дукан по продаже свеч, шесть дуканов на базаре продавцов хны — Хнафурушан, три дукана на базаре серповщиков — Дасгаран и другие дуканы, общим числом 12. После приобретения их Убайдуллой Ходжой Ахраром эти торгово-ремесленные заведения сдавались в аренду (прямо или через посредника) мастерам-ремесленникам и базарным торговцам. Он же купил жилой дом и примыкающие к нему дуканы, а также ряд дуканов, указанных в вакфной грамоте, составленной до 1490 г., и в вакф-наме 1546 г.[31] Одни из них (большая часть) находились в Самарканде, другие — в Бухаре, Несефе, Ташкентской области.

36 торгово-ремесленных мастерских, 2 толчеи для изготовления массы из тряпья, из которой затем выделывали писчую бумагу, мастерская для выделки бумаги, складские помещения и другие заведения были приобретены в начале XVI в. Шейбаниханом, его сыном и невесткой. Большинство этих заведений размещалось в Самарканде, некоторые — в его пригородах, мельницы и толчеи располагались в Кашкадарьинской области. Многие из них ранее принадлежали ремесленникам, вынужденным отныне из владельцев лавок-мастерских превратиться в арендаторов.

Лавки и мастерские в Бухаре, принадлежавшие ранее мелким торговцам и ремесленникам, с середины XVI в. путем экономического и политического давления стали переходить в руки джуйбарских шейхов. Крупнейший духовный феодал Мухаммад Ислам, известный в истории под прозвищем Ходжа Джуйбари, был обладателем огромного богатства.

Документы архива джуйбарских шейхов включают купчие на земельные участки и селения, находившиеся, главным образом, в Бухарской области. Часть их была составлена в связи с куплей-продажей жилых домов, производственных помещений, лавок, караван-сараев и других торговых заведений в Бухаре. Все эти документы относятся к сравнительно короткому времени, а именно к периоду с 951 по 985 г. х. (1544/1545—1577/1578 гг.). В течение 30 с лишним лет шейхи скупили множество торгово-

---

[30] Шайхова А. О Хивинской казийской книге из фондов Института Востоковедения АН УзССР.— Общественные науки в Узбекистане, 1983, № 1.

[31] Самаркандские документы XV—XVI вв., с. 28—29, 62—63, 285.

ремесленных заведений. При последовательной передаче мастерских и строений в вакф они сдавались в аренду от имени мутавалли вакфного учреждения путем предоставления на откуп.

Существовала субаренда, при которой мелкий производитель арендовал лавки-мастерские у посредника-арендатора. В крупных торгово-ремесленных центрах Средней Азии группа людей наживалась посредничеством между ремесленниками, арендовавшими доходные заведения, и их хозяевами, крупными феодалами.

В ремесленном производстве использовались те же формы эксплуатации, что и в сельском хозяйстве. Такая система — откуп с последующим предоставлением объекта в аренду непосредственным производителям — должна была значительно удорожать арендную плату.

Прибыли с торгово-ремесленного заведения делились между несколькими лицами, поэтому непосредственному производителю поступала незначительная часть дохода, которым по справедливости должен был бы распоряжаться он сам.

Документов, составленных в связи со сдачей того или иного торгово-ремесленного заведения в аренду, значительное число. В некоторых из них указывалось, что дуканы передаются в аренду со всем находящимся в них оборудованием. Арендная плата варьировалась в зависимости от ряда обстоятельств. Например, от того, в каком районе располагались дуканы, караван-сараи и другие доходные заведения. Особенно прибыльными были доходные заведения, размещавшиеся на пересечениях оживленных улиц, на центральных рынках. Некоторые доходные заведения покупались, продавались и передавались в аренду вместе с землей (арса), на которой они находились. Другие числятся в документах, как сукнийат, т. е. данному владельцу принадлежала лишь постройка, а земля, на которой она располагалась, являлась собственностью другого лица, государства или вакфного учреждения.

В зависимость к кредитору попадают мелкие лавочники, домовладельцы, мастера и ремесленники. Среди последних в документах называются, например, маслодел (равгангар), продавец ткани алача (алачафуруш), бакалейщик (баккал), бумагодел (кагазгар) и другие. Ремесленники вынуждены были отдавать свою продукцию тем, кто имел лавки, и таким образом оказывались в зависимости от владельцев торгово-ремесленных заведений.

Имеются также договоры о закладе земель. В Самаркандской области, например, был заложен участок земли, с которого собирался урожай в количестве одного манна зерна. Тот же владелец заложил два сада, один сад — в махалле Шашьи, другой, под названием «Бог-и урус» — в махалле Ходжа Кафшир. Участок и два сада хозяин продавал неокончательной продажей известному

сановнику при дворе бухарского хана Абдуллы II эмиру Кулбаба Кукалташу, в руках которого они, вероятно, и остались. Подобным путем этот сановник собрал большое количество земель и доходных заведений, часть которых, согласно вакфной грамоте, была передана в пользу медресе его имени[32].

Приведенные сведения, как и другие документальные данные, свидетельствуют о разорении не только ремесленного люда, но и части зажиточных горожан. О скоплении огромных богатств у Кулбаба Кукалташа сообщает еще один документ, согласно которому он финансировал группу людей, определяемых, в основном, как мастера-устад. Долг указанных жителей Самарканда составлял три тысячи с лишним танга ханских. Для представления покупательной способности указанной суммы сопоставим имеющиеся в нашем распоряжении цены на жилые дома в Самарканде в те же годы: хаули на улице Хаммам-и Сугартмыш оценен в 170 танга, другой дом с прилегающим участком — в 280 танга, в ряде документов приводятся цены домов — 33, 50, 60 танга[33]. Последние, вероятно, представляли скромные жилища рядовых ремесленников, мелких торговцев и горожан среднего достатка. Реже встречаются цены на хаули в 685, 500, 400 ханских танга, еще реже упоминаются более дорогие. Вспомним, что дом-хаули богатого самаркандца Устада Тангри Берди, каких в городе было немного, был оценен в 900 ханских танга[34]. Безусловно, стоимость домов характеризует социальное положение их владельцев.

Несмотря на то, что в документах зафиксированы лишь отдельные суммы (стоимость имущества), они дают представление о размерах богатства, которым располагали представители господствующего класса. Однако в актах нет никаких данных о вложении подобных денежных сумм в улучшение условий труда ремесленников. Добытые эксплуатацией трудового населения доходы использовались, как правило, для приобретения новых доходных заведений, организация производства в которых не подвергалась изменениям.

В числе закладывавших и продававших торговые заведения, ремесленные мастерские, мельницы, жилые дома и т. п. было много горожан среднего достатка. Даже тот, кто упоминается в купчих как продавец караван-сарая, обычно был владельцем лишь части его (в рассмотренных нами примерах совладелец продавал или закладывал одну четвертую часть караван-сарая). Среди тех, кто заложил свои доходные заведения и продолжал

---

[32] Вакфный документ Кулбаба Кукалташа. ЦГА УзССР, ф. И-323, оп. 1, д. 1 и 55/9.

[33] Маджму'а-йи васаик, л. 27 б, 96 б, 102 б, 107 а, 109 б, 111 б, 113 б, 114 б и др.

[34] Маджму'а-йи васаик, л. 229 а.

ими пользоваться, обязуясь отныне на протяжении оговоренного срока уплачивать за каждый истекший день указанную в договоре денежную сумму, числятся: ремесленники (в тексте указывается специальность), мастера-устад, мелкие торговцы и домовладельцы. Широко практиковавшаяся система аренды ремесленных заведений ограничивала деятельность ремесленников и несла им разорение.

Акты, связанные с именами Ходжи Ахрара, Ходжи Са'ада, Кулбаба Кукалташа и некоторых других вельмож, свидетельствуют о том, что значительное число мелких ремесленников находилось в зависимости от одних и тех же феодалов.

Часть горожан, не имевших возможности арендовать помещения, изготовляла продукцию дома и сдавала ее на базаре лавочникам, другие занимали место на рыночной площади, внося за это соответствующую плату (существовали сборы тагджа-йи базар, тахтаджа-йи базар), некоторые же вынуждены были наниматься на работу в дома и мастерские богатых сограждан.

Содержание долговых обязательств свидетельствует о том, что должник не мог покинуть место постоянного жительства прежде, чем рассчитается с кредитором.

Все изложенное дает нам основание сделать вывод о том, что рассмотренные закладные и обязательства составлялись главным образом в целях защиты интересов эксплуататоров ремесленного труда: кредиторов, торговцев-скупщиков, ростовщиков, феодалов. Даже описи, оформленные в связи с разделом наследства, в первую очередь защищают права влиятельных членов семей.

Заключение письменных соглашений в какой-то мере ограждало мелких производителей от чрезмерного произвола представителей господствующего класса: договор между мастером и учеником устанавливал срок обучения (хотя мастер, как правило, не придерживался этого условия); документ о предоставлении лавки или мастерской в аренду оговаривал срок аренды и ежедневную, ежемесячную или годичную сумму оплаты за аренду; рассмотренные акты о наследстве, хотя и были составлены с учетом в первую очередь интересов влиятельного члена семьи, все же соответствующие доли имущества причитались каждому наследнику.

Составление и оформление письменного документа в кази-хане было сопряжено с дополнительными расходами: написание и оформление бумаг, плата за бумагу и т. п. Вероятно, следовало отблагодарить и лиц, которые выступали свидетелями. Примечательно, что в качестве свидетеля в судебном заседании при утверждении казийского постановления в нескольких документах называется одно и то же лицо — Мулла Мухаммад Шариф. В канцелярии судьи в Самарканде в разные числа и месяцы 1589—1590 гг., а именно: 27 (дважды) и 28 декабря, 3 (дважды) и

22 января, 2, 11, 13, 18 и 26 февраля, 25 апреля, 3 и 4 июля — Мулла Мухаммад Шариф выступал в числе других свидетелей (имена последних, за редким исключением, не повторяются). Был ли он административным лицом, служащим в канцелярии, или человеком, проживавшим рядом с помещением суда, неясно. Можно лишь предположить, что он был человеком грамотным (об этом свидетельствует дополнение к его имени слова «мулла»), возможно также, что в качестве свидетеля он выступал столь часто с корыстной целью. Человек, заинтересованный в его участии в роли свидетеля, мог отблагодарить его.

Сами казии не всегда были честными и справедливыми, какими они должны быть согласно требованиям шариата. Примеры злоупотребления отдельными из них служебным положением приводятся авторами сочинений. Так, Мухаммад Амин, автор сочинения «Мазхар ал-ахвал», говоря о деятельности казия Низамиддина Ходжи, сына Сайид Ходжи Насафи (годы его жизни — 1647—1737), некогда бывшего его учителем, характеризует его как человека, «променявшего законы шариата на динары и дирхемы». Обогащался он в основном за счет тех, кто не мог отстоять свои права. «Когда положение казия ухудшилось,— пишет Мухаммад Амин,— не осталось для него ничего кроме интриг, порочных мыслей и изъятия имущества униженных, угнетенных и притесненных людей». Лицо, назначенное для соблюдения законности при разборе гражданских дел и вершившее в городе правосудие, он не боялся брать запрещенные шариатом проценты. Одолжив четыре золотых, Низамиддин Ходжа из месяца в месяц брал с них проценты. Люди, арестованные из-за им же организованной клеветы, освобождались при выплате денежной суммы. В одном из подобных случаев эта сумма составляла 40 золотых[35].

Судьи не очень-то считались с вдовами, которых они обязаны были защищать. Одна из женщин вынуждена была продать (в действительности отдать долг за покойного мужа) принадлежавшего ей раба. При этом 25 танга из 225 (стоимость раба), которые причитались ей, остались у кредитора. Женщина пыталась вернуть принадлежавшие ей деньги, но «приказал наиб-казий, перед которым возбуждено было дело, ей (ответчице) оставить возражения и ограничиться этим»[36].

Расслоение ремесленников в зависимости от специализации

Говоря о социальном расслоении ремесленников, следует отметить заметное неравенство между отдельными их группами в

[35] Мухаммад Амин. Мазхр ал-ахвал. Рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1936, л. 87 а, 88 б, л. 93 б, 107 аб.

[36] Казийские документы XVI века, док. 2.

зависимости от рода занятий. Не располагая достаточным материалом о представителях других специальностей, остановимся на положении ювелиров и циновочников[37], профессии которых, в отличие от квалификации ткачей, не являлись ведущими для города XVI в. Ткачество, насколько это позволяла источниковедческая база, было рассмотрено нами ранее[38].

В письменных источниках чаще всего упоминаются представители ведущих отраслей ремесла: ткачи, отбельщики, лощильщики, красильщики тканей, портные, металлисты, оружейники, сапожники, гончары и т. д. К собственному имени мастера добавлялось обычно определение его профессии. В документах, составленных в связи с продажей торгово-ремесленных заведений, профессия бывшего, а порой и будущего владельца дукана совпадает с названием специализированной лавки-мастерской. Так, согласно одному из казийских решений конца XVI в., Ходжа Мухаммад Баззаз (торговец дорогими тканями) продал половину лавки баззаза, находившейся на базаре Баззазан в г. Самарканде.

Можно привести множество подобных примеров. Следовательно, и определение «заргар» — ювелир,— добавленное к собственному имени мастера, свидетельствует о его профессии.

Заргары упоминаются в рассмотренных нами рукописях довольно редко. Это говорит о том, что их роль в экономической жизни города была менее значительной, чем специалистов ведущих отраслей ремесла, и о том, что золотых дел мастера в рассматриваемое время составляли небольшой процент общего числа ремесленного населения города. Несмотря на немногочисленность фактов, мы все же можем сделать некоторые выводы о социально-экономическом положении ювелиров. Обратимся к документальным данным.

Согласно документу от 27 мая 1591 г. (2 джумада I 999 г. х.) Мухаммад Хашим Заргар, сын Ходжи Касима, купил в Самарканде на базаре Дарби Джубаи Нау два милковых дукана — пекарню и гладильню[39]. Названный Мухаммад Хашим Заргар был, вероятно, зажиточным самаркандцем, так как далеко не каждый из обеспеченных горожан имел возможность одновременно приобрести две лавки-мастерские общей стоимостью двести ханских танга. Золотых дел мастер приобрел заведения, не имевшие отношения к его специальности, явно для того, чтобы сдать их в аренду мелким производителям.

Из другого документа выявляется: Ходжи Мир Касим, сын золотых дел мастера, занимался ростовщичеством. Он одолжил

---

[37] Как это было сделано на материалах более позднего времени в работе: Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века. Ремесленная промышленность. Ташкент, 1962.

[38] Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла..., с. 45—79, 171.

[39] Из архива шейхов Джуйбари, док. 48.

Давлат-Кадаму Густкашу 200 танга ханских, за которые тот был обязан за каждый истекший день уплачивать по три динара в медной монете. Ростовщический процент (указанные три динара) заимодавец получал, якобы, за хранение чалмы, переданной ему Давлат-Кадамом на хранение[40].

Дорогими домами в Бухаре и землями, как сообщается в самаркандском вакфном документе конца XV в., владел мастер Али Заргар[41].

Материалы о ювелирах Бухары имеются в документах архива джуйбарских шейхов. Хронологически они относятся к шестнадцатому столетию. Как видно из документа от 18 сентября 1556 г. (29 ша'бана 974 г. х.), один из золотых дел мастеров, Ходжа Султан Хасан Заргар владел торговым пассажем — тимча. Эксплуатация комплекса торговых помещений, безусловно, приносила ему большие доходы. Другой ювелир, Ходжа Хусайн Заргар, сын Ходжи Таваккуля, судя по нескольким документам, владел дуканами в Бухаре и многими «пригодными к обработке» земельными участками в Бухарской области[42]. Эти земельные участки он, конечно, не обрабатывал сам. В пользу его шли налоговые сборы с крестьян-арендаторов, обрабатывающих земли. Дуканы также приносили ему доход в виде арендной платы. Кроме Ходжи Хусайна Заргара упоминаются и другие золотых дел мастера, владевшие земельными участками. Среди них Али Заргар, Мухаммад Заргар, сын Ходжи Хусайна, и другие[43].

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют о том, что некоторые самаркандские и бухарские золотых дел мастера владели доходными предприятиями, не имевшими непосредственного отношения к их специализации. Такие заргары кроме заработка, получаемого от изготовления и сбыта продукции своего ремесла, извлекали дополнительный доход от предоставления в аренду (прямо или при посредстве третьего лица) торгово-ремесленных предприятий, не имевших отношения к ювелирному делу.

Проанализированный материал показывает, что профессиональные особенности работы мастеров-ювелиров обеспечивали им в целом устойчивое в материальном отношении положение в феодальном обществе среднеазиатских городов XVI—XVII вв.

Среди имеющихся в нашем распоряжении письменных долговых обязательств, отражающих зависимое положение мелких производителей от торговцев-скупщиков и ростовщиков, нет ни одного, касающегося ювелира. И это, конечно, не случайно. Зарга-

---

[40] Казийские документы XVI в., док. 11.

[41] Самаркандские документы XV—XVI вв., с. 226, 272.

[42] Из архива шейхов Джуйбари, док. 6, 48, 175, 179 и др.

[43] Самаркандские документы XV—XVI вв., с. 226, 272; Из архива шейхов Джуйбари, док. 183, 188 и др.

ры, в основном, были богатыми людьми, отдельные из них, как мы видели на примере Ходжи Мир Касима, могли даже ссужать деньгами.

Относительно среднеазиатских городов более раннего времени (VIII—XIII вв.), а также юга Таджикистана конца XIX — первой половины XX в. исследователи отметили, что «ювелиры были людьми довольно обеспеченными, иногда даже богатыми», что они в массе являлись богатейшими среди ремесленников[44].

Наши материалы доказывают, что так же обстояло дело в XVI — первой половине XVII в.

В отличие от ремесленников, производивших продукцию, пользовавшуюся спросом у широкого круга потребителей, дорогие изделия из серебра и золота изготовлялись ювелирами в расчете на довольно узкий круг людей — феодалов, богатых купцов и немногих зажиточных ремесленников. Общее число их, в сравнении со всем городским населением, было незначительным. Ювелирные изделия изготовлялись также в расчете на сбыт приезжим купцам, торговля с которыми, как это видно из сообщений *Бадриддина Кашмири, Захириддина Бабура* и других, велась очень активно.

Среди ювелиров были и такие мастера, которые изготовляли, причем, гораздо в большем, чем из золота, количестве, дешевые украшения из серебра, меди и латуни, предназначавшиеся для сбыта широким кругам городского и сельского населения, обладавшего малой платежеспособностью.

В имущественном отношении ювелиры не представляли единого целого. Но даже самые состоятельные из них находились в зависимости от крупных светских и духовных феодалов, принимавших участие в управлении страной. Один из богатых бухарских ювелиров, упомянутый Ходжа Хусайн Заргар, владевший дуканами и многочисленными земельными участками, вынужден был продать свои земли могущественному джуйбарскому шейху, который, как это видно из многочисленных документов, в целях концентрации земель принуждал владельцев «уступить» ему участки, прилегавшие к его владениям.

Ювелиры могли работать на заказчика, на рынок, в дворцовой мастерской. В последней, надо полагать, были изготовлены шахская корона и золотой пояс, принадлежавшие Абдулла-хану II. Дворцовая мастерская ювелиров в Бухаре конца XIX — начала XX в. описана О. А. Сухаревой[45].

---

[44] Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 288; Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара..., с. 54; Чвырь Л. А. О таджикских ювелирных украшениях. М., 1977, с. 89.

[45] Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара..., с. 53.

Лавки-мастерские ювелиров сосредоточены были в одном месте и составляли особый ряд. В Самарканде упоминается торговый ряд ювелиров Базар-и Заргаран, в Бухаре торговые ряды золотых дел мастеров располагались около медресе Улугбека по обеим сторонам улицы. Обычно поблизости жили и сами ювелиры[46]. Известные мастера имели свой круг заказчиков.

В виде подарков среднеазиатским высокопоставленным особам подносились украшения, изготовленные мастерами других городов и стран. Так, в «Раузат ар-ризван», где помещены тексты писем, адресованных джуйбарским шейхам, в числе подарков, доставленных из Мекки шейху Ходже Са'аду, Бадриддин Кашмири упоминает шесть колец с сердоликом (акик). Камню акик на Востоке приписывалось охранное действие. По словам Абу Райхана Беруни, «лучший (сердолик) — йеменский и румский, он прозрачный и блестящий»[47]. Этим, видимо, можно объяснить доставку из Аравии в Бухару упомянутых выше колец с сердоликом.

При воздействии смеси из поташа, листьев можжевельника и острого уксуса на сердолик наносились различные рисунки. Абу-л-Фазл Хубайш Тифлиси советует: после того, как на сердолик нанесут надпись, его следует хорошо прокалить на огне, тогда «то, что было написано или нарисовано, станет белым, как серебро, а сердолик останется красным»[48]. Подобным свойством сердолика объясняется использование данного камня на перстнях-печатках. В одной из кладовых Государственного Эрмитажа хранится один из таких перстней, некогда принадлежавший сыну эмира Тимура — Мираншаху — в период его правления в Азербайджане.

Издавна использовался в ювелирном искусстве жемчуг. По словам упомянутого Абу-л-Фазла Хубайша, из сложной смеси, в состав которой входил порошок растолченной морской раковины, можно, якобы, изготовить искусственный жемчуг. Как сообщает тот же автор, «если полдирхема растертого в порошок жемчуга выпить утром с яблочным вином, то это укрепит сердце, поможет при меланхолии и изгонит горе и печаль души»[49].

Изделия заргаров и резчиков драгоценных камней соседних стран доставлялись в среднеазиатские города в виде военной добычи, о чем упоминается в «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха и других произведениях XVI в.

---

[46] Там же, с. 50.

[47] Беруни Абу Райхан. Избранные произведения, т. IV. Ташкент, 1973, с. 645.

[48] Абу-л-Фазл Хубайш Тифлиси. Описание ремесел (Байан ас-сана'ат). Перев. с персидского, введение и комментарий Г. П. Михалевич. М., 1976, с. 83.

[49] Там же, с. 119.

Перечень ювелирных изделий, упоминающихся в письменных источниках XVI в., немногочислен[50]. Говоря о широком размахе, с каким проводилось одно из торжественных собраний, Захириддин Бабур пишет: «принесли деревца плакучей ивы, между ветвями которых, не знаю, настоящими или искусственными, были вставлены тонко-тонко нарезанные полоски листового золота такой же длины, как ветки. Это выглядело здорово хорошо!»[51].

О богатстве аристократов свидетельствовали роскошная одежда, драгоценные украшения и дома, большие и просторные, располагавшиеся обычно в центре города.

Крупнейшие феодалы копили золото, служившее одним из показателей богатства. Известный политический деятель, духовный феодал времен Убайдулла-хана (официально царствовал в 1533—1539 гг.) Мир Араб, по словам Зайниддина Васифи, имел специальное хранилище с отверстием в потолке, через которое оно заполнялось золотом и серебром[52].

По свидетельству Махмуда ибн Вали, автора «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар», в XVI — начале XVII в. золото доставлялось из гор Ферганы, а также из Тараза и Хутталана (причисляемого к областям Мавераннахра). «В настоящее время,— пишет историк,— (т. е. в 1634—1641 гг., когда писалось указанное сочинение.— *Р. М.*) из-за постоянных междоусобиц месторождения золота не разрабатываются»[53]. Некогда золото добывалось и в горах Зарталаш (к востоку от Ташкента), где в XIX в. сохранялись еще остатки ювелирных мастерских[54]. В зависимости от содержания примесей золото могло быть разных оттенков. В письменных источниках упоминается белое и красное золото.

Жители местностей, где добывалось золото, платили государству налоги натурой. «Из самых важных налогов (خراجات) той области (Хутталана.— *Р. М.*), платимых податным населением,— сообщает историк-энциклопедист Махмуд ибн Вали,— является золото, потому что оплата налогов с нескольких деревень и селений производится в таком виде»; «По несколько мискалей (золота.— *Р. М.*) ежегодно доставляют они в государственную казну»[55].

Рудники, как и другая недвижимость, могли быть пожалованы лицам, оказавшим услугу государю. Так, в первой половине XVI в. Зайниддин Васифи, согласно приказу ташкентского правителя Науруз Ахмад-хана, составил дарственную грамоту на по-

---

[50] Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла..., с. 108—109, 112.

[51] Бабур-наме, с. 223.

[52] Зайн ад-дин Васифи. Бадаи'ал-вакаи', т. 1, с. 379.

[53] Хутталан — область современного Таджикистана. Махмуд ибн Вали. Море тайн..., с. 38, 59, 65.

[54] Ўринбоев А., Бўриев О. Тошкент Муҳаммад Солиҳ тавсифида. Тошкент, 1983, с. 54.

[55] Махмуд ибн Вали. Море тайн..., с. 38—39, 117.

жалование сайиду Шамсиддину Мухаммаду на правах суйюргала все пустоши и рудники Ташкентского удела, «кроме действующих разработок бирюзы и железа»[56]. Подобные действия — смена владельцев залежей природных богатств, каждый из которых старался за время своего господства как можно больше обогатиться,— приводили к истощению рудников.

В конце XIX — начале XX в. одни бухарские ювелиры специализировались на изготовления колец, другие — серег, третьи — филигранных изделий и т. д. Однако были и такие, которые вырабатывали все виды женских украшений[57].

Некоторые ювелиры занимались не только изготовлением украшений и отделкой продукции медников и литейщиков, но и были искусными мастерами в области нескольких близких ремесел.

Большинство ювелиров владели знанием некоторых химических реакций и сложной технологией изготовления предметов из драгоценных металлов. В этом они значительно отличались от мастеров многих других специальностей. «Рисоля о ремесле золотых дел, медных, серебряных и других» содержит описание производственных процессов и дает возможность в какой-то мере изучить технику изготовления изделий[58].

В документах изредка приводятся вес и цена драгоценностей. Так, в документе, составленном в Самарканде в 1590 г., указывается, что вес каждой из двух золотых сережек был равен трем мискалям. Вместе с жемчужной нитью они были оценены в 90 ханских танга. Для того, чтобы представить цену драгоценностей, отметим, что купон хлопчатобумажной набивной ткани чит в том же 1590 г. оценивался в три танга; ткань фута — 2 танга (конец XV в.), жилой дом рядового жителя с двором и пристройками в Самарканде в конце 80-х — начале 90-х годов XVI в. оценивался в среднем в 20—30 танга.

Сопоставление стоимости пары сережек и жемчужной нити с ценой хаули рядового жителя отражает имущественное расслоение горожан.

У нас нет данных, которые позволили бы говорить о социальном делении самих ювелиров, представлявших по сравнению со многими другими ремесленниками более зажиточную и обеспеченную часть городского населения. Однако некоторые факты (наличие дворцовых ювелиров, владение отдельными золотых дел мастерами высокодоходными заведениями, не связанными с ювелирным делом), говорят о том, что мастера-ювелиры в имущественном и в правовом отношениях не представляли единого целого.

---

[56] Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. II, с. 1332.

[57] Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара..., с. 49.

[58] Кузнецова Н. А. Ремесленные рисале.— Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР, XIX. М., 1956, с. 80—83.

Принимали ли ювелиры учеников? В числе вышеупомянутых 25 договоров о поступлении на обучение к мастеру ученика-шагирда нет ни одного, касающегося ювелира[59]. По всей вероятности, это объясняется тем, что значительные доходы, получаемые от ювелирного дела, приводили к стремлению в случае отсутствия прямых потомков принимать на обучение сыновей родственников. Учеников со стороны, поступление которых оформлялось письменным договором, ювелиры принимали лишь в редких случаях.

Согласно выводам О. А. Сухаревой, ювелиры Бухары в конце XIX — начале XX в. имели учеников. Основываясь на этнографических материалах (письменных соглашений для этого периода не обнаружено), она отметила, что срок ученичества был продолжительным — 10—15 лет. Это гораздо дольше, чем те сроки, которые указаны в письменных договорах из сборника «Маджму'а-йи васаик», оформлявшихся при поступлении ученика к мастеру. Период ученичества в Самарканде конца XVI в. мог варьироваться в зависимости от специализации, при этом самый большой срок обучения — согласно письменным договорам — 5 лет.

Этнографические материалы, собранные Я. Г. Гулямовым, позволили ему прийти к заключению: в XIX в. в городах Ферганы срок обучения учеников не устанавливался. В качестве бесплатного помощника мастера они работали до полного совершеннолетия[60].

Более привилегированное положение мастера по сравнению с тем, кто работал под его началом, отражено в сочинении Абдараззака Самарканди. Как сообщает историк, по случаю празднества, устроенного в честь рождения царевича (Герат, XV в.), ремесленники и торговцы должны были выставить свою продукцию. Среди редких изделий, свидетельствовавших о высоком искусстве мастеров, был сосуд для розовой воды, на котором искусный умелец изобразил ремесленников, занятых своим ремеслом. Некоторые из них были изображены в открытых разукрашенных дуканах. «Они,— по словам Абдараззака Самарканди,— спиной покоя опирались на ложе почета, а слуги перед ними стояли, готовые к услугам. Все так превосходно было изображено и с такой пышностью исполнено, что разум людей терялся в пустыне размышлений»[61]. Конечно, и ювелирам в работе помогали подручные люди, зависимые от них и «готовые к услугам».

Золотых дел мастера составляли особую корпорацию. Одним

---

[59] Маджму'а-йи васаик, л. 118 а—122 б.

[60] Гулямов Я. Г. Из истории организации ремесла в Ферганской долине..., с. 27—29.

[61] Беленицкий А. М. Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV—XV вв.— Труды Отдела Востока. Л., 1940, с. 199.

из царских указов был назначен калантар ювелиров, возглавлявший всех других мастеров этой профессии[62].

В отличие от ювелиров, относившихся к зажиточной части населения города, мастера-циновочники не получали от своего ремесла больших доходов.

Плетение циновок (буйрабафи) известно было издавна, но, как показали этнографические исследования, даже в конце XIX — начале XX в. в Бухаре плетение циновок отличалось сохранением в этом промысле «наиболее отсталых, на первый взгляд, удивительных для столичного города форм производства», слабым развитием промысла, архаическим общинно-семейным характером организации производства циновок[63].

Трудно сказать, в какой степени эту характеристику можно отнести к данному виду ремесла рассматриваемого времени, так как в нашем распоряжении очень мало фактических данных. Высказывание одного из историков XV в. Шарафуддина Али Езди позволяет судить о высоком техническом уровне в производстве циновок. Описывая одно из празднеств, устроенных в Самарканде в 1404 г. по приказу эмира Тимура, он упоминает участие в нем ремесленных и мастеровых людей. Каждый цех, чтобы продемонстрировать высокое искусство мастеров, должен был изготовить и выставить на обозрение свои изделия. В их числе была и продукция плетельщиков циновок, о которых Шарафуддин Али Езди сообщает следующее: «(мастера циновок) удивительные плели циновки. Столь искусные в своем ремесле, что смогли бы расщеплять волос подобно камышу»[64].

Современник Шарафуддина Али Езди — Ибн Арабшах, сообщая о мастерстве умельцев, пишет следующее: «...ремесленники выказали старание (в показе того), что было связано с их ремеслом. Каждый из них усердствовал (в сооружении) зрелища, подобающего их профессии. Так, мастера циновок устроили всадника с полным вооружением. Был он крайне тщательно отделан вплоть до ресниц и копыт. Полностью до мелочей снарядили его (всадника) оружием вроде лука, меча и другого вооружения, все это было сделано из камыша. И возвышался он (всадник) на своем месте без опор и подставок[65].

Приведенные характеристики свидетельствуют о высоком искусстве мастеров плетельщиков циновок. Нет никаких оснований считать, что среди самаркандских и бухарских мастеров-циновочников XVI в. не было умельцев, о которых рассказывают два известных историка XV в. Шарафуддин Али Езди и Ибн Арабшах.

---

[62] Мактубат ва аснад. Рук. ЛО ИВ АН СССР, инв. № А—210, л. 117 а.
[63] Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара..., с. 135—136.
[64] Беленицкий А. М. Из истории участия ремесленников..., с. 195.
[65] Там же, с. 196.

Однако в целом промысел плетения циновок не имел перспектив развития, хотя камышовые подстилки широко использовались в хозяйствах местных жителей. Ими покрывались при строительстве потолки, устилались полы. Высокие цены на парчу и очень низкие на циновки зафиксировал Алишер Навои[66]. Лишь незначительное число мастеров-циновочников, в основном те, кто изготовлял продукцию более высокого качества, предназначавшуюся для феодальной знати, могло относиться к категории состоятельных горожан.

Изложенные данные о материальном положении ювелиров и плетельщиков циновок доказывают существование имущественного неравенства между мастерами в зависимости от их специализации. В то же время это неравенство наблюдалось и между ремесленниками одной специальности.

Смена же ремесла в средневековом городе Средней Азии практиковалось очень редко.

Наемные работники

О категории работников, поступавших на работу, согласно письменному акту о найме, мы узнаем из образца, помещенного в рукописном сборнике «Хутут-и каза»[67]. Анализируя содержание данного формуляра, мы можем представить положение тех слоев трудового населения, которые вынуждены были наниматься на работу. Содержание данного формуляра и его перевод на русский язык были рассмотрены в исследовательской литературе[68]. Краткие выводы, сделанные на основании изучения акта о найме работника, сводятся к следующему.

Практиковался наем работника к хозяину, оформлявшийся письменным договором. Сроки найма, надо полагать, могли быть разными. В рассматриваемом документе работник поступал к хозяину, отдавал себя в наем — «иджара» на один год. В течение этого срока нанимающийся обязан был выполнять «любую дозволенную шариатом работу», которую прикажет ему хозяин, т. е. работник попадал в полную зависимость от нанимавшего его лица. Расчет за работу производился в конце года; согласно договору, сумма, израсходованная на содержание работника, высчитывалась по истечении установленного срока из заработанных им денег.

Рассматриваемый формуляр помогает выявить одно из содержаний многозначного для Средней Азии XVI в. термина «иджара» (اجاره). В большинстве случаев он использовался в письменных

[66] Алишер Навои. Возлюбленный сердец, с. 32.
[67] Хутут-и каза, л. 179 б—180 а.
[68] Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла..., с. 164.

соглашениях, оформлявшихся в связи с предоставлением владельцем доходного имущества (торгово-ремесленных заведений, жилых домов, бань, земель и др.) за соответствующую плату на временное пользование арендатору (иногда через третье лицо)[69]. *Заклад имущества также оформлялся как предоставление прежнему* владельцу в аренду (иджара) заложенных объектов. Передача в залог какой-либо вещи с целью получения в долг денежной суммы тоже обозначалась словом «иджара» (в действительности же подобные письменные договоры составлялись для того, чтобы дать возможность кредиторам официальным путем получать ростовщические проценты, запрещенные шариатом). Термин «иджара» использовался и в письменных соглашениях о поступлении ученика на обучение к мастеру. Во всех имеющихся в нашем распоряжении 25 письменных договорах зафиксировано, что лица, на попечении которых ранее находились ученики (мать, старший брат, реже отец), заявляют о передаче мальчика на обучение на условиях иджара (باجاره شاگردی داده ام). Такая же форма использована в тех случаях, когда договор оформлялся от имени самого совершеннолетнего, поступавшего в ученичество[70].

Приведенные примеры отражают специфические черты восточного феодализма и дают основание считать, что переводить термин «иджара» не всегда можно современным словом «аренда».

Трафарет для юридического оформления договора о найме работника мог служить образцом не только в Бухаре, где была написана рукопись «Хутут-и каза». Подобные договоры могли быть составлены также в других городах. Можно предположить, что таким письменным договором обычно оформлялся труд квалифицированных работников, письменные договоры вряд ли заключались со слугами по дому.

Цитированный формуляр представляет интерес еще и потому, что для Средней Азии более позднего времени мы не располагаем подобными актами. Примеры практики составления письменного договора, оформлявшего отношения мастера и ученика из другой семьи, как и образцы для их составления также относятся лишь к XVI столетию.

Институт ученичества был распространен и в городах Закавказья, Турции, Ирана. В закавказских городах в XVI—XVII вв. соглашения между мастером и учеником оформлялись письменно[71]. Относительно же сефевидского Ирана Мехди Кейвани, изу-

---

[69] (Захириддин Бабур) Мубайъин. Рук. ИВ АН УзССР, с. 107; Вакф-наме, с. 197, 293; Маджму'а-йи васаик, док. 101—103, л. 35 аб.

[70] Маджму'а-йи васаик, л. 118 а—122 б.

[71] Куция К. К. Из истории цеховых организаций в Восточном Закавказье в XVI —первой половине XVIII в. (на грузин. языке) — Вопросы истории Ближнего Востока. Тбилиси, 1972, с. 106—108.

чавший ремесленные организации и производство в этой стране, отметил отсутствие подобных письменных договоров и вообще слабое освещение документами системы ученичества. По его мнению, договаривались устно, иногда перед руководителем цеха. Причину отсутствия подобных письменных договоров в Иране исследователь объясняет распространенностью твердо укоренившихся традиций по оформлению ученичества и неграмотностью большинства ремесленников[72].

Относительно Бухары и городов Ферганы О. А. Сухарева и Я. Г. Гулямов сообщают, что в XIX — начале XX в. при поступлении ученика на обучение письменный договор не составлялся[73].

Между тем, как уже было сказано выше, в XVI в. в Самарканде и Бухаре мастера, нуждавшиеся в помощнике, оформляли прием мальчиков на обучение письменными договорами. Письменное соглашение скрепляло в это столетие и отношения работника с хозяином. Когда прекратилось составление таких соглашений, неизвестно.

Указанного вида казийские решения отражают степень зависимости от хозяина наемных работников и учеников, а также использование мастером-ремесленником детского труда.

Сопоставление текста договора об ученичестве с образцом для составления договора о поступлении на работу показывает, что содержание их во многом сходно. В отличие от соглашения между мастером и учеником в формуляре о найме работника имеется пункт о плате, которую тот должен был получить от хозяина по истечении указанного в документе срока — одного года.

Содержание данного образца говорит о незавидном положении человека, нанимавшегося на работу. Уже то, что наемный работник должен был жить и работать в чужом доме, является свидетельством его тяжелого экономического положения. О принудительном характере труда свидетельствует пункт договора об обязанности нанимавшегося выполнять любую работу, которую прикажет хозяин. Условие соглашения, по которому наниматель должен был не только кормить, но и одевать работника в счет заработанной им суммы, свидетельствует о крайней нужде поступавшего на работу.

Можно предположить, что среди наемных работников было немало учеников, уже прошедших курс обучения, но не имевших орудий производства и, тем более, мастерских. Эксплуатируемые мастером в течение нескольких лет ученики могли решиться попытать счастье на новом месте. Часто, даже став специалистами, ученики зависели от мастера и вынуждены были продолжать ра-

---

[72] Mehdi Keyvani. Artisans and Guild Life..., p. 88—89.

[73] Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара..., с. 161; Гулямов Я. Г. Из истории организации ремесла в Ферганской долине..., с. 27—29.

ботать на него. Вполне возможно, что бывший ученик оставался в доме мастера на дополнительный срок. Могло быть и так, что он поступал к новому хозяину, вынужденный по-прежнему выполнять работу на кабальных условиях.

Е. М. Пещерева, основываясь на этнографических материалах, делает вывод: «если ученик был бедный, он по соглашению с мастером оставался у него работать за плату, чтобы скопить денег на угощение и подарок мастеру». Если он «был сиротой, обычно мастер его женил и до получения разрешительной молитвы (после которой ему присваивалось звание «устад».— *Р. М.*) не выделял его из хозяйства, так что фактически ученик продолжал работать на мастера»[74].

Наличие значительного числа казийских решений, оформленных в связи с закладом мастерских и жилых домов, владельцы которых, в большинстве случаев, не могли уже вернуть принадлежавшее им имущество, позволяет предположить, что некоторые из них, постепенно разорившись, вынуждены были наниматься на работу к хозяину.

В числе наемных работников, вероятно, были и сироты, чьи дома называются в постановлениях, оформленных при продаже. Рассмотренный выше формуляр мог служить также образцом для оформления в кази-хане соглашения при найме к мастеру ремесленника, лишенного средств производства. Кем бы ни были люди, нанимающиеся на работу, из содержания формуляра видно, в какой большой зависимости находились они от хозяина.

Вместе с тем нельзя не отметить, что оформленные юридически договорные отношения в какой-то степени гарантировали права работника, в частности, получение им указанной суммы по истечении срока найма, хотя хозяин мог прибегнуть к разным уловкам и ухищрениям для большей эксплуатации и меньшей оплаты труда нанявшегося. Письменные договоры в какой-то степени отражали защиту цеховыми объединениями интересов ремесленников.

Наличие среди казийских документов, составленных в Бухаре в XVI в., трафарета о найме работника свидетельствует о том, что случаи найма на работу не были редки, иначе не нужен был бы специальный образец для оформления текста документа указанного вида.

Ряды наемных работников в городе могли пополняться и за счет разорившихся крестьян. Число последних в отдельные периоды истории Средней Азии было значительным. В «Записках бухарского гостя» Фазлаллах ибн Рузбихан ибн Фазлаллах ал-Хунджи-ий Исфахани[75] сообщает, что в Самаркандской области

[74] Пещерева Е. М. Ремесленные организации Средней Азии..., с. 45.

[75] Местом рождения Ибн Рузбихана С. М. Онуллахи называет Хунаджи, селение вблизи г. Исфахана, а не Хунджи, как принято в литературе. Имя

ряд людей, «покинув свои имения, отстранились от них вынужденно и рассеялись по разным местностям». По мнению писателя, это «происходит вследствие того, что люди не могут проживать в местах своего постоянного жительства и в своих имениях по причине большого количества диванских поставок продовольствия, не имеют возможности распоряжаться (имениями) как владельцы»[76]. По его словам, «те имения в настоящее время приобрели значение старых пустошей и значение мертвых земель»[77].

Как видно из других документов, эксплуатация, возросшая непропорционально росту производительности, губительно отражалась прежде всего на податном населении. Правительство вынуждено было искать возможности пополнения казны путем упорядочения налоговых сборов. Вопросы упорядочения налоговых сборов рассматривались на описанном Ибн Рузбиханом собрании в Кап-и Гиле, расположенном к востоку от Самарканда. Высокопоставленные лица во главе с Мухаммадом Шейбани-ханом обсуждали меры, необходимые для того, чтобы страна «не клонилась от благоустроенного состояния к разрухе» и поземельные подати регулярно поступали в казну[78].

Несколько указов, составленных от имени разных удельных правителей, в том числе ташкентского Мухаммада Дервиш-султана, сына Науруза Ахмад (Барак)-хана, правителей Андижана и Ферганы, выданных в разные годы XVI в.— 906 г. х. (1500/1501 г.), 909 г. х. (1503/1504 г.), 978 г. х. (1570/1571 г.), 980 г. х. (1572/1573 г.), 1004 г. х. (1595/1596 г.) и др., призывают раййатов, покинувших обрабатываемые ими земли, вернуться на прежние места жительства. Налоговым сборщикам запрещалось причинять ущерб тем, кто вернулся на свои места, и взимать сборы с их урожаев.

Феодальные правители приказывают также не покровительствовать беглым крестьянам на новых местах, не укрывать их, а вылавливать и выдавать карасканским сайидам, с чьих земель они бежали[79].

Часть беглых, как показывают акты, пытались найти работу в городе. В указе, не имеющем даты и изданном от имени правившего Андижаном (Андуган) Мухаммада Амина (пятый сын Науруза Ахмад-хана), говорится, что карасканские беглые рай-

---

автора сочинения читается им Фазлуллах ибн Рузбихан Хунаджи (Онуллахи С. М. «Тебриз в XIII—XVII вв.», автореф. дисс. докт. ист. наук. Баку, 1982, с. 14, 46, пункт 45).

[76] Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). Перев., предисловие и примеч. Р. П. Джаликовой, под ред. А. К. Арендса. М., 1976, с. 154.

[77] Там же, с. 153.

[78] Там же.

[79] Набиев Р. Н. Источники по истории крепостного права в Средней Азии, с. 95—96; Жувонмардиев А. XVI—XIX асрларда..., с. 15.

йаты обосновались в подвластном ему городе. О поселении их в Андижане сообщается также в нишане от 960 г. х. (1552/1553 г.), написанном от имени андижанского правителя Шир Мухаммада. Последний повелевает изловить их и выдать сайидам[80]. По данным нескольких источников, цеха ремесленников могли принимать беглецов в свои ряды. Эти традиции были распространены и в других странах[81].

В городе беглых крестьян ждала нелегкая судьба. Алишер Навои так повествует о скитальцах и бродягах: «Как только рассветает, муж и жена на заработки отправляются... Всю добычу, заработанную днем, они кладут вечером в одну кучу. Они не ложатся спать, пока не съедают все, что у них есть, и не говорят о том, что завтра будет нечего есть»[82].

Рассмотренные данные свидетельствуют о расслоении трудового городского населения на мастеров-устадов, рядовых ремесленников, учеников и т. д. и о тяжелой эксплуатации мелких производителей. Некоторые из последних — число их не могло быть значительным — не владели ни ремесленными мастерскими, ни сырьем для изготовления изделий, ни инструментами. Лишенные средств производства, попавшие в крайне тяжелое положение, они вынуждены были становиться наемными работниками.

Ткачество было одной из наиболее развитых отраслей среднеазиатского ремесла на протяжении всего средневековья. Этим объясняется наличие относительно большого числа документов, позволяющих судить о деятельности среднеазиатских скупщиков, имевших дело с тканями и сырьем, предназначавшимся для их изготовления и отделки.

Опутанные долгами и обязательствами ткачи в период безраздельного господства феодальных отношений находились на грани нищеты, чем объясняется упоминание их в связи с антифеодальными выступлениями народных масс.

Степень зависимости мелких производителей от богатых мастеров, цеховых старшин, торговцев-скупщиков, ростовщиков, светских и духовных феодалов была разной. Одни ремесленники поддерживали с ними лишь деловые связи, другие попадали в личную зависимость от них.

Имущественное расслоение и социальное неравенство наблюдались не только между мастерами и общей массой ремесленников, учениками, наемными работниками. Категория населения, определенная как мастера-устады, также делилась на несколько групп.

---

[80] Там же, с. 15.

[81] Гудиашвили Д. А. Ремесленные организации городов Турции по «Сеяхат-наме» Эвлии Челеби.— В сб.: Экономическое развитие стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1975, с. 56.

[82] Алишер Навои. Возлюбленный сердец, с. 36.

Некоторые мастера, в основном из числа цеховых старшин, могли заняться не только скупкой товаров и поставкой сырья мелким производителям, но и ростовщичеством. О делении мастеров, имевших мастерские, на более и менее обеспеченных свидетельствуют цены на дуканы: одни из них оценены в 6 танга, другие — 40—80 танга[83]. Дукан повара и две дукан-ханы с айванами, расположенные в Бухаре у Моста менял, оценены в документе архива джуйбарских шейхов в 600 танга ханских[84].

В крупных ремесленных центрах Средней Азии ремесло обеспечивало прожиточный минимум значительной части людей труда. Однако в конце XV—XVI в. (относительно которого мы располагаем достаточным количеством конкретных материалов, позволяющих сделать некоторые обоснованные выводы) многие ремесленники вынуждены были «уступать» свои мастерские крупным феодалам и богатым горожанам и становиться арендаторами. Наличие мастеров-профессионалов, имевших мастерские, мастеров-устадов, уже оторвавшихся от производства, рядовых ремесленников, вынужденных арендовать дуканы, учеников-шагирдов, являвшихся по существу подручными работниками хозяев-мастеров, поденных и наемных работников говорит о различии между группами ремесленников как в правовом и имущественном отношениях, так в степени и характере участия каждого из них в производственной деятельности.

Число ранее самостоятельных ремесленников, вынужденных становиться арендаторами, было довольно значительным. В отдельных случаях они могли остаться даже без орудий производства. Судя по казийским решениям конца XVI в., были случаи аренды лавок-мастерских со всем оборудованием. В таких случаях их владельцы увеличивали арендную плату.

Экономическая зависимость ремесленников от скупщиков, ростовщиков и торговцев была велика.

В просмотренных нами письменных памятниках не упомянуты подмастерья-хальфа. Был ли наемный работник, поступление которого на работу к мастеру оформлялось письменным договором, одновременно и подмастерьем — пока неясно. Рассмотренный выше формуляр о найме — единственное свидетельство о подобных работниках в XVI в.

Вероятно, деление ремесленников на мастеров, подмастерьев и учеников в рассматриваемое время отсутствовало — оно характерно для более позднего этапа развития ремесла. Наличие хальфа в ведущих отраслях ремесла, их роль в производстве и отношения с мастером-устадом в конце XIX — начале XX в. освещены в исследовательских трудах. Их авторы высказывают мнение,

---

[83] Из архива шейхов Джуйбари, док. 15, 44, 52.
[84] Там же, док. 4.

что в феодальной Средней Азии средневековья подмастерьев не было, его функции выполнял наемный мастер. Появление трехчленной системы (мастер, подмастерье, ученик) означало дальнейший рост социальной дифференциации ремесленников[85].

Городская беднота и деклассированные элементы

Наихудшее в экономическом отношении положение в городском обществе занимала беднота. Этот слой населения также подразделялся на ряд групп, что отразилось на терминологии, использовавшейся для их обозначения: оубаш (اوباش), арзал (ارذال), ранд (رند), кызыл оййак (قزيل اياق) и т. д. На содержании этих терминов сказалось отношение господствующего класса к бедноте как к босякам, подонкам общества, головорезам, бродягам.

Термин йатим (уменьшительное йатимча), буквально обозначавшее «сирота», использовался также в значении «низший слой населения». Городских йатимов неоднократно упоминает Захириддин Бабур; сообщая о событиях XVI в., Махмуд ибн Вали рассказывает о простонародье Шебергена и называет его «йатимча». Это же слово встречается в сочинениях в значении «плут», «мошенник», «головорез», «наглый и дерзкий люд»[86].

Как установил О. Г. Большаков, в конце VIII — начале XIII в. «огромную политическую роль в городах играли объединения аййаров». Аййары, составлявшие особую группу городского населения, упоминаются и в среднеазиатских сочинениях XV—XVI вв. Они не всегда представлялись средневековыми авторами как подонки общества: «некоторые ремесленники, выступая с оружием в руках, становились аййарами»[87].

Городская беднота упоминается в источниках в основном в связи с описанием антифеодальных восстаний, обороны города от нападения предводителей кочевников и правителей соседних областей. Согласно Мухаммаду Салиху, «толпа бродяг» (گروه اوباش) выступила на защиту крепости против ополчения Шейбани-хана. Шейхулислам Абулмакарим, объявивший себя аталыком (заступающим место отца) юного Бабура и являвшийся

---

[85] Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара..., с. 163, 165; Беленицкий А. М. Организация ремесла в Самарканде в XV—XVI вв. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. VI, М.—Л., 1940.

[86] Алишер Навои. Махбуб ал-кулуб, с. 48; Махмуд ибн Вали. Море тайн..., с. 57, 125.

[87] Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии..., с. 344—346.

фактическим правителем города, занял выжидательную позицию и возглавил оборону лишь после того, как самаркандцы обратились к нему с требованием организовать отпор врагу. Активное участие в сражениях с противником приняли, по определению Мухаммеда Салиха, «задиры», «голыши» и босоногие, «не боявшиеся смерти»[88].

Народные выступления слабо отражены в письменных источниках, но и небольшой фактический материал дает нам представление о движении угнетенных масс против тяжелых условий жизни и труда. Как правило, эти выступления носили стихийный характер. Нередко народное возмущение вливалось в междоусобную борьбу феодалов, умело направлявших силы обнищавших ремесленников и городской бедноты на борьбу со своими политическими противниками. Так, в 1499 г. «босоногими» — беднотой города Ош — было изгнано из города ополчение Ахмада Тенбеля с окружавшей его свитой, управлявшего областью Ош от имени малолетнего Тимурида Джехангира. Однако, как сообщают историки, в результате борьбы беднейших слоев горожан правителем области стал другой феодальный правитель — Захириддин Бабур.

В источниках зафиксировано выступление беднейших слоев населения Самарканда в 1501 г., где вследствие продолжительной осады города начался голод. В то время, как в доме бедняков «нельзя было найти ни соломинки, ни зернышка», и они в надежде утолить голод «жевали кожу, предназначавшуюся для раскатывания теста» и умирали от недоедания, феодальная знать и торговцы хлебом держали продовольственные запасы в амбарах. Население города разделилось на два лагеря: бедняков, пытавшихся силой добыть себе пропитание, и зажиточных горожан. Когда борьба между двумя лагерями достигла наибольшего накала, шейхулислам с согласия богатых горожан издал приказ: изгнать из города всех тех, кто в результате четырехмесячной осады стал нищим. Голодный, обнищавший люд вынужден был покинуть город. Как рассказывают очевидцы, с бледными, пожелтевшими лицами, едва стоящие на ногах, они вереницей направились из Самарканда, но не нашли сочувствия и у осаждавшего город хана[89].

Этот указ вызвал большие волнения в городе, о чем мимоходом упоминается в памятниках письменности. В них также отмечается гибель малообеспеченных слоев населения в те же годы в Бухаре, Карши и Кеше.

Политическая активность беднейшей части горожан отразилась в восстании 1501 г. в Каракуле. Немногочисленные свиде-

[88] Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, с. 119, 56.

[89] Мулла Шади. Фатх-наме, с. 431—434; Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, с. 61, 67; Бабур-наме, с. 108—109.

тельства современников позволили выявить классовый характер этого движения. Организованное выступление горожан закончилось победой повстанцев. Во главе захваченной беднотой крепости был поставлен представитель низов населения — гадай (нищий), названный поэтом Мулла Шади «глупцом» (ладе). Собственное имя предводителя восстания, однако, не дошло до нас[90].

Захват власти в городе беднейшими жителями представлял опасность правлению узбекского хана. Этим объясняется решительное выступление Шейбани-хана против восставшего Каракуля. Борьба была неравной. В результате захвата крепости войском Шейбани-хана глава восставших был убит, управление городом передано приближенному хана — Бубай-султану. Между тем, с уходом шейбанихановских войск каракульцы вновь восстали. Бубай-султан был пленен, его окружение перебито. Однако этим воспользовались представители отстраненных от власти тимуридских феодалов, стремившихся использовать выступление народа для возвращения своего былого могущества. Узнав о приближении войск хана, знать города обратилась за помощью к правившему в Мерве Тимуриду Абулмухсину и известному в истории Бакы-тархану. Когда крепость была окружена войсками узбекского хана, на защиту Каракуля прежде всего выступила «чернь» города — оубаш. По словам Мухаммада Салиха, она упорно сражалась, но не смогла устоять против хорошо вооруженных воинов. Победители жестоко расправились с восставшими каракульцами. Их отсеченные головы по приказу хана были доставлены в Бухару и в назидание другим на Конном рынке сложены в пирамиду[91].

Даже скудные данные о народных выступлениях, имеющиеся в письменных источниках, дают основание судить о наличии острой классовой борьбы и в других городах Средней Азии в отдельные годы рассматриваемого периода. Например, жители Ташкента, по словам Махмуда ибн Вали, считались бунтарями на протяжении всей его истории[92].

Степень активности различных групп городской бедноты в выступлениях против существовавших порядков, вероятно, была неодинаковой, но в той или иной мере все они принимали участие в борьбе против эксплуататоров. Характеризуя оубаш, арзал, йатим и других представителей бедноты, Алишер Навои отмечает их бесстрашие и волю к свободе: «Многие из них погибают, как дикие животные, от меча смерти, и во время казни они вместо молитвы читают свои особые четверостишия»[93].

---

[90] Таварих-и гузиде-и нусрат-наме, л. 62 а; Мулла Шади. Фатх-наме, с. 337.

[91] Мухаммед Салих. Шейбани-наме, с. 34—38; Мулла Шади. Фатх-наме, с. 383.

[92] Махмуд ибн Вали. Море тайн..., с. 56.

[93] Алишер Навои. Возлюбленный сердец, с. 36.

«Как мы видим,— писал Ф. Энгельс о Германии XVI в.— городская плебейская оппозиция того времени состояла из весьма смешанных элементов»[94]. То же самое можно сказать и о городах Узбекистана указанного столетия.

Выявление конкретно-исторического значения каждого из этих терминов в дальнейшем позволит более полно оценить остроту классовой борьбы в среднеазиатских городах конца XV — начала XVII в.

Класс феодалов

В отличие от Запада, в средневековой Средней Азии основная часть феодалов проживала в городах, составляя небольшую, но очень влиятельную группу городского населения.

Ленные и собственные земельные владения были для феодалов основной формой материального обеспечения, многие из них сосредоточили в своих руках доходные заведения в городах.

Среднеазиатский город являлся резиденцией феодального правителя, его приближенных, эмиров и челяди. Здесь находился многочисленный военно-административный аппарат — одна из паразитических прослоек класса феодалов. Исторические сочинения, особенно трактаты о чинах, деятельности чиновников и размерах вознаграждений за службу отражают картину эксплуататорской деятельности представителей сложного бюрократического аппарата, роль и место каждого обладателя чина в управлении и хозяйственной жизни страны[95].

Рядовые горожане находились в зависимости от феодалов, постоянно испытывая их гнет.

Самаркандские акты XV—XVI вв., вакфные грамоты в пользу двух медресе Шейбани-хана, Мир Араба, Абдулла-хана, Кулбаба Кукалташа и других, многочисленные документы из архива джуйбарских шейхов, казийские решения из «Маджму'а-йи васаик» об окончательной и неокончательной продаже недвижимостей отражают процесс разорения части мелких производителей и концентрации городских торгово-ремесленных заведений у представителей светских и духовных феодалов.

Фазлаллах ибн Рузбихан зафиксировал: «...одна из числа сделок есть купля-продажа, и если кто-нибудь посредством купли-

---

[94] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 355.

[95] Семенов А. А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре.— Советское востоковедение. М.—Л., V, 1948, с. 137—153; Вильданова А. Б. Подлинник бухарского трактата о чинах и званиях.— Письменные памятники Востока. Ежегодник, 1968, М., 1970; Мирза Бади'-диван. Маджма' ал-аркам («Предписания фиска») (Приемы документации в Бухаре XVIII в.). Факсимиле рукописи. Введение, перевод, примечания и приложения А. Б. Вильдановой. М., 1981, с. 92—100.

продажи сделается владельцем имения (مالک ملک), то если пройдет даже тысяча лет и он никакой деятельности по своему усмотрению в том имении не проявит, то его состояние владельцем (مالکیت) того имения вследствие давности времени не потеряет силу»[96]. Приобретенные и оформленные в кази-хане акты купли-продажи доходных заведений считались окончательными и переходили в руки крупных представителей феодального класса. Сделки, совершенные без участия казия, могли причисляться к незаконным[97].

В конце XV в., как это видно из Самаркандских документов, многочисленные торгово-ремесленные заведения сконцентрировал в своих руках крупнейший духовный феодал того времени Ходжа Убайдулла Ахрар. Несколько позже, как указывается в вакфной грамоте, большое число торгово-ремесленных заведений в Самарканде, ранее принадлежавших разным лицам, было скуплено представительницей дома Шейбанидов — Михр-Султан-ханум — и пожертвовано ею в вакф. Согласно документам архива джуйбарских шейхов, сотни ремесленных мастерских, лавок и других недвижимостей в Бухаре, Каракуле и Гиждуване были приобретены Ходжой Исмаилом и его потомками. Вакфные грамоты второй половины XVI в. отражают концентрацию множества торгово-ремесленных построек в руках Абдулла-хана II и сановника при его дворе эмира эмиров Кулбаба Кукалташа.

Письменные источники дают возможность проследить перемещение на протяжении более ста лет торгово-ремесленных заведений от мелких владельцев к земско-городской знати.

В числе тех, чья недвижимость покупалась джуйбарскими шейхами и другими светскими и духовными феодалами, в актовом материале нередко называются малолетние дети — сагир. Их имущество продавалось обычно по доверенности, относительно которой в одном из актов сообщается: доверенность была «утверждена в процессе правильной и законной тяжбы, при свидетельстве» лиц (их имена перечисляются в документе), «справедливых и допущенных к свидетельствованию после принесения ими свидетельских показаний с соблюдением условий и приведением к присяге одного из свидетелей...»[98]. Причина продажи имущества обосновывалось, как правило, осуществлением защиты интересов несовершеннолетних детей.

От своего имени и от имени малолетних детей, отец которых умер, 10 ноября 1598 г. Ога-Султан, дочь Баба Хинду, продала половину своего хаули. Жилой дом продает и другая женщина, что было оформлено в кази-хане города Самарканда в ноябре

[96] Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара, с. 154.
[97] Казийские документы XVI в., док. 1.
[98] Самаркандские документы XV—XVI вв., с. 92.

1598 г.[99] Продажа мельницы со всем оборудованием была осуществлена матерью троих малолетних детей в январе 1590 г.[100]

Много других подобных купчих, утвержденных самаркандским казием, были составлены в разные месяцы 1589—1590 гг. в связи с продажей недвижимостей детей, оставшихся без отца, в махалле Мечети Нигоран, махалле Ходжи Ахрара, в других махалля и кварталах Самарканда[101].

Доверенными лицами малолетних детей выступали их матери, старшие братья, близкие и дальние родственники, опекуны. Продажа жилых домов и других недвижимостей, принадлежащих сиротам, обосновывается в купчих тем, что строения находятся на стадии разрушения, а сами дети нуждаются в средствах пропитания. Однако можно предположить, что многие акты составлялись в кази-хане при помощи казия, делившего с опекуном доходы, приобретенные незаконно.

Покупателями имущества в рассмотренных случаях выступают разные лица. Сотни же документов архива джуйбарских шейхов информируют об активной стяжательской деятельности лишь трех представителей этого дома — деда, сына и внука. В их руках оказалось большое число торговых лавок, ремесленных мастерских и других доходных заведений в Бухаре, некогда принадлежавших разным лицам, в том числе малолетним детям и осиротевшим семьям.

На оживленном месте на базаре квартала Мечети Магак близ Пул-и Саррафан (моста Менял) находился караван-сарай, выстроенный из жженого кирпича, половина которого была куплена Ходжой Исламом. Караван-сарай состоял из множества помещений: комнат-худжр с айванами, конюшни и дуканов. Вторая половина этого караван-сарая позже, 4 мухаррама 967 г. х., была приобретена Ходжой Са'адом. Ее продали по доверенности несколько человек, а именно: опекун малолетней Ага-Дуст; Мирзака-Калан, доверенный Мирзы Шарифа; Халилулла Накшбанди, известный как Кори, доверенный своей сестры Шахр-Бану Бегим; Мир Абди, сын мирзы Дервиша, доверенный Мирзы Даулатшаха. Караван-сарай, ранее принадлежавший нескольким владельцам, делившим доход между собой, отныне стал собственностью Ходжи Са'ада.

Небезынтересно приводимое в купчей объяснение причины продажи части караван-сарая, принадлежавшей малолетней: малютка нуждается в средствах к существованию, владение пришло в упадок, настоящая продажа выгодна для владелицы, ее благо «заключается в этой продаже»[102].

---

[99] Маджму'-йи васаик, л. 134 а, док. 470, л. 134 б, док. 472.
[100] Там же, л. 149 а, док. 505.
[101] Там же, л. 135 б, док. 474; л. 153 а, док. 517.
[102] Из архива шейхов Джуйбари, док. 3.

Джуйбарские шейхи прибирали к рукам, как правило, дорогостоящие торговые заведения, расположенные на бойком месте и приносившие большие доходы. Караван-сарай в Бухаре, находившийся у Пул-и Саррафан, куда съезжались иноземные купцы и где были сосредоточены разные торговые заведения, был куплен (сначала одна половина, позже другая) за 3000 танга ханских. За 3400 танга был приобретен караван-сарай в Бухаре на улице Гаукушан.

В числе прежних владельцев доходных заведений называются такие крупные феодалы, как великий эмирзада, «владыка закона и премудрости» мирза Бакы, сын эмира Тин-Клыча[103]. Огромные богатства, принадлежавшие ему при жизни, после его смерти перешли к детям, а от них (караван-сарай и др.) — к Ходже Исламу. По доверенности за 220 танга ханских была продана Ходже Са'аду хлебопекарня с айваном и дровяным сараем, за 600 танга — дуканы у Моста менял[104].

Ходже Исламу были проданы дукан с худжрой в купольном здании торгового помещения Продавцов одежды (98 танга)[105], два дукана и две худжры на базаре Хаммам-и Кухак (80 танга)[106], дукан по продаже цветных тканей в Тим-и Баззазан (60 танга)[107] и десятки других торгово-ремесленных заведений и жилых домов.

Совершались покупки и более дешевых построек. За 36 танга продал Мир Сайид Касим, выступавший доверенным своей сестры Абак-беги, дукан с дукан-ханой[108]. Ходжа Ислам не гнушался покупкой и совсем дешевых лавок: дукан, состоящий из двух стен и кровли, расположенный на базаре Мечети Эмира, был приобретен за 6 танга[109]. На том же базаре были куплены ишаном еще два дукана (за 40 танга) и дукан за 20 танга[110].

Когда не удавалось купить сам дукан, упомянутые шейхи скупали земли, на которых размещались постройки. По доверенности сыновей покойного Абдалкарима была куплена земельная площадь под тремя дуканами по изготовлению колчанов[111], разместившимися вне крепости Бухары в Тим-и Такийадузан[112].

Случаи продажи горожанами недвижимостей не упускались и такими могущественными лицами, как Убайдулла Ходжа Ахрар. Некая женщина (имя ее не сохранилось) от имени своей дочери

---

[103] Там же, док. 1.
[104] Там же, док. 6, 4.
[105] Там же, док. 7.
[106] Там же, док. 9.
[107] Там же, док. 10.
[108] Из архива шейхов Джуйбари, док. 12.
[109] Там же, док. 15.
[110] Там же, док. 18.
[111] Там же, док. 5.
[112] Там же.

Салиха-султан, согласно купчей 1464 г., продала ему 12 дуканов в Самарканде. В их число входили: дукан по продаже свеч, 6 дуканов с тремя верхними помещениями и пятью кладовыми, три дукана с кладовой и еще один дукан[113]. После смерти некоего Ходжи Мухаммада по доверенности продана была Убайдулле Ходже Ахрару половина бани в Самарканде на базаре Мухаммада Чапа, известная под названием Хаммам-и Ходжа Низамиддин[114].

Значительную часть населения города составляли духовные лица: богословы, законоведы, преподаватели и студенты средних или высших духовных школ — медресе[115]. В XVI в. в Бухаре, Ташкенте, Самарканде было построено значительное число медресе и мечетей, что свидетельствует о возросшей роли духовенства.

На территории города медресе и мечети владели на вакфном праве дуканами, торговыми пассажами, банями, земельными участками и т. п. Через вакфные имения мутавалли, преподавателям и другим служащим медресе поступали доходы от ремесленников и торговцев. Как видно из отдельных документов, преподаватели могли использовать для личных нужд труд студентов.

В двух самаркандских медресе, строительство которых было начато при Шейбани-хане, продолжено его сыном Мухаммадом Тимуром и закончено женой последнего Михр-Султан-ханум, преподавали, обучались и работали свыше ста человек. Из них около трех четвертей составляли студенты, причем часть их была малообеспеченной.

В центральные города приезжали обучаться и иногородние. Они размещались в кельях, убранных ими же приобретенными циновками из камыша или войлочными подстилками. Вещи, принесенные в келью, определялись как сукнийат[116], по истечении срока пребывания в медресе студент должен был унести их с собой. Вакфная грамота предостерегает: запрещается продавать и покупать сукнийат, находящийся в худжре медресе, ибо под видом купли вещи, принадлежавшей прежнему жильцу, в келье может разместиться тот, кто приобрел сукнийат именно с целью поселиться в медресе[117].

---

[113] Самаркандские документы XV—XVI вв., с. 59—64, 85—88.

[114] Самаркандские документы XV—XVI вв., с. 102—106.

[115] По мнению И. П. Петрушевского, в начале XIII в. в Балхе, где насчитывалось около 200 тыс. жителей, они составляли четвертую часть населения; Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958, с. 140.

[116] Сукнийат — постройки, древонасаждения или посевы без самой земли, принадлежавшей другому лицу, государству или вакфному учреждению. В данном случае речь идет о предметах домашнего обихода.

[117] Вакф-наме, с. 303.

Однако подобных мер было недостаточно для сохранения комнат за студентами. На практике значительное число худжр занимали представители влиятельного духовенства — муфтии, мударрисы и другие лица из улемов. Они же, как свидетельствует автор более позднего времени, забирали вознаграждения, предназначавшиеся студентам, и продавали кельи за внушительные суммы[118].

Преподаватели, студенты и лица, обслуживающие медресе, получали вознаграждение в деньгах и паек, выделяемые из доходов вакфного имущества, размер которых предусматривался учредителем вакфа. Средства эти обычно были недостаточными для пропитания студентов, не имевших поддержки со стороны. Зайниддин Васифи сообщил в своих мемуарах о тяжелом положении иногородних студентов в Самарканде, двое из которых в суровую зиму 1512 г. умерли от холода и голода[119].

Следует отметить, что медресе были не только средоточием богословия. Здесь концентрировались и культурные силы. К примеру, очагом культуры при Улугбеке было медресе в Самарканде, известное под его именем. Слушателями самаркандских медресе были Абдуррахман Джами, Алишер Навои, Зайниддин Васифи и многие другие известные писатели, поэты и мыслители.

Функции и роль религиозных должностных лиц в общественной жизни были огромны.

Алишер Навои, хорошо знавший представителей разных слоев феодального общества и писавший о себе: «по разным землям я скитался, с разными людьми общался»,— характеризует в своем произведении представителей духовного сословия: шейхулислама — «духовного вождя мусульман»; судью, ум которого «не должен быть запачкан грязью юридических ухищрений» и который «муфтиев-взяточников... должен громить, лживых вакилов должен срамить»; муфтия, которому не подобает из-за одной монеты (درهم) «неправду правдой объявлять». Говоря о преподавателях медресе — мударрисах, Навои замечает, что они не должны стремиться к чинам, не должны собирать слушателей лишь ради своей славы и гордо сидеть на почетном месте в медресе «с важным лицом».

В ряды богослужителей нередко поступали те, кто «за сан... жалованье получает», хотя «разум его не склонен к благочестию» и «нет у него вкуса к богослужению». Стремясь к наживе, они прибегали к различным ухищрениям; невежество и пороки

---

[118] Абд-ур-Рауф. Рассказы индийского путешественника (Бухара как она есть). Перевод с персидского А. Н. Кондратьева. Самарканд, 1913. с. 24.

[119] В тексте: 1504 г. (Болдырев А. Н. Мемуары Зайн-ад-дина Васифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI веков.— Труды Отдела Востока, т. II. Л., 1940, с. 226—227).

были присущи многим из них. Они продавали «свою веру за деньги»[120].

Всесильные духовные и светские феодалы, как правило, не были непосредственно связаны с мелкими производителями. Они отдавали приобретенные ими торгово-ремесленные заведения в аренду, в основном через третье лицо. Выгодность таких действий отметил в своем сочинении «Мубайин» Захириддин Мухаммад Бабур.

Часть имущества передавалась феодалами в вакф в пользу медресе, мечетей и других заведений. Извлечения из документов дают основание предположить, что делалось это не только с целью увеличить влияние и увековечить имя учредителя. Как видно из «Вакф-наме», Михр-Султан-ханум не без корыстных целей пожертвовала огромные богатства в вакф в пользу двух самаркандских медресе, строительство которых было начато при жизни узбекского хана и закончено при ней.

После смерти Шейбани-хана (1510 г.) и его сына Мухаммад Тимура (1514 г.) возникла опасность захвата их имущества другими могущественными феодалами. Обращение же в вакф селений, обрабатываемых земельных участков, пастбищ, торгово-ремесленных помещений, мельниц, бумагоделательных, металлообрабатывающих и другого вида мастерских предусматривало ограждение их от посягательств других лиц, обеспечивая в то же время учредительнице вакфа постоянный доход. Согласно «Вакф-наме», составленному от имени Михр-Султан-ханум, она сама становилась распорядительницей — мутавалли вакфного хозяйства, а после ее смерти эту должность должны были занять ее потомки, причем мутавалли данного вакфа причиталось 20% дохода. В случае пресечения ее рода мутавалли должен был получать лишь половину десятой доли, т. е. 5% общих доходов. Будучи распорядителями богатого имущества, мутавалли имели и побочные доходы, хотя в вакфе оговаривалось, что им «не полагается ничего другого, кроме власти мутаваллийской»[121].

Распорядителю вакфа предоставлялся ряд льгот[122]. Этот факт подтверждает высказанное выше мнение о том, что обращение имущества в вакф диктовалось стремлением Михр-Султан-ханум оградить его от посягательств могущественных феодалов.

Учредители вакфа и их потомки в большинстве случаев сохраняли право быть мутавалли данного вакфного имения, оговаривая это в вакфной грамоте. Джуйбарские шейхи — землевладельцы и крупнейшие богачи города, сосредоточившие в руках многочисленные торгово-ремесленные предприятия в Бухаре и

---

[120] Алишер Навои. Возлюбленный сердец, с. 19—21, 25—27.
[121] Самаркандские документы XV—XVI вв., с. 285; Вакф-наме, с. 203, 297.
[122] Вакф-наме, с. 69—70.

других городах,— также постарались обеспечить себя доходами с вакфов (влияние их в политической жизни страны было очень сильно. Из писем, адресованных Ходже Исламу Ходжой Са'адом видно, как внимательно следил последний за политическими событиями не только внутри государства, но и за его пределами. Ходжа Са'ад вел переписку с государями других стран и их визирями, с духовными лицами, писателями и поэтами. По свидетельству Бадриддина Кашмири, его имя было известно и в Москве). Абдулла-хан, эмир эмиров Кулбаба Кукалташ и многие другие владыки учреждали вакф, передавая в пользу медресе, выстроенных по их распоряжению, большое число торгово-ремесленных заведений и земель.

Мутавалли могли быть и женщины, в их числе — упомянутая представительница дома Шейбанидов Михр-Султан-ханум.

Вакфное хозяйство эксплуатировалось путем предоставления доходного имущества в аренду. При этом само учреждение не было непосредственно связано с мелкими производителями.

В условиях цитированной вакфной грамоты в пользу двух самаркандских медресе оговаривается, что мутавалли должен извлекать доход с имущества путем предоставления его в аренду и на откуп (иджара, муката'а, музара'а). При этом, по условиям «Вакф-наме», запрещается отдавать доходные предприятия в руки тех высокопоставленных лиц, у которых невозможно было бы вытребовать арендную плату, как и тех, кто мог бы путем разных уловок превратить вакфное имущество в свое собственное. Следовательно, между теми, кому принадлежали лавки-мастерские, мельницы и т. п., и теми, кто работал в них, стоял откупщик, обычно представитель феодального класса.

Откупщиками ренты-налога нередко становились крупные чиновники, приближенные правителя и узбекские султаны. Сами они не занимались сбором податей, а поручали это специальным сборщикам. В результате создавалась тройная эксплуатация податного населения.

Из содержания «Вакф-наме» следует, что откупщики могли присваивать объекты, с которых по соглашению с владельцем они взимали налоговые сборы.

Пути перехода лавок-мастерских от непосредственного производителя к феодалам были разнообразны. Часть имеющихся в нашем распоряжении документов составлена в целях узаконения акта купли-продажи, другие фиксируют заклад ремесленных мастерских и лавок.

Очень часто лавка-мастерская принадлежала одному владельцу, а участок под ней — государству, вакфному учреждению или частному лицу, которым владелец дукана платил налог за землю.

Положение тех, кто арендовал лавки и мастерские, было довольно сложным. Сборы с арендуемых ими заведений могли

быть переданы на откуп то одному, то другому лицу, в отдельных случаях арендуемые, в частности вакфные, заведения могли перейти в руки бывшего откупщика. Как видно из вакфной грамоты в пользу медресе Шейбани-хана, были случаи, когда феодалы присоединяли взятое на откуп доходное заведение к своим недвижимостям.

Согласно условиям вакфной грамоты в пользу медресе Ишрат-хана, двух упомянутых самаркандских медресе и др., доходные предприятия могли быть переданы в аренду на месяц или более продолжительный срок, но не более, чем на три года[123]. *Фактически же установленные сроки могли быть продлены*, и один и тот же человек, подкупив соответствующих должностных лиц, повторно арендовал доходное предприятие.

Арендаторами и откупщиками вакфных имуществ, в том числе и торгово-ремесленных заведений, были в большинстве случаев крупнейшие феодалы, нередко из числа представителей царствующего дома.

Широко применявшаяся в вакфном хозяйстве система отдачи торгово-ремесленных заведений на откуп способствовала усилению зависимости мелких производителей от представителей феодального класса.

Феодал-откупщик или феодал-арендатор, учитывая, что его полномочия носят временный характер, взимал с мелких производителей города податные сборы в таких размерах, которые должны были покрыть сумму за откуп и, кроме того, принести ему дополнительные доходы. В результате трудно было определить действительный размер налога, взимаемого с производителя.

Подобная практика приводила к неустойчивости положения мелких производителей, арендовавших лавки-мастерские, и свидетельствовала о полном их бесправии.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что в среднеазиатском городе существовала иерархическая форма собственности на недвижимое имущество (в частности, на лавки-мастерские), подобно той, наличие которой установили советские исследователи в области земельной собственности[124].

На средства, получаемые с эксплуатации земель в сельских местностях и торгово-ремесленных заведений в городах, светские и духовные феодалы приобретали новые недвижимости. Не принимая участия в производственном процессе, владелец получал от сдачи в аренду торгово-ремесленных и другого вида заведений большие доходы, которые, однако, не вкладывались в производство. Хозяйственный уклад в их владениях оставался неизменным.

Значительную часть доходов феодальной знати поглощали во-

---

[123] Вакф-наме, с. 295.

[124] Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов..., с. 33.

енные походы, пиры, охота, спортивные игры. К примеру, один из эмиров на пир израсходовал 500 танга серебряных чистых одномискальных искандари[125]. Баки-тархан, большой любитель охоты, выросший в знатности и богатстве, держал 700 ловчих птиц[126].

Феодальные правители нередко злоупотребляли правом охоты. Карасканскому сайиду Ферганы была выдана особая грамота, предоставлявшая ему возможность преследовать дичь на любой территории[127].

Очень популярна была облавная охота, для участия в которой насильно сгонялись рабы или жители близлежащих районов, создающие условия для удачной охоты владыки. Особый сторож — кийикчи — охранял оленей, предназначенных для ханской охоты. По показаниям Захириддина Бабура, в прилегающем к Кабулу районе «существует целый отряд рабов-охотников», «их две или три сотни семейств...»[128].

Превращение крестьянских земель и пастбищ для овец в Шотландии в охотничьи парки, повергавшее крестьян, по словам К. Маркса[129], «в еще более безвыходную нищету», было характерно и для Средней Азии изучаемого периода. Из мемуаров Васифи и произведений поэта Мушфики мы узнаем, что в честь вельможи, выезжавшего на охоту, сочинялись газели и наносились на литавры, применявшиеся в соколиной охоте[130].

Большое место в жизни богачей занимали развлечения. По словам Абдаллаха ибн Мухаммада ибн Али Насруллахи, узбекская знать окружала себя и «забавлялась розовощекими девушками и стройными женщинами»[131].

Богатые вельможи держали породистых коней. Умелая езда на коне отмечалась в литературе тех лет как отличительная черта аристократа. В то время как население страдало от недостатка земель, знатным юношам отводились площади для проведения спортивных игр[132]. Среди аристократических слоев населения была распространена игра в чоуган, шахматы и нарды, некоторые (مهره باز) увлекались азартными играми. В своих произведениях Алишер Навои упоминает о питейных и игорных домах (میخانه، قمار خانه)[133]. В праздники устраивались выступления акробатов и фокусников, кулачные бои. По словам Захириддина

---

[125] Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван..., л. 146 б.
[126] Бабур-наме, с. 33.
[127] Ҳужжатлар, № 1/92.
[128] Бабур-наме, с. 167.
[129] Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1, с. 735—738.
[130] Болдырев А. Н. Зайнаддин Васифи..., с. 248.
[131] Абдаллах ибн Мухаммад ибн Али Насруллахи. Зубтат ал-асар. Рук. ИВ АН УзССР, инв. № 608, л. 93 а.
[132] Бабур-наме, с. 29.
[133] Алишер Навои. Возлюбленный сердец..., с. 44, 61, 62.

Облавная охота.— Миниатюры к «Бабур-наме». Ташкент, 1978.

Бабура, «большинство знаменитых кулачных бойцов в Самарканде и Бухаре — маргинанцы»[134]. Увеселительные заведения приносили казне значительные доходы.

Определенную роль в жизни общества играли колдуны — йадачи. Им приписывалось умение вызывать дождь. Йадачи могли заниматься и лечением больных (высшую аристократию лечили врачи — табибы. Для нее предназначались особые лечебницы — шифа-хана. Одна из них была построена в XVI в. в окрестностях Ташкента, другая — в XVII в. в Бухаре). Один из приближенных Султана Абу Саида — Али Дуст-Тагай, позже служивший Омар Шейх-мирзе и Захириддину Бабуру, по словам последнего, «притязал на умение вызывать дождь посредством камня «йада»[135]. В документах упоминается специальный сбор с населения в пользу вызывателя дождя.

Изложенное выше показывает, что значительная часть доходов феодальная знать тратила на непроизводительные расходы: строительство дворцов, медресе и мечетей, пиры и увеселения.

Исторические произведения свидетельствуют о том, что женщины знатного происхождения, особенно некоторые из них, по определению Захириддина Бабура, «умные и рассудительные», принимали активное участие в политической и экономической жизни общества. Об одной из таких женщин — Исан Даулат-бегим, жене ташкентского правителя Юнус-хана, сообщается, например, что многие вопросы государственной важности решались при ее участии. Она продолжала играть важную роль в политической и экономической жизни страны и после смерти своего мужа. «Среди женщин редко кто мог по уму и сообразительности сравниться с моей бабкой Исан Даулат-бегим,— пишет о своей бабушке со стороны матери Захириддин Бабур.— Она была очень умной и расчетливой. Большинство дел осуществлялось по ее совету»[136].

Подавляющее число женщин средневековой Средней Азии было неграмотно, однако среди аристократок были и такие, кто имел соответствующее для своего времени образование. Конкретных фактов об обучении девушек в рассматриваемый период мало. Несколько примеров дают общее представление о воспитании и учебе девочек из богатых семей. Как информирует очевидец тех событий, воспитателем одной из дочерей ферганского правителя

---

[134] Маргинан — город к западу от Андижана (Бабур-наме, с. 13).

[135] Бабур-наме, с. 17, 23—25, 29, 32. О камне йада см.: Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Перевод А. М. Беленицкого, статья и примечания А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна. М., 1963, с. 205; Малов С. Е. Шаманский камень. — Советская этнография, 1947, I, с. 152; Мокрынин С. Е. Сведения о тюркских народах в минералогическом трактате ал-Бируни. В сб.: Киргизия при караханидах. Фрунзе, 1983, с. 209—210.

[136] Бабур-наме, с. 20—37.

Тимурида Омар-шейха являлся бек Ходжа Мухаммад Дарзи[137]. Дочери зажиточных горожан обучались не только дома, но и в школе. На одной из миниатюр конца XV — начала XVI в. изображено занятие детей в школе. В маленькой худжре, находящейся несколько выше той комнаты, где обучались мальчики, расположилась группа девочек с женщиной-учительницей.

Яркой представительницей образованных женщин своего времени является Гульбадан-бегим, жившая в 1522—1603 гг. Автор книги «Хумаюн-наме», она считается первой женщиной-историком Востока[138].

По распоряжению знатных женщин строились мечети и медресе, учреждались вакфы. Например, в пользу медресе Чар Бакр в селении Сумитан учредила вакф Ой Подшо-биби, ставшая мутавалли вакфного имения. В письменных источниках упоминаются и другие случаи, когда богатая женщина является учредителем вакфа и его мутавалли[139]; доходы с владений, переданных, согласно вакфной грамоте, в пользу благотворительного учреждения, они сохраняли за собой. Таким образом удавалось уберечь имения от захвата сильными мира сего, поскольку по закону вакфные имения считались неприкосновенными.

Особое положение в обществе занимали некоторые женщины, принадлежащие к правящей династии[140] и обладавшие несметными богатствами и политическим весом. Одной из них была невестка узбекского хана Мухаммада Шейбани, жена Мухаммада Тимура — Михр-Султан-ханум. Она учредила вакфное хозяйство и, согласно условиям вакфной грамоты, составленной от ее имени, стала распорядителем-мутавалли. Руководство женщиной-мутавалли большим, как это было в данном случае, хозяйством, ведение дел с широким кругом лиц, принимавших участие как в организации, так и в эксплуатации вакфа — редкое явление в жизни мусульманского общества. В вакфной грамоте перечислены восемь селений, около 200 земельных участков, лугов, стойбищ (яйлак), располагавшихся в разных областях и районах государства Шейбанидов. На территории Самарканда и в его пригородах размещались около 40 торгово-ремесленных заведений, мельницы, баня, склады, жилые дома, также переданные в вакф.

---

[137] Бабур-наме, с. 26.

[138] Гулбадан Бегим (Заҳириддин Бобирнинг қизи). Ҳумоюннома (Заҳириддин Бобирнинг ўғли — Ҳумоюн подшоҳнинг аҳволи). Форс тилидан ўзбек тилига таржима қилувчи Сабоҳат Азимжонова. Тошкент, 1959.

[139] ЦГА УзССР, ф. И-323, оп. 1, д. 494/2, 115/4; Вяткин В. Л. Вакуфный документ Ишратхана.— В сб.: Мавзолей Ишратхана. Ташкент, 1958, с. 126; См. также: Чехович О. Д., Вильданова А. Б. Вакф Субханкули-хана бухарского 1693 г.— В сб.: Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник, 1973. М., 1979, с. 230.

[140] Бахрие Учок. Женщины-правительницы в мусульманских государствах. Перевод с турецкого З. М. Буниятова. М., 1982.

Все это имущество передавалось, согласно условиям вакф-наме, на откуп крупным землевладельцам, те, в свою очередь, сдавали его в аренду крестьянам, мелким ремесленникам и лавочникам[141]. Михр-Султан-ханум осуществляла контроль над подбором служащих вакфного учреждения, составом преподавателей и студентов медресе.

Будучи мутавалли, Михр-Султан-ханум прилагала все усилия для того, чтобы сохранить за собой огромные богатства, захваченные при завоевании страны и доставшиеся ей после смерти Мухаммада Шейбани, и извлечь доходы из вакфного имущества. Надо полагать, она успешно справлялась с эксплуатацией городского и крестьянского податного населения, арендовывавшего земельные участки и торгово-ремесленные заведения, входившие в состав вакфа.

Богатство Михр-Султан-ханум давало ей возможность активно участвовать в политической жизни страны и после смерти Шейбани-хана и ее мужа Мухаммада Тимура. В 20-х годах XVI в. ею были отправлены послы ко двору Захириддина Бабура в Индию[142]. Этот факт позволяет считать, что Михр-Султан-ханум была фактической правительницей удельного владения.

Бадриддин Кашмири приводит сведения о правлении в Чарджоу супруги прежнего правителя города Сайида Хайдар-ходжи. Она возглавила оборону города от вторжения окруживших крепостные стены войск Абдулла-хана II. Позже она была вынуждена сдаться из-за измены одного из эмиров, сторонника бухарского хана[143].

В памятниках письменности упоминается еще одна женщина, игравшая важную роль в жизни среднеазиатского феодального общества. Согласно вакфной грамоте 868 г. х. (1463/1464 г.), учредителем вакфа в пользу гробницы Хованд-Султан-бегим, дочери Султан Абу-Сайида (1451—1469 гг.), была Хабиба-Султан-бегим, дочь эмира Джалалиддина Сухраба[144].

Видное место среди светских феодалов занимала жена Мухаммада Шейбани, царевна Могул-ханум. В повествовательных сочинениях она упоминается и как Айша-Султан. По словам Мухаммада Хайдара, после завоевания Ташкента Шейбани-хан вступил в брак с царевной Айша-Султан, известной как Могул-ханум[145]. О. Экаев, ссылаясь на автора «Алам ара-и Сефеви», называет ее Могамбелой[146]. Судя по сообщениям авторов этих про-

[141] Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений..., с. 26—27, 46—52.

[142] Бабур-наме, с. 400, 402, 407, 413; См. также: Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений..., с. 62—63.

[143] Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван..., л. 173 б—174 а.

[144] Вяткин В. Л. Вакуфный документ Ишратхана..., с. 126.

[145] Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди, л. 91 б—92 а.

[146] Экаев О. Туркменистан и туркмены в конце XV — первой половине XVI в. (По данным «Алам ара-и Сефеви»). Ашхабад, 1981, с. 44—45.

изведений, она сыграла решающую роль в поражении узбекских войск и гибели самого Мухаммада Шейбани.

Особенно велика была роль женщин в тех кругах населения, где еще были сильны обычаи кочевников. Правителя обширного улуса со столицей Ташкент Юнус-хана и его жену, упомянутую выше Исан-Даулат-бегим, подняли, по традиции, на белом войлоке и возвели тем самым в ханское достоинство. Этот обычай выполнялся и при возведении в ханы представителей династии Шейбанидов. Однако при описании процедуры избрания в ханы Абдулла-султана Бадриддин Кашмири ничего не говорит о его супруге. Четыре угла «тахта» с Абдулла-султаном подняли влиятельнейшие вельможи: великий эмир Кулбаба Кукалташ, Турдика-хан, Сайид Ходжа-накиб и Ходжа Са'ад[147].

В отдельных случаях женщины принимали участие в обороне родного города. Историк Мухаммад Хайдар описывает один из таких эпизодов. Бурундж-оглан, потомок известного дештикыпчакского хана Абулхайра (1428—1468 гг.), решил воспользоваться отсутствием упомянутого выше Юнус-хана, выехавшего на охоту, и напасть на его лагерь. Обнаружив отсутствие сил, которые могли бы оказать ему сопротивление, Бурундж-оглан занялся захватом ценностей, имущества и подсчетом награбленного. Между тем, расхрабрившиеся женщины бросились на воинов Бурундж-оглана, расправились с ними и взяли в плен врагов, засевших в домах. Захвачен был и приближенный Бурундж-оглана вместе с лошадью последнего, что помешало бегству выскочившего из дома Бурундж-оглана. Подоспевшему Юнус-хану, прослышавшему о нападении врага, оставалось лишь расправиться с взятыми в плен противниками, среди которых был и Бурундж. По приказу Юнус-хана ему отрубили голову и насадили ее на копье[148].

Перечисленные факты свидетельствуют о том, что хотя ислам налагал запрет на участие женщины в общественной жизни, женщины из высших слоев феодального общества в отдельных случаях играли в государстве большую роль.

Анализ материалов из письменных источников, касающихся положения женщин, позволяет уточнить отдельные сведения, имеющиеся в исследовательской литературе о махре.

Семейное и брачное право шариата сохраняло некоторые пережитки патриархально-родового быта. Одним из таких пережитков являлась обязанность жениха (его родителей или опекуна) при заключении брачного договора уплатить невесте махр.

---

[147] Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван..., л. 240 аб.

[148] См.: Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди. Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969, с. 199.

Размеры махра в зависимости от имущественного состояния жениха и его семьи могли быть разными. При этом махр становился собственностью невесты, а не ее семьи. Обычно махр делился на две части, не входившие в состав наследства в случае смерти мужа. Вдова имела право не допускать дележа наследственного имущества прежде, чем будет выделен ее махр. В этом отличие махра от калыма — выкупа, уплачивавшегося за невесту ее родителям или родственникам.

Махр в какой-то степени служил материальной поддержкой женщине в случае смерти мужа или необоснованного им развода, ибо махр, согласно брачному договору, становился собственностью невесты, а не новой ее семьи.

Следует отметить, что письменные сведения о махре, относящиеся к XVI в., пока единичны и относятся к женщинам лишь из зажиточных слоев населения. Богатейшие феодалы страны стремились договориться при заключении брачного соглашения о выделении в пользу их дочерей стороной жениха крупных земельных участков, разного вида недвижимостей, а в исключительных случаях даже селения с прилегающими районами.

В этом плане наше внимание вновь привлекают упомянутые выше серьги, заложенные жительницей Самарканда в счет полученных ею в долг денег. Относительно этих серег в казийском решении от 28 сентября 1590 г. говорится, что они были золотыми — тилла. В документе мы читаем: «Пара золотых сережек — халка-йи махр, каждая в три мискала». Надо полагать, пара золотых халка, упомянутых выше, были переданы женщине родственниками жениха в качестве подарка при заключении брачного договора и считались ее собственностью. В этом случае рассматриваемый текст можно перевести следующим образом: «Пара золотых халка, принадлежавших (данной особе) в качестве махра». Именно поэтому, как вещь, законно принадлежавшую ей, она могла отдать серьги под заклад, а судебное постановление подтвердило возможность этого поступка, отметив, что серьги были ее махром. Кстати отметим, что в литературе сообщается о многообразии самаркандских серег — халка, которые вывозились из Самарканда в Бухару, Ташкент, Коканд и Уратюбе. Как утверждается в этнографической литературе, халка считаются старинными бухарскими серьгами[149].

Некоторые специалисты рассматривают слова «махр» и «калым», как термины с одинаковым содержанием. В «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л. З. Будагов значение слова «махр» («мехр») объясняет как «калым, приданое или подарок, делаемый женихом невесте при замужестве»[150]. В «Арабско-рус-

[149] Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара..., с. 49.

[150] Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Спб., 1871, т. II, с. 270.

ском словаре» Х. К. Баранова одно из значений слова «махр» — «назначать приданое, калым»[151]. Приведенные сведения следует уточнить.

Махр был известен в Средней Азии с древнейших времен. Арабский путешественник и писатель Ибн Фадлан, посетивший волжских булгар, пишет: «Правила женитьбы у них такие: если один из них сватает у другого какую-либо из женщин его семьи, дочь или сестру его, или кого-либо из тех..., он одаряет его на столько-то и столько-то хорезмийских одежд... А иногда калымом (махр) бывают верблюды и лошади, или иное подобное»[152]. Приведенный отрывок из «Записок» Ибн Фадлана в переводе А. П. Ковалевского говорит о том, что махр и калым часто рассматривались как два слова одинакового содержания. Между тем сообщения письменных источников, в частности и XVI в., дают основание считать — суть махра в отличие от калыма сводилась к имущественному обеспечению жены, осуществлявшемуся при бракосочетании.

Тюркское слово «калым» означает «выкуп». Первоначально это был выкуп роду невесты, т. е. компенсация за потерю работницы и имущества, которое она унесла в род мужа. Сведения же из рассмотренных текстов показывают, что значение слова «махр» в Средней Азии изучаемого периода было несколько иное. Поэтому вряд ли даже для X века, о котором пишет Ибн Фадлан, будет правильным отождествление при переводе двух разных терминов.

Размер махра устанавливался с согласия обеих сторон при заключении брачного договора.

В двух цитированных выше документах о разделе имущества упоминается «двойной махр», т. е. «две части махра». По мнению Л. З. Будагова, махр делился на две части, «из коих одна — около 2/3 выдается тотчас при заключении брака и называется مهر معجل мехри-му'эджджель, поспешный; другая, называемая مهر موجل выдается или по смерти мужа или когда он разведется с нею без ее согласия; если же жена откажется от этой части, то может сама развестись с мужем, и в этом случае развод называется خلع хул', а в первом, т. е. развод только по воле мужа — طلاق (талак)»[153].

---

[151] Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. М., 1962, с. 982; См. также: Персидско-русский словарь. Под ред. Ю. А. Рубинчика. Т. II. М., 1970, с. 583; Г. М. Керимов. Шариат и его социальная сущность. М., 1978, с. 94—95.

[152] Извлечения из «Записок» Ибн Фадлана.— В сб.: Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.—Л., 1939, с. 159.

[153] Будагов Л. З. *Сравнительный словарь..., т. II*, с. 270.

Наличие обычая наделения жены двойным махром отмечено этнографами для XIX — начала XX в. По их мнению, предусматривались две формы махра: наличный (нақд), который жена получала при бракосочетании, и отложенный (нассийа), который передавался жене позже в случае смерти мужа или развода, если жена не считалась его виновницей. Согласно акту о наследстве Устада Тангри Берди, указанный в нем двойной махр жены покойного не входил в состав той части оставшегося после смерти мужа наследства, которое подлежало разделу. Как явствует из текстов наследственных актов, вдова получала махр до раздела имущества.

В рассмотренных выше двух казийских постановлениях о разделе наследственного имущества упомянутые в них вдовы — Тангри Берди и Муллы Науруза — кроме наследства получили и двойной махр.

Конечно, лишь незначительное число людей было в состоянии выделить невесте богатый махр: участок земли или сад, доход с аренды жилого дома, дукана или мельницы и т. п. В большинстве случаев махр, скорее всего, состоял из предметов женской одежды и домашнего обихода, как это практиковалось и вплоть до XX в. В этих случаях после смерти мужа или необоснованного им развода, сравнительно легко могла быть выделена из общего имущества часть вещей, являвшихся махром. Подобный пример приводится в одном из писем, цитированных Бадриддином Кашмири[154]. В совместной же жизни эти предметы могли использоваться обоими супругами.

В тех случаях, когда махр представлял недвижимое имущество, доходами с него, вероятнее всего, распоряжался муж. У жены мог храниться лишь документ на принадлежность махра, что подтверждено историко-этнографическими исследованиями[155].

Следует отметить, что порядок выдачи махра женщине иногда нарушался. Встречаются документы, оформленные казием в связи с передачей махра мужем его бывшей жене спустя несколько лет после развода. Вполне возможно, что в отдельных случаях женщина после развода вынуждена была уйти из дома мужа, не получив принадлежащего ей махра и в дальнейшем не могла уже его вытребовать.

Отдельные исследователи считают, что наличие махра и право распоряжения им женой существенно отличают мусульманское законодательство от западноевропейского, по которому приданым жены полностью распоряжался муж. В некоторых странах Западной Европы и в России оно сохранялось вплоть до начала

---

[154] Бадриддин Кашмири. Раузат-ар ризван..., с. 176 а.

[155] Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках (курс лекций). Л., 1966, с. 176—177; Кисляков Н. А. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1977, с. 11.

XX в. Исходя из этого, И. П. Петрушевский отмечает, что существует односторонний взгляд на положение женщины-мусульманки. По его мнению, «...женщина в мусульманских странах Востока была неравноправна с мужчиной и зависела от него (от отца или мужа). Но ведь в таком же положении находилась женщина и в христианских странах, где не было многоженства и затворничества женщин. Зато в мусульманских странах имущественные и бытовые права жены ограждались так, как они никогда не ограждались в странах Запада»[156].

Односторонний взгляд и неверное представление западных исследователей о положении женщин в мусульманских странах пытается опровергнуть Бахрие Учок. Ее книга «Женщины-правительницы в мусульманских государствах» повествует об участии женщин в управлении государством, в том числе и в Средней Азии[157]. В разделе «От переводчика» и в «Послесловии редактора» З. М. Буниятов и М. С. Мейер отметили недостаточную разработанность и отсутствие серьезных обобщающих работ о роли женщин в истории мусульманских народов. Ими же отмечены положительные стороны и недостатки работы Бахрие Учок, в целом представляющей значительный интерес содержанием фактического материала.

Материалы о разделе имущества после смерти их владельца, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют составить далеко не полное представление о канонических положениях семейного наследственного права. По мнению некоторых специалистов, эти права «можно рассматривать как составляющие единый фонд, общий для всех народов, соблюдающих предначертания ислама»[158].

Особый интерес для нас представляют материалы о женщинах-труженицах. Перед нами стоит задача дальнейшего выявления материалов о положении и роли трудовой женщины в жизни общества в период феодализма. Некоторые сведения о них были рассмотрены нами выше.

Купцы и мелкие торговцы

Социально-имущественное расслоение городского населения прослеживается и на торговых людях, игравших большую роль в жизни города. В крупных городах Средней Азии в отношении потребления предметов первой необходимости — пищи, одежды,

---

[156] Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках, с. 177.

[157] Бахрие Учок. Женщины-правительницы в мусульманских государствах, с. 10, 11, 15 и др.

[158] Шарль Р. Мусульманское право. Перевод с французского. Под редакцией и с предисловием Е. А. Беляева. М., 1959, с. 11—12; Кисляков Н. А. Наследование и раздел имущества..., с. 11.

обуви и т. д.— горожане находились в большой зависимости от рынка. Города с наиболее развитым ремеслом и торговлей (такие, как Самарканд и Бухара) выделяются как «регион наиболее развитого денежного обращения и товарного хозяйства»[159].

Города Средней Азии экономически были тесно связаны между собой. Караванные дороги соединяли среднеазиатские города с центрами современного Афганистана, Индии, Ирана, присырдарьинскими городами на севере, кочевниками Казахских степей, с Сибирью[160].

В XV — начале XVI в. поддерживались торговые сношения с Казанью, Астраханью, с ногайскими князьями (особенно оживленными они были в первые три четверти XVI в.)[161].

Начиная со второй половины XVI столетия крепнут торгово-дипломатические связи с Россией. Вместе с посланником королевы Елизаветы и агентом торговой компании Антонием Дженкинсоном, которому удалось приобрести расположение Ивана Грозного и проехать в Среднюю Азию, в 1559 г. в Москву прибыли посольства из Бухары, Ургенча и Балха. Эти события положили начало осуществлению сначала более редких, а позже постоянных сношений между Средней Азией и Россией, хотя своими корнями они уходят в глубь веков.

Среднеазиатские купцы вели посредническую торговлю с рядом стран, в том числе с Китаем. Транзитная караванная дорога, соединявшая Китай с западными странами и проходившая через Фергану, а отдельной веткой — через Ташкент, служила купцам и на рубеже XV—XVI вв. Историк Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани говорит о дороге из Андижана в Китай через город Ясу в Туркестан, которая, по его словам, есть «северная область окраины узбекских владений и конец путей из Андижана к границам Китая»[162].

Один из караванов, возвращавшихся с товарами из Китая в Среднюю Азию в конце XV в., упоминается в мемуарах Султана Бабура. Из-за обилия выпавшего снега все члены торгового каравана погибли у подошвы горы к востоку от Андижана. Спаслись только двое. Судя по тому, что наследники погибших отыскались в Самарканде и Хорасане, большинство купцов этого каравана были из указанных местностей.

---

[159] Давидович Е. А. История денежного обращения средневековой Средней Азии, с. 9—10; Она же. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений..., с. 35.

[160] Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI—XIX вв. Ташкент, 1983.

[161] Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Соч., т. IX. М., 1977, с. 368.

[162] Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. Михман-наме-йи Бухара, с. 141.

Упомянутый караван состоял из одной тысячи человек. Это число в какой-то степени свидетельствует об объеме торговли, которая велась с Китаем в эти годы.

Среднеазиатские правители имели большие доходы с транзитной торговли и потому старались обеспечить безопасность купцов. Правитель Ферганы Омар Шейх, ко времени правления которого относится гибель упомянутого каравана, «послал сборщиков и задержал все товары каравана. Хотя наследников налицо не было, Омар Шейх мирза сберег товары, несмотря на то, что сам нуждался. Год или два спустя он вызвал наследников из Самарканда и вручил им их товары в целости»[163].

В годы феодальных смут и войн передвижение караванов становилось крайне затруднительным, поэтому лица, заинтересованные в транзитной торговле, обычно выступали сторонниками централизованной власти. Однако, начиная с XVI в. из-за ряда причин торговые связи с Китаем значительно ослабели, хотя и не прервались полностью. Дженкинсон, будучи в Бухаре (зима 1558—1559 г.), убедился в упадке торговли между Бухарой и Китаем, о чем сообщает в своем дневнике.

Выявлению торговых связей среднеазиатских городов способствует упоминание в памятниках письменности импортных товаров. Так, описывая праздник, устроенный в Бухаре по поводу обрезания сына Абдулла-хана II Абдулмумина, Бадриддин Кашмири сообщает о приказе хана разукрасить улицы и базары города от Арка до Чахарбага на площади размером фарсах на фарсах (фарсах — около 7 км) златотканными тканями из Египта, Халеба (Алеппо), Фаранга (Европа), Ирака, Рума (Турция) и Чина (Китай).

Среднеазиатские ткачи выделывали разнообразные виды ткани — продукцию ведущей отрасли ремесленного производства. Отдельные ее виды доставлялись и из других стран. Славились, например, индийская кисея, шерстяные кашмирские шали, оценивавшиеся гораздо дороже простых шалей[164]. В города Средней Азии доставлялись молитвенные коврики и особые полотенца из Мекки, ароматические средства с Дальнего Востока и Тибета[165].

Во всех крупных городах Средней Азии размещались караван-сараи, которые были средоточием приезжих купцов, местом сделок и хранения товаров. Как информирует Бадриддин Кашмири, в некоторых караван-сараях Бухары для осуществления коммерческих операций собирались соудагары (торговцы) и туджары (купцы) из Ирана и арабских стран, со всего мира[166]. В сочине-

---

[163] Бабур-наме, с. 17.

[164] Алишер Навои. Возлюбленный сердец, с. 32.

[165] Продавец мускуса — мушкфуруш — упоминается в документе на продажу караван-сарая в Бухаре (Из архива шейхов Джуйбари, док. 3).

[166] Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван..., л. 294 аб.

ниях упоминается несколько крупных специализированных караван-сараев в Самарканде и Ташкенте. В некоторых из них размещались, обычно группируясь в зависимости от вероисповедания и национальной принадлежности, иноземные купцы. В Ташкенте и Бухаре, например, располагались караван-сараи индусов, а по более поздним данным, татар (ногаев), ургенчцев, торговцев из Карши. Для приезжих бухарцев имелись караван-сараи в Астрахани и других городах, особое место для торговли таджиков было отведено в Казани. В одном из караван-сараев Исфахана, как повествует Мехди Кейвани, останавливались самаркандские купцы, которые вели торговлю каракулевыми шкурками, бумагой, парфюмерными товарами. По информации того же автора, Исфахан посещало значительное число татарских и бухарских купцов[167].

Приезжие купцы обычно располагались в худжрах караван-сарая на верхнем этаже (большие караван-сараи были двухэтажными). Верблюдов и лошадей оставляли в специальных заведениях вне города. Крупные же караван-сараи могли иметь конюшни во внутреннем дворе. Например, в числе помещений караван-сарая Саррафан (Менял) в Бухаре, расположенного на базаре квартала Мечети Магак близ Пул-и Саррафан (Моста Менял), были пристройки и для вьючных животных[168].

Участники международной торговли — туджары — составляли особую группу, своеобразное сословие, выделявшееся среди мелких торговцев и ремесленников своими правами и возможностями. Однако, несмотря на сравнительно привилегированное положение, значительная их часть подвергалась разнообразным сборам и находилась в зависимости от хана.

«Купцы благодаря своему ремеслу, путешествиям,— повествует Алишер Навои,— представление о стране и городах имеют, об удивительных вещах и диковинных событиях рассказывать умеют»[169]. Купцы были знакомы с обычаями народов тех стран, которые они посещали, в большинстве случаев знали язык, на котором говорили народности тех областей, и, конечно же, были осведомлены в спросе и ценах на товары. В своем последнем произведении «Махбуб ал-кулуб», написанном в 906 г. х. (1500—1501 г.), Навои назвал туджаров странствующими купцами, мужчинами, воинами армии в отличие от городских перекупщиков, которых в насмешку окрестил домохозяйками, женами.

Как подметил поэт, часть богатых купцов чванилась своим имуществом и деньгами, окружала себя большой свитой и множеством слуг[170]. В их честь за большое вознаграждение сочиня-

[167] Mehdi Keyvani. Artisans and Guild Life..., p. 237.
[168] Из архива шейхов Джуйбари, док. 1, 2.
[169] Алишер Навои. Возлюбленный сердец, с. 31.
[170] Алишер Навои. Возлюбленный сердец, с. 31—32; Он же. Махбуб ал-кулуб, с. 43.

лись специальные «купеческие бейты»[171]. Другая часть купцов впадала в иную крайность — копила деньги, экономя на питании и одежде. Порой богатый купец внешне походил на рядового жителя.

Закят — налог, который взимался с мусульман (с товаров, торговых прибылей, наличных денег и драгоценностей),— купцы старались не вносить в казну, хотя и должны были, как отмечает Навои, его «своевременно вручать»[172]. Также уклонялись они и от платы торговой пошлины — тамга[173]. Некоторые купцы вели торговлю на льготных условиях, предоставленных им правительственной грамотой. Определенную часть доходов они вынуждены были уступать феодальному правителю, от имени которого составлялся указ о предоставлении льгот.

Процветание купцов, однако, в большинстве случаев было временным, так как международная торговля во многом зависела от безопасности дорог и устойчивости государственной власти. Совершая путешествие в дальние страны в составе торгового каравана, купцы с большими трудностями преодолевали степи, горы, моря и реки, подвергались нападениям «дорожных бандитов» (Бадриддин Кашмири). Сочинения тех лет и дневники путешественников (Сейди Али Раиса, Антония Дженкинсона и других) содержат обширный материал о людях, избравших своим ремеслом ограбление торговых караванов.

Среди купцов особое положение занимали торговцы, наделенные тарханными грамотами, согласно которым они освобождались от части или всех торговых сборов. Тарханных купцов, освобожденных от государственных налогов и имевших ряд других привилегий, было небольшое количество. Грамоты о наделении купцов тарханными привилегиями и формуляры для их составления приводятся в сборнике «Мактубат ва аснад»[174].

Те, кто был занят торговлей и разного рода торговыми операциями, не представляли единого целого. Они состояли из отличавшихся друг от друга в имущественном и, в какой-то мере, правовом отношениях групп торговых людей.

Различные группы торговцев постоянно конкурировали между собой. Нами уже было отмечено наличие острых противоречий между отдельными группировками торговых людей при наличии общих экономических и классовых интересов[175]. Особенно тяжело приходилось мелким торговцам и ремесленникам, часть которых сама сбывала свои изделия.

---

[171] Болдырев А. Н. Зайнаддин Васифи..., с. 102, 247.
[172] Алишер Навои. Возлюбленный сердец, с. 31.
[173] Алишер Навои. Махбуб ал-кулуб, с. 42; Он же. Возлюбленный сердец, с. 31.
[174] Мактубат ва аснад, л. 77 б, 170 б, 171 б.
[175] Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла..., с. 212—214.

Торговые лавки — дуканы.— Миниатюры к произведениям Алишера Навои. Ташкент, 1982.

Лиц, принимавших участие в торговле, Навои делит на три группы: купцов (تجارلار), городских перекупщиков (شهر دا الیب ساتقوچی لار), рыночных торговцев (سودا گر لار). Последние характеризуются писателем как «безбожные плуты, лживые наглецы». «Вещь, которая стоит один динар, продавать за сто — это гордость их, покупать за сто то, что стоит тысячу,— это предел мечтаний их»[176].

При малейшей возможности торговцы поднимали цены на товары, что упоминается в сочинениях современников. В трудные, полные лишения годы народ нередко выступал против тех, кто завышал цены на хлеб.

В 1501 г. в Самарканде в результате продолжительной осады начался голод. Писатели, бывшие свидетелями этих событий, отразили их в своих произведениях. Автор стихотворной хроники «Фатх-наме» поэт Мулла Шади пишет: «Ноги верблюдов оставляли следы, напоминающие хлебные лепешки. Люди думали, что это хлеб, бежали и умирали на том месте». Бедняки жевали кожу, служившую для раскатывания теста и вместо молитвы шептали «хлеб». В городе не хватало питьевой воды. По ночам горожане толпами выходили за городские стены и набирали фрукты в окрестных садах, похищали лошадей и верблюдов у осаждавших, жестоко расправлявшихся с участниками этих вылазок. Захириддин Бабур, свидетель голода в городе, пишет: «Настала уже пора созревания хлебов, однако никто не привозил нового хлеба. Дни осады продлились, и люди терпели большие лишения; дошло до того, что бедные и нуждающиеся стали есть собачье и ослиное мясо». Многие пухли от голода. В то же время амбары богачей были наполнены продуктами. Пользуясь создавшимся положением, торговцы невероятно повысили цены на хлеб. А это привело к тому, что голодные люди бросились грабить хлебные лавки.

«Каждый бросался на лавку. Их отгоняли от пищи палками, как мух»[177]. Дело кончилось тем, что по решению правителей города бедные и нищие были изгнаны из Самарканда[178].

В условиях почти постоянных войн торговцы в целях безопасности и более успешной реализации товаров вынуждены были передвигаться вместе с войсками. Во время стоянок и осады они проникали в лагерь противника. Захириддин Бабур, пытавшийся завладеть Самаркандом и остановившийся в местности Хан-Юрти

---

[176] Алишер Навои. Возлюбленный сердец, с. 31; Он же. Махбуб алкулуб, с. 41—43.

[177] Мулла Шади. Фатх-наме, с. 431, 434; Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, с. 61; Бабур-наме, с. 109.

[178] Подробнее см.: Мукминова Р. Г. Народные движения в Узбекистане в 1499—1501 годах.— Известия АН УзССР, 1950, № 1.

к востоку от Самарканда, писал о тех днях так: «Когда мы были в этом Юрте, из Самарканда приходило столько горожан и торговцев, что стан превратился в город. Все, чего только ни ищут в городах, можно было найти в стане»[179]. Нужда ополченцев в одежде, вооружении и пище была такова, что в целях их приобретения забывалась вражда между воинами и рядовыми горожанами, которые, собственно, участвовали в военных действиях по принуждению (если дело не касалось обороны родного города). Военачальники были заинтересованы в ведении торговли в лагере и обеспечении ополченцев необходимыми товарами, поэтому однажды, когда «лагерь превратился в базар» и всех торговцев разграбили, немедленно был издан приказ вернуть все награбленное[180].

Подобная форма реализации товаров ограничивала возможности торговцев: в результате разные группы людей, имевшие отношение к торговле, в основном выступали за объединение страны и усиление ханской власти.

Практиковалась сдача денег в оборот. Зажиточные люди передавали свои деньги тем, кто путем торговых или иного рода операций мог приумножить их. При этом передача и прием денег оформлялись письменно в канцелярии казия. В договоре указывалась дата сдачи денег в оборот, имена договаривающихся, сумма предоставлявшихся оборотных денег, доли дохода того, кто предоставлял деньги, и того, кто должен был использовать их.

Участниками торговых и ростовщических операций становились узбекские ханы, султаны, эмиры и беки. Нисари, например, сообщает: «Мираки Чини — из важных купцов Бухары. В результате общения его с султанами четыре тысячи его тангэ застряли за ханом»[181].

Крупные купцы и торговцы пользовались также капиталами богатых горожан, увеличивая тем самым их и свои богатства.

Возить с собой крупные суммы денег было опасно. Поэтому практиковалось осуществление крупных торговых операций при помощи чеков. Денежный документ — чек — мог быть приобретен в одном городе с условием выдачи чекодержателю указанную в чеке денежную сумму в другом. Подобный прием торговых операций путем передачи через достойных доверия лиц денежной суммы с условием получения ее в другом месте практиковался в крупных городах Востока и в более ранние столетия[182].

---

[179] Бабур-наме, с. 54, 313.

[180] Бабур-наме, с. 54.

[181] Болдырев А. Н. Зайнаддин Васифи..., с. 276.

[182] Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П. и др. История Ирана..., с. 139; Негматов Н. Н. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX—X вв.). Душанбе, 1977, с. 87; Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии..., с. 295—296.

В. В. Бартольд и И. П. Петрушевский отметили наличие в мусульманских странах торговых товариществ, вступавших в связь между собой.

«Несмотря на отсутствие в то время крупных учреждений современного типа, по выдаваемому в одном месте документу можно было получать деньги в другом городе, находившемся под властью другого правительства». По мнению Бартольда В. В., вследствие преобладания среди торговцев иранцев таджикско-персидское слово «чек» именно в этой, персидской форме, а не в арабской — صك получило большое распространение и перешло потом в Западную Европу и широко использовалось в коммерческом мире[183].

Осуществлению торговых операций в разных городах помогали саррафы — менялы, обменивавшие иностранные деньги на местные, имевшие хождение в данном регионе, и выдававшие деньги по чекам, предоставленным купцам в других городах и странах.

Менял в Бухаре и Самарканде, судя по тому, что в документах сравнительно часто упоминаются имена с определением профессии их владельца — сарраф,— было немало. Один из них называется, например, в казийском решении о предоставлении свободы рабу. 8 джумада II 998 г. х. (14 апреля 1590 г.) Ходжа Касим Сарраф, сын господина Мавлана Мухаммада, предоставил свободу 50-летнему рабу по имени Тангри Берди[184].

А. А. Семенов зафиксировал наличие специальных медных чаш, использовавшихся для хранения денег и размещавшихся на прилавках менял. Большие чаши предназначались для медных и серебряных монет, в малых саррафы держали золотые монеты[185].

Саррафы занимались и ростовщичеством[186]. О значительной роли саррафов в общественно-экономической жизни Бухары, особенно после того, как она стала столицей государства, говорит наличие в городе торгового перекрестка Чахарсук-и саррафан, построенного во второй половине XVI в. (он располагался на улице Саррафан, за пределами крепостной стены), караван-сарая Саррафан, улицы Мечети Сарраф-хана, моста менял — Пул-и Саррафан, бани Саррафан, сконцентрированных в одном месте, в центре города, недалеко от торгового пассажа Заргаран, по-

[183] Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч., т. V. М., 1968. с. 110; Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П. и др. История Ирана..., с. 139.

[184] Маджму'а-йи васаик. л. 41 б, док. 126.

[185] Семенов А. А. Некоторые материалы по персидско-таджикской эпиграфике бытового характера XVI—XX в.— Памяти Александра Александровича Семенова. Сб. статей по истории, археологии, этнографии и искусству Средней Азии. Душанбе, 1980, с. 15.

[186] Давидович Е. А. Материалы для характеристики..., с. 43.

строенного при Абдулла-хане II. Здесь же в квартале Саррафан проживали и сами саррафы. «Дом саррафов» — Сарраф-хана — упоминается в произведении Бадриддина Кашмири. Дом этот, как отмечается в одной из грамот, был «известен и знаменит»[187].

Через купцов, путешествующих с торговыми караванами, саррафы поддерживали связь со своими представителями в других городах. Они, как это видно из эпизода, описанного в «Бадаи' ал-вакаи'», могли возглавлять караван. При наступлении шаха Исмаила Сефеви, когда начались гонения и преследования суннитов, Зайниддин Васифи, как он сам отмечает, по счастливой случайности попал в состав отбывающего из Герата в Мавераннахр каравана. Три человека из состава выезжавших, уже получивших пропуск на выезд, вынуждены были отложить поездку. На место одного из них начальники каравана — Ходжа Ихтиар и Ходжа Мухаммад Сарраф, который был из знатных и вельможных людей Хорасана, включили Зайниддина Васифи[188]. В пути Ходжа Мухаммад Сарраф устроил пир. Васифи посвятил ему оду и получил за нее чекмень красного сукна с вышивкой и приличествующий халат.

Из этого текста мы узнаем и о том, что для выезда из крупного города необходимо было получить особое разрешение и что при этом имена отправлявшихся с караваном лиц вносились в особый список.

Активное участие в торговых операциях принимало духовенство. Караваны, снаряженные приказчиками Ходжи Ахрара, к примеру, поставляли среднеазиатские товары за пределы государства Тимуридов. В письмах, адресованных Алишеру Навои, Ходжа Ахрар сообщает об отправке на юг через Амударью нескольких вьюков самаркандской бумаги, кунджута, риса и хлопка[189]. Бадриддин Кашмири приводит сведения об участии в международной торговле джуйбарского шейха Ходжи Ислама, имя которого, по его словам, было известно даже в Москве. В область русских («вилайет-и рус») для осуществления торговых операций был отправлен шейхом Маулана Ходжа Мухаммад, которому по приезду, поскольку он не знал русского языка, был предоставлен переводчик. Русский господин, узнав, что Ходжа Мухаммад отправлен джуйбарским шейхом, якобы, проявил к нему большое внимание и по завершении торговой миссии передал через него

---

[187] Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван..., л. 63 б; Из архива шейхов Джуйбари, док. 1, 2; Джураева Г. А. Вакфный документ в пользу медресе Абдулла-хана II.— В сб.: Древний и средневековый Восток. История, филология. М., 1983, с. 163—164.

[188] Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I, с. 19.

[189] Набиев Р. Н. Из истории политико-экономической жизни Мавераннахра XV в. (Заметки о Ходже-Ахраре).— В сб.: Великий узбекский поэт. Ташкент, 1948, с. 38.

соответствующие подарки[190]. Этот факт остался неизвестным П. П. Иванову, исследования которого основаны на изучении большого количества письменных источников. Он писал: «В. Л. Вяткин... утверждает, что «ходжа Ислам занимался и торговлей. Его караваны ходили даже в Москву». В доступных нам источниках этих сведений не встречается»[191].

Основываясь на сообщении Бадриддина Кашмири, чье сочинение стало использоваться исследователями лишь в последние десятилетия, М. А. Абдураимов отметил: «при Ходже Исламе торговые караваны их ездили в русские города, в том числе и в Москву»[192].

В роли купцов выступали и упомянутые выше духовные феодалы Ферганы — потомки Сайида. Указом от 987 г. х. (1579—1580 гг.) правитель Ташкента Абулхайр-хан распорядился не взимать с товаров мутавалли Сайида Али, отправленных из Ахсикета в Андижан, дорожную пошлину бадж[193].

Активно участвовал в торговле и сам Абдулла-хан II. Ему принадлежало большое число караван-сараев, тимов и дуканов. По его распоряжению был снаряжен караван в Москву, который по возвращении привез кроме других товаров и европейские доспехи (фаранги).

Определенная роль в торговых операциях принадлежала и местным правителям. Узбекские султаны, правившие Ташкентом и подвластными ему областями и городами, в первые три четверти XVI в. держали под контролем торговые пути через Ахси, Андижан, Наманган, Сайрам и другие города.

Имея огромные доходы от торговли, ханы и султаны покровительствовали купеческому сословию, хотя с целью наживы в любой момент могли и конфисковать их имущество.

В страну привлекались иностранные купцы, которые также приносили хану и феодальной знати значительные доходы. Их деятельность способствовала расширению экономических и культурных связей, благоприятно отражалась на развитии отдельных промыслов. По словам Мирзы Бади-дивана, купцы-кяфиры «есть покровительствуемые подданные», с них взимают сборы[194].

Все сказанное свидетельствует о большой роли купцов в экономической жизни крупных городов Средней Азии рассматриваемого времени.

---

[190] Бадриддин Кашмири. Раузат ар-риэван..., л. 90 а.

[191] Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов..., с. 53, прим. 6.

[192] Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве..., т. II, с. 239.

[193] Хужжатлар, док. 110/85.

[194] Мирза Бади'-диван. Маджма' ал-аркам. (Предписания фиска). (Приемы документации в Бухаре XVIII в.). Факсимиле рукописи. Введение, перевод, примеч. и приложения А. Б. Вильдановой. М., 1981, с. 53.

Рабы

В числе горожан были рабы. В феодальном обществе Средней Азии XV—XVI вв. рабы занимали самую низшую социальную ступень. В количественном отношении они составляли незначительную часть населения, в основном выполняя в богатых семьях роль слуг и служанок. В крупных феодальных хозяйствах их труд использовался в садоводстве, ирригационных работах, скотоводстве. В числе рабов были и ремесленники. Как видно из данных письменных источников, почти все рабы были чужеземцами, порой из дальних стран. В описи наследственного имущества Тангри Берди числится раб-негр; один из рабов называется гебром — зороастрийцем (огнепоклонником)[195].

Под пленниками войны обычно подразумевались и военнопленные, и мирное население побежденных стран. Хотя пленные-асир, как отметил И. П. Петрушевский, юридически не считались рабами, положение их можно считать переходной ступенью к рабству[196].

Обращение свободного человека в раба часто сопровождалось изменением его собственного имени. Наделяя невольника новым именем, владелец вкладывал в него свое желание добиться богатства и процветания эксплуатацией раба. Поэтому среди невольников были распространены такие имена, как Давлат — Богатство, Бой келди или Давлат Келди — Богатство прибыло, Тангри Берди — Бог Дал, Хуш Кадам — Несущий счастье, Карим Берди — Посланный Всемилостивым и т. д. Порой новые имена рабов отражали черты их внешности: Черноглазый, Чернобровая, Светловолосая, Беленькая.

Неработоспособному старому рабу хозяин обычно предоставлял свободу, т. е. просто выгонял его из дома. Раб также мог освободиться, заплатив хозяину выкуп. В любом случае акт объявления раба свободным оформлялся в канцелярии казия. В судебном решении указывалось происхождение и внешние данные невольника. Например, документ, составленный в Самарканде 27 сентября 1590 г., информирует об освобождении здорового раба, выше среднего роста, желтолицего, черноглазого, с несоединенными бровями, приблизительно тридцати лет, индуса по имени Хуш Ёр. Далее сообщается, что освобождение предоставля-

---

[195] Существует мнение, что было несколько последовательных выселений гебров из Ирана в Индию. В горных замках Ирана они жили еще и в XI—XII вв. (Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках, с. 36).

[196] Петрушевский И. П. К истории рабства в халифате VIII—X веков.— Народы Азии и Африки. М., 1971, № 3, с. 60—71; Он же. Применение рабского труда в Иране и сопредельных странах в позднее средневековье. (Доклад на XXV международном конгрессе востоковедов); Давидович Е. А. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений..., с. 39—40.

ется за 147 серебряных танга и что отныне упомянутого Хуш Ёра запрещается продавать и передавать по наследству[197].

За хозяином, предоставившим свободу рабу, сохранялось право опекуна. Дальнейшая жизнь раба, ставшего свободным, могла быть сопряжена с большими трудностями. Самаркандский документ 1590 г. повествует об освобождении двух рабов — мужа и жены, попавших в кабалу к другому хозяину. Согласно документу, по первому требованию Муллы Пайанда они должны были выплатить ему сумму в размере 130 танга ханских и выполнять в течение года все его поручения при условии, что он будет их кормить и одевать. Еще один документ, оформленный в кази-хане в 1585 г., зафиксировал «законную продажу» раба. В действительности же, как выявляется из содержания данного акта, была осуществлена передача его другому владельцу в счет полученной ранее в долг денежной суммы.

Рабов продавали и покупали на невольничьих рынках. Работорговцы составляли особую группу купцов. В перечень вывозимых из Ташкента товаров (первая половина XVII в.) Махмуд ибн Вали включает и рабов[198].

Жизнь рабов была чрезвычайно тяжелой. По существу и убийство раба оставалось безнаказанным. Зайниддин Васифи описывает следующий эпизод, характеризующий юридическое положение невольников. Некий Гиясиддин, проникнув в чужой дом, издевается над служанкой, а когда на ее крики прибегает муж, он убивает его и пытается возместить ущерб, нанесенный дому, вознаградив владельца покойного раба двумястами ханских танга. Однако тот «великодушно» прощает его, считая, что неверующий раб (герб, зороастрийец) «понес заслуженное наказание»[199].

По свидетельству Ф. С. Ефремова, захваченного в плен в 1774 г. и проданного в рабство, в Бухаре рабы надевали зимой старый поношенный чекмень и обувь из сыромятной кожи, питались пищей из муки джугары и проса[200].

Рабы могли быть пожертвованы вместе с имуществом в вакф. В вакфном хозяйстве они использовались чаще для обработки земель и садов. Некоторые из них пасли скот; были и рабы-охотники[201].

В зависимости от того, был ли раб захвачен его владельцем на войне, куплен за деньги, родился ли в доме хозяина и т. д.,

---

[197] Маджму'а-йи васаик, л. 44, док. 141.

[198] Махмуд ибн Вали. Море тайн..., с. 57.

[199] Зайн ад-дин Васифи. Бадаи'и ал-вакаи', т. II, с. 1043—1046.

[200] Ефремов Ф. Странствования Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухаре, Хиве, Персии, Тибете и Индии, возвращение его оттуда через Англию в Россию. Казань, 1811, с. 48, 61.

[201] Бабур-наме, с. 167; Вяткин В. Л. Вакуфный документ Ишратхана..., с. 131.

невольники подразделялись на разные группы. Те, кто родился в доме хозяина, не могли быть проданы[202].

Значительное число рабов использовалось в строительном деле.

В начале XVI столетия были построены два самаркандских медресе, известные как медресе Шейбани-хана и его невестки — Михр-Султан-ханум; к концу XV—XVI в. относится сооружение в Ташкенте медресе Кукалташ и Барак-хана, красивейшего здания тех столетий, мечети и медресе Ходжи Ахрара, гробницы Юнус-хана и др. Колоссальные богатства джуйбарских шейхов и завоевания Абдулла-хана II позволили им организовать строительство в разных районах Бухары караван-сараев (в одном из них, по словам Бадриддина Кашмири, собирались купцы из многих отдаленных стран), тимов, чахарсуков (например Чахарсук-и саррафан), медресе и мечетей, 11 бань (бани приносили доход путем предоставления их в аренду), и все это, как отмечает современник тех событий, строилось из жженого кирпича. Мухандисан, меъмаран, таррахан, диварзан, наккашан—лишь часть специалистов, упоминавшихся при описании этих построек. Например, говорится об одном из зодчих, который в 1531 г. по заданию ташкентского правителя Кельди Мухаммада возвел великолепное здание (из текста неясно, какое). В числе строителей называются и рабы. Автор «Матлаб ат-талибин» сообщает о 40 рабах джуйбарского шейха[203], бывших специалистами по орнаментальной отделке. Бадриддин Кашмири упоминает о четырех каменотесах — сангтарашан,— присланных из Индии. Знаменитый мастер Яр Мухаммад был насильно привезен в Бухару после захвата Герата Абдулла-ханом[204]. Подобные люди вливались в ряды горожан, пополняя число ремесленников.

Проведение оросительных каналов, одно перечисление которых занимает в «Раузат ар-ризван» несколько рукописных страниц, разбивка садов и посадка лимонов, хурмы, чилонджиды и других деревьев — все это требовало значительного числа квалифицированных мастеров разных специальностей. Среди них были и рабы.

Из населения захваченных стран узбекские султаны прежде всего уводили тех, кто владел специальностью. Вместе с тем практиковалось и массовое переселение жителей покоренных областей. Захватив Мерв, Абдулла-хан II многих жителей переселил в Бухару, а после завоевания Ташкента большое число лю-

---

[202] Файзиев Т. Использование рабов в феодальной Бухаре в XVI—XIX вв. Автореф. канд. дисс.... Ташкент, 1968; Он же. Бухоро хонлигида қул савдоси. Тошкент, 1970.

[203] Матлаб ат-талибин. Рук. ИВ АН УзССР, инв. № 80, л. 116 б—117 а; Файзиев Т. Бухоро хонлигида қул савдоси, с. 34.

[204] Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван..., л. 261 а, 273 а.

дей было переправлено по его приказу через Сырдарью в Мавераннахр. Несколько раньше из Хорезма в Бухару были переселены жители по приказу Султана Махмуда, брата Шейбани-хана; переселения людей практиковал и сам Шейбани-хан. Этой мерой феодальный правитель достигал ослабления городов, оказавших ему сопротивление и соперничавших в торговле с его столицей, и увеличения числа трудового населения, особенно квалифицированных работников, в подвластных ему землях. Известный сановник Аштарханида Абдулазиз-хана (1645—1680 гг.) Яланғтуш-бий при строительстве самаркандских медресе Шир-дор и Тилля-кори использовал труд рабов, которых, будто бы, было около трех тысяч. Приведенные примеры, однако, не дают основания говорить, как это отметил в свое время П. П. Иванов, о наличии в Средней Азии в рассматриваемое время рабовладельческой формации[205].

---

[205] Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958, с. 71.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феодальный город конца XV—XVI в., средоточие культурной и политической жизни страны, являлся центром ремесла и торговли, тесно связанных с сельским хозяйством области.

Во главе городского населения — ремесленников, мелких лавочников, купцов, государственных чиновников и военачальников — стояли влиятельнейшие светские и духовные феодалы. Они руководили ремесленными объединениями, проводя свою политику через цеховых глав.

С середины XVI в. значительно возросло влияние на государственные дела джуйбарских шейхов, одержавших победу над другими духовными феодалами в борьбе за господство в стране. Будучи крупнейшими землевладельцами, они скупили многие торгово-ремесленные заведения (особенно в Бухаре), обеспечили право беспошлинного провоза товаров и превратились в богатейших купцов.

Исследователями установлено, что в руки некоторых светских феодалов в виде вакфов переходили целые районы. Нередко распорядителями — мутавалли — небольшого вакфного хозяйства назначался имам мечети. Мутавалли огромных вакфных имуществ, пожертвованных невесткой Шейбани-хана, Абдулла-ханом II, Кулбабой Кукалташем и другими земельными магнатами, становились в большинстве случаев сами учредители вакфа, официально не принадлежавшие к духовному сословию, т. е. мутавалли могли быть и светские лица, в отдельных случаях — женщины. Все это говорит о тесном переплетении интересов различных групп класса феодалов. Подобное объединение помогало им экономически и идеологически подчинять массы населения, играть руководящую роль не только в административной, военной и судебной системах, но и в повседневной жизни трудового народа.

Развитие и рост городов сопровождался обогащением городской верхушки. В руках феодалов скапливались колоссальные богатства не только в сельских местностях, но и в городах. Им принадлежала значительная часть мастерских, жилых домов, рыночных площадей, лавок и других торговых сооружений. Владея множеством ремесленных мастерских и лавок, они диктовали

свои условия мелким производителям. Высокая товарность, характеризовавшая отдельные отрасли ремесла, обеспечивала прожиточный минимум лишь части непосредственных производителей.

Сосредоточение богатств в руках феодалов, отдельные представители которых владели сотнями торгово-ремесленных предприятий, и наличие мелких производителей, вынужденных заложить свои мастерские, свидетельствуют о значительной имущественной и социальной дифференциации населения. Увеличивался удельный вес феодальной собственности в городе, эксплуатировавшейся путем предоставления в аренду и на откуп; временный характер деятельности откупщика в свою очередь способствовал дальнейшему обеднению непосредственных производителей.

Социальное и имущественное расслоение ремесленников усилилось. Некоторые из них, сохранив за собой профессиональное наименование мастеров-устадов, занимались скупкой сырья и реализацией готовых изделий. Тесно связанные с рынком, они отошли от трудовой деятельности и были заняты, главным образом, организацией ремесленного производства. Это способствовало их дальнейшему обогащению за счет мелких производителей.

Документальные данные дали возможность выявить стоимость имущества отдельных мастеров. Наследство Устада Тангри Берди, перечисленное в основном списке описи, оценивалось суммой свыше 5 тыс. ханских серебряных танга. Кроме того, в наследство входили наличные деньги, движимое и недвижимое имущество, перечисленные в дополнительном списке. Будучи организатором производства, Устад Тангри Берди имел дело как с ремесленниками, так и с теми, кто реализовывал и доставлял сырье (шелк, краситель и т. д.). Социальное лицо тех, кто числится в списке его должников и деловые связи с мелкими производителями помогли полнее выявить роль подобных богатых устадов в жизни городского общества и их связь с купечеством.

Богатые горожане наживались на эксплуатации ремесленников и мелких торговцев и путем кредитования.

Долговое обязательство, заключенное между Дарйа-ханом и Муллой Хусайном,— чрезвычайно интересный, но пока единственный выявленный документ о занятии одного и того же лица скупкой и готовой продукции, и полуфабрикатов, и сырья. Дарйа-хан выступал как посредник между тем, кто производил сырье (более вероятно, что тот связан был со скупщиком также через посредника), тем, кто изготовлял ремесленные изделия, и тем, кто занимался реализацией готовой продукции. Сырье, проходившее от крестьянина до ремесленника через ряд рук, значительно удорожало товар, что осложняло товарооборот.

Большинство ремесленников зависело от торговцев-скупщиков как при закупке сырья, так и при сбыте готовой продукции. Один

и тот же скупщик приобретал товары у многих мелких производителей.

Приобретенная у непосредственного производителя продукция перепродавалась на рынке им самим или через других лиц. Алчный характер перекупщиков был хорошо известен современникам и нашел отражение в сочинениях тех лет.

Существовала практика авансирования торговцами-скупщиками отдельных ремесленников денежными суммами в счет будущей продукции. Тем самым осуществлялись отрыв их от рынка, где ремесленники сбывали свой товар, и сочетание скупки ремесленных изделий с ростовщичеством, неизменно приводившим к закабалению мелких производителей и к последующему их разорению. Этот процесс близок к первым этапам подчинения мелких кустарных промыслов торговым капиталом, который В. И. Ленин проследил на материалах дореволюционной России[1].

Большую роль в производственной и повседневной жизни ремесленников и мелких торговцев играли ростовщики, обогащавшиеся эксплуатацией городских тружеников.

Многочисленные документы, зафиксировавшие заклад и продажу торгово-ремесленных заведений, свидетельствуют об обеднении рядовых ремесленников. Самостоятельные ремесленники становились арендаторами, причем запрещенный шариатом ростовщический процент взимался с них под видом арендной платы. Часть должников не могла в указанный в документе срок вернуть долг. Недвижимость, принадлежавшая им, окончательно переходила к кредитору по цене значительно ниже ее реальной стоимости. Были случаи, когда мелкий производитель лишался права арендовать принадлежащий ему ранее дукан или же вынужден был согласиться арендовать его за более высокую плату.

В конечном итоге в Самарканде, Бухаре и других торгово-ремесленных центрах в XVI в. заметно усилилось имущественное и социальное расслоение городского населения. При этом проникновение в сферу производства средств, приобретенных власть имущими от внешней и внутренней торговли и ростовщических операций, было затруднено. Помимо системы феодальной регламентации, этому содействовало то, что отрасли ремесленного производства находились в ведении феодалов.

В условиях господства феодальной деспотии ремесленные корпорации в какой-то мере защищали интересы их членов. Вместе с тем, объединение в цеха по профессиональному признаку было одной из причин раздробленности ремесленников. Боясь конкуренции, они настороженно относились к представителям родственных профессий.

---

[1] Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, с. 366—368.

В периоды антифеодальных выступлений средние слои ремесленников и городская беднота объединялись в борьбе против угнетателей. К ним нередко примыкали и мелкие торговцы, однако подобный союз был непрочным, и в тяжелые дни осады бедняки не раз изгонялись из города при участии тех же лавочников и богатых мастеров, опасавшихся за сохранность своего имущества.

На развитии экономики страны положительно сказались объединение и централизация государства, в какой-то мере достигнутые при Абдулла-хане II. В связи со значительным увеличением территории Бухары за счет присоединения к ней пригородных селений, строительством новой городской стены (в восточной части города — при Абдулазиз-хане (1540—1549 гг.), в западной — при Абдулла-хане II), превращением Бухары в столицу государства, расширением внутренней и внешней торговли и усилением строительной деятельности наблюдаются некоторые изменения в профессиональном составе населения и общей тенденции социально-экономического развития этого города. Превращение Бухары в центр политической и экономической жизни страны происходило за счет ослабления других областей Средней Азии. К концу XVI столетия в Самарканде и Ташкенте темпы развития ремесла и торговли замедляются.

Несколько ранее, в конце XV — первые три четверти XVI в., роль Ташкента заметно возросла. Экономический и культурный подъем отразился в строительстве известных памятников архитектуры и создании новых литературных произведений. Детальное изучение письменных источников указанного времени дало возможность уточнить периодизацию истории Ташкента с прилегающей к нему областью.

Некоторое развитие производительных сил, наблюдавшееся в Средней Азии в отдельные десятилетия XVI в., повлияло на углубление имущественного и социального неравенства населения, которое в наиболее развитых в экономическом отношении городах стало ощутимым прежде всего среди мелких товаропроизводителей-текстильщиков. Продукция текстильщиков занимала большое место в местной и международной торговле, от развития которой зависела деятельность всех ремесленников. В городскую торговлю были втянуты и некоторые сельские районы. В Самарканде и Бухаре существовали специальные рынки для продажи хлопка, коконов, пряжи. Однако политическая неустойчивость, разорительные войны, поборы в пользу местного правителя ограничивали экономические взаимосвязи. Развитию непосредственных связей крестьян с ремесленниками препятствовало вмешательство скупщиков, которые пытались подчинить мелких производителей путем предоставления им сырья в счет будущей продукции.

История среднеазиатских городов имела много общего с историей городов западноевропейских. В рассмотренный период

Самарканд и Бухара находились на уровне развития крупнейших столиц мира. Для выяснения причин постепенного отставания среднеазиатских городов от европейских с начала XVIII в. (когда ясно определился упадок и невозможность дальнейшего прогрессивного развития при господстве паразитической верхушки феодального класса), необходимо еще глубже выявить общие и отличительные моменты в развитии феодализма в Средней Азии и Европе.

Остается неустановленным содержание отдельных социальных терминов, определявших в различных регионах на разных этапах рассматриваемого периода разные явления. Выявление значений терминов, использовавшихся для обозначения различных групп городской бедноты, форм эксплуатации вакфного и других владений и т. д., позволит в дальнейшем глубже изучить место города и горожан в системе феодальных общественных отношений и общественном разделении труда, взаимоотношения различных социальных групп населения, экономическую жизнь города в целом и своеобразие важнейших центров Средней Азии XVI в.— Бухары, Самарканда и Ташкента.

Ввиду важности поднятых вопросов в работе приводятся тексты нескольких документов, впервые вводимых в научный оборот. Сопоставление их с новыми документальными материалами, которые, надеемся, будут выявлены исследователями, поможет в дальнейшем более полному выяснению проблем занятости городских жителей, социальной дифференциации населения, как и многих других спорных и еще нерешенных вопросов социально-экономического развития народов Средней Азии.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абак-беги 96
Абд-ур-Рауф 98
Абдалкарим 96
Абдаллатиф-хан 33
Абдаллах ибн Мухаммад ибн Али Насруллахи 11, 102
Абдураззак Самарканди 81
Абдаррахим Мухтасиб 67
Абдаррахман Джами 19, 51, 98
Абдулазиз-хан 125, 129
Абдулла-султан, см. Абдулла-хан II
Абдулла-хан II 9, 10, 14, 18, 19, 20, 23—25, 27, 28, 30, 31, 34, 72, 77, 94, 100, 106, 107, 113, 120, 121, 124, 126, 129
Абдулмумин 113
Абдураимов М. А. 3, 9, 121
Абу Райхан Беруни 78, 104
Абу-л-Фазл Хубайш Тифлиси 78
Абулгази 19, 26
Абулмакарим 90
Абулмухсин 92
Абулхайр-хан, правитель Ташкента 121
Ага-Дуст 95
Айша-Султан (Могул-ханум) 106
Али-Дуст Тагай 104
Али Заргар 76
Али ибн Хусайн ал-Ваиз ал-Кашифи 93
Алишер Навои 10, 37, 38, 44, 45, 69, 88, 98, 99, 102, 113, 114, 117, 120
Антоний Дженкинсон 17, 26, 112, 116
Ахмад Тенбель 91
Ахмедов Б. А. 3
Аштарханиды 16, 17, 125
Баба-хан 20
Бадриддин Кашмири 9, 10, 18, 24, 27, 28, 36, 38, 66, 77, 78, 100, 102, 106, 107, 110, 113, 116, 120, 121, 124
Бадриддин Хилали 44
Баки-тархан 92, 102
Баранов Х. 109
Бартольд В. В. 3—5, 8, 30, 45, 112, 119
Бахрие Учок 105, 111
Беленицкий А. М. 3, 77, 82, 90, 118
Бентович Е. Б. 77, 90, 118
Биби-Саусан, дочь Абдаррахима 51
Бой Келди 122
Болдырев А. Н. 7, 26, 44, 98, 102, 116, 118
Большаков Г. О. 77, 90, 118
Бубай-султан 92
Будагов Л. З. 108, 109
Буниятов З. М. 111
Буриев О. 79
Бурундж-оглан 107
Вали Мухаммад 17
Вильданова А. Б. 68, 69, 93, 105
Васифи, см. Займиддин Васифи
Вяткин В. Л. 105, 106, 121
Ганс Роберт Рёмер 12
Гиясиддин 123
Гудиашвили Д. А. 88
Гуё Мухаммад 21, 22
Гульбадан-бегим 105
Гулям Шади, сын Шади 44
Гулямов Я. Г. 81, 85
Давидович Е. А. 4, 31, 34, 64, 65, 69, 112, 119, 122
Давлат 122
Давлат Кадам Густкаш 76
Давлат Келди 122
Дарйа-хан, см. Дарйа-хан Мултани
Дарйа-хан Мултани, сын Шейха Са'ади (Са'ададдина) Мултани 53, 59, 60—68, 127
Джамалиддин Юсуф 19
Джехангир 91
Джувейни 26
Джураева Г. А. 120
Дуст Мухаммад 21
Елизавета 112
Ершов Н. Н. 3, 35, 65
Ефремов Ф. С. 123
Жувонмардиев А. 14, 20, 87
Займиддин Васифи 7, 19, 36, 44, 53, 79, 80, 98, 102, 120, 123
Захириддин Мухаммад Бабур 10, 11, 17, 18, 19, 36, 40, 77, 79, 90, 91, 99, 102, 104, 106, 112, 117
Зияев Х. З. 112
Ибн Арабшах 82
Ибн Рузбихан, см. Фазлаллах ибн Рузбихан
Ибн Фадлан 109
Иван Грозный 112
Иванов П. П. 11, 23, 25, 29, 30, 101, 121, 125
Имамкули-хан 30
Исан Даулат-бегим 104, 107
Исмаил Сефеви 17, 53, 120
Камалиддин Бинаи 16
Карим Берди 122
Кельди Мухаммад 124
Керимов Г. М. 109
Кипчак-хан 10

Кисляков А. Н. 110, 111
Ковалевский А. П. 109
Кузнецова Н. А. 80
Кулбаба Кукалташ 72, 73, 94, 100, 107, 126
Куция К. К. 84
Кучкунчи-хан 33
Лахури Читгар, сын Лалу 59, 62—65, 67
Ленин В. И. 15, 128
Мавлана Джалалиддин 33
Малов С. Е. 104
Мангуи Газор Мултани 60, 63
Маркс К. 17, 26, 32, 92, 102
Масуд ибн Усман Кухистани 19
Маулана Ходжа Мухаммад 120
Махдуми Азам Касани 33
Махмуд ибн Вали 8, 26, 79, 90, 92, 123
Мейер М. С. 111
Мехди Кейвани 31, 64, 84, 85, 114
Мир Абди, сын мирзы Дервиша 95
Мир Араб 79
Мир Сайид Касим 96
Мираки Чини 118, 157
Мираншах 78
Мирза 49
Мирза Бади'-диван 28, 93, 121
Мирза Бакы, сын Тинклыча 96
Мирза Даулатшах 95
Мирза Калан 95
Мирза Шариф 95
Михр-Султан-ханум 94, 97, 99, 100, 105, 106, 124
Могамбела, см. Айша-султан
Могул-ханум, см. Айша-Султан
Мокрынин В. П. 104
Мукминова Р. Г. 6, 20, 28, 29, 43, 65, 79, 117
Мулла Абдаррахим Мухтасиб 59, 60
Мулла Марйам, сын Муллы Шах Мухаммада 60, 65
Мулла Махмуд 33
Мулла Мухаммад-бий 24
Мулла Мухаммад Шариф 73, 74
Мулла Науруз, сын Муллы Пайанда 46, 49, 50, 110
Мулла Пайанда 123
Мулла Хусайн Мулазим 59
Мулла Хусайн, сын Муллы Хасана 60, 63, 65, 127
Мулла Шади 8, 9, 20, 91, 92, 117
Мултани 62
Мухаммад Амин, казий 74
Мухаммад Амин, правитель Андижана 87
Мухаммад Амин, казанский хан 44
Мухаммад Дервиш-султан, сын Науруз Ахмад (Барак)хана 87
Мухаммад Заргар, сын Ходжи Хусайна 76
Мухаммад Салих 10, 11, 20, 78, 90—92, 117
Мухаммад Тимур 97, 99, 105, 106
Мухаммад Хайдар 10, 27, 106, 107
Мухаммад Хашим Заргар, сын Ходжи Касыма 75
Мухаммад Шейбани-хан 16, 30, 33, 44, 70, 87, 90, 92, 97, 99, 105, 106, 107, 125, 126
Мушфики 102
Набиев Р. Н. 14, 23, 87, 120
Наджми Сани 16
Науруз Ахмад (Барак)-хан 20, 21, 79, 87
Негматов Н. Н. 118
Низамиддин Ходжа, сын Сайид Ходжа Насафи 74
Ога-Султан, дочь Баба Хинду 94
Ой Подшо-биби 105
Омар-Шейх-мирза 104, 105, 113
Онуллахи С. М. 86, 87
Отшельник 26
Петрушевский И. П. 3, 23, 26, 97, 110, 111, 118, 119, 122
Пещерова Е. М. 3, 4, 86
Пишулевская Н. В. 97, 118, 119
Пугаченкова Г. А. 3
Ремпель Л. И. 3
Салриддин Айни 63
Сайид Али 121
Сайид Хайдар Ходжа 106
Сайид-Ходжа Накиб 107
Салахетдинова М. А. 19
Салиха-беги 49
Салиха-Султан 97
Саодат-Султан Муйнадуз, дочь Абдуллы 51
Сейди Али Раис 26, 116
Семенов А. А. 93, 119
Сефевиды 16, 64
Султан Абу-Сайид 104
Султан Махмуд 125
Султан Сайид 15, 20, 21, 121
Сухарева О. А. 3, 4, 35, 53, 75, 77, 80, 81, 82, 85, 90, 108
Суюнч Ходжа-султан 31
Тангри Берди, раб 119
Тангри Берди 122
Тинклыч 35
Турдика-хан 107
Тимур, эмир 78, 82
Тимуриды 16, 33, 91, 92, 105, 120
Турсунов Н. О. 3, 4, 59, 64, 66
Убайдулла-хан 16, 17, 26, 30, 44, 79
Убайдулла Ходжа Ахрар 11, 23, 33, 70, 73, 96, 97, 120
Улугбек 98

Уринбаев А. 79
Устад Джаухар, сын Абдуллы 51
Устад Годжар (?) Мултани, сын Ходжи Якуба 61, 63
Устад Раджаб Газор Мултани, сын Устада Хусайна Мултани 60, 63, 67
Устад Тангри Берди 13, 46—49, 53, 66—68, 72, 110, 127
Устад Хусайн, сын Пирнан (?) 61, 63
Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани 10, 86, 87, 93, 94, 112
Фазыл Али 21
Файзиев Т. 124
Хабиба-Султан-бегим, дочь эмира Джалалиддина Сухраба 106
Хазар 61
Халилулла Накшбанди 95
Хасан Нисари 26, 118
Хафиз Махмуд, сын Хафиза Халдара 60
Хафиз Мукими 19
Хафиз Таныш 18, 27
Ходжа Абдулла 33
Ходжа Ибрахим Мултани, сын Абдуллы Мултани 62
Ходжа Ислам Джуйбари 9, 17, 23, 29, 70, 94—96, 100, 120, 121
Ходжа Ихтиар 120
Ходжа Касим Сарраф, сын Мавланa Мухаммада 119
Ходжа Мир Касим 75, 77
Ходжа Мухаммад 97
Ходжа Мухаммад Баззаз 75
Ходжа Мухаммад Дарзи 105
Ходжа Мухаммад Сарраф 120
Ходжа Са'ад Джуйбари 9, 23, 24, 27—30, 36, 73, 78, 100, 107
Ходжа Султан Хасан Заргар 76
Ходжа Таджиддин 29
Ходжа Хусайн Заргар, сын Ходжа Таваккула 76, 77
Ходжа Яхья 33
Хуршид Э. У. 10
Хусайн Портной 7
Хусайн-и Уди 44
Хуш Ёр 122, 123
Хуш Кадам 122
Чакари Чанги 53
Чвырь Л. А. 77
Чехович О. Д. 11, 105
Шайхова А. О. 70
Шамсиддин Мухаммад 80
Шарафутдин Али Езди 82
Шарль Р. 111
Шахр-Бану-бегим 95
Шейбани-хан, см. Мухаммад Шейбани-хан
Шейбаниды 12, 14, 16, 17, 33, 41, 80, 94, 100, 105, 107
Шейх Са'ади 63
Шир Мухаммад 88
Экаев О. 106
Энгельс Ф. 17, 26, 28, 32, 92, 93
Юнус-хан 104, 107
Юсуф 45, 47
Якубовский А. Ю. 3, 97, 118, 119
Яланғтуш-бий 125

Яр Мухаммад 124

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Адак 20
Азербайджан 78
Алеппо 113
Амударья 120
Андижан 5, 13—15, 37, 40, 41, 87, 88, 104, 112, 121
Андижанская область 14
Андуган, см. Андижан
Аравия 78
Арк бухарский 113
Астрахань 112, 114
Афганистан 5, 112
Ахси, см. Ахсикент (Ахсикет) 5, 15, 21, 37, 41, 63, 121
Базары (торговые ряды, тимы, чахарсуки)
  Базар-и Заргаран 78
  Баззазан, см. Тим-и Баззазан
  Дарби Джубаи Нау 75
  Дасгаран 70
  Заргаран 119
  Квартала Мечети Магак 114
  Конный 92
  Мечети Эмира 96
  Мухаммада Чапа 97
  Продавцов одежды 96
  Тим-и Баззазан 75, 96
  Тим-и Такийа-дузан 96
  Сефидфурушан 35
  Хаммад-и Кухак 96
  Хнафурушан 70
  Чахарсук-и саррафан 119, 124
Балх 8, 97, 112
Бинакет, см. Шахрухия
Бог-и урус, сад, 71
Бухара 4, 10, 17, 18, 20, 29, 31, 34—38, 40—43, 50, 53, 62, 63, 66, 70, 76—78, 81, 82, 84—86,

89, 91, 92, 94—97, 99, 104, 108, 112—114, 118, 119, 123—126, 128—130
Бухарская область 19, 25, 70, 76
Бухарский район 25
Бухарское ханство 20
Вахш 23, 24
Вилайет-и Рус 120
Волга, р. 28, 41
Герат 53, 81, 120, 124
Германия 28, 93
Гиждуван 11, 12, 18, 36, 94
Говхана 20
Государственный Эрмитаж 78
Дальний Восток 113
Джуйбари 9, 29
Европа 113, 130
Египет 113
Закавказье 84
Западная Европа 110, 119
Зарталаш 79
Индия 28, 61, 63, 106, 112, 122, 124
Иран 5, 41, 61, 64, 84, 85, 112, 113, 122
Исфахан 86, 114
Кайкаус, чарбаг, чахарбаг 29, 53
Казань 44, 112, 114
Кайкаус 20, 36
Кан-и Гил 87
Каракуль 9, 12, 18, 36, 91, 92, 94
Караскан 20
Каратаг 35
Карши (Несеф) 16, 18, 23, 35, 70, 91, 114
Кашкадарьинская область 70
Кварталы (куй, махалля)
Адрасбафан 35
Арбачиан 35
Гаукушан 96
Дегризан 35
Кулалгаран 35
Мечети Магак 95, 114
Мечети Сарраф-хана 119
Папушдузан 46
Саррафан 119, 120
Сангтарашан 35
Хаммам-и Сугартмыш 72
Ходжа кафшир 71
Шашьи 71
Кеш 91
Кизил рабат 20
Китай 112, 113
Коканд 108
Лахор 62
Мавераннахр 8, 16, 20, 28, 38, 53, 79, 120, 125
Маргинан 104
Медресе
Абдулла-хана 93
Барак-хана 124
Ишрат-хана 100
Кукалташ (в Ташкенте) 124
Кулбаба Кукалташа (в Бухаре) 93
Мир Араба 93
Тилля-кори 125
Улугбека 36, 78
Ходжи Ахрара 124
Чар Бакр 105
Шейбани-хана 31, 93, 101, 124, 125
Мекка 78, 113
Мерв 4, 18, 19, 92, 124
Мервский оазис 19
Москва 100, 112, 120, 121
Московская Русь 41
Мост менял, см. Пул-и Саррафан
Мечеть Заргаран 35
Мултан 61
Мургаб, р. 18
Наманган 121
Несеф, см. Карши
Ош 91
Пакистан 61
Персия 28
Пул-и Саррафан (мост Менял) 35, 89, 95, 114, 119
Регистан 36
Рометан 36
Россия 110, 112, 128, 130
Рум, см. Турция
Русь 28
Сайрам 121
Самарканд 4, 11—13, 15, 17—20, 29, 31, 33, 34, 36, 37, 40—48, 50, 51, 59—62, 69, 70, 72, 73, 75, 78, 80—82, 84, 85, 87, 94, 95, 97, 98, 104, 105, 108, 112—114, 117, 118, 119, 122, 128—130
Самаркандская область 61, 71, 86
Самаркандская округа 12, 13, 46
Сарраф-хана 120
Саррафан, баня 119
Саррафан (Менял), караван-сарай 35, 114, 119
Сибирь 112
Советский Союз 4, 7
Согд-и Калан, туман 13, 46
Средняя Азия 3—6, 11, 19, 20, 21, 26, 29, 41, 42, 45, 48, 49, 61, 63, 70, 83, 86, 89—93, 102, 104, 109, 111—113, 121, 122, 125, 129, 130
Сумитан 105
Сурхандарьинская область 61
Сырдарья 19, 125
Таджикистан 77, 79

Тараз 79
Ташкент 4, 5, 7, 8, 11—15, 19—21, 23, 25, 31, 33, 34, 36, 37, 40, 41, 79, 92, 97, 104, 106—108, 112, 114, 121, 123, 124, 129, 130
Ташкентский вилайет 7
Ташкентская область 25, 70
Ташкентский удел 44, 80
Термез 5, 13, 19
Тибет 113
Туркестан 112
Турция 5, 84, 113
Узбекистан 4, 6, 15, 16, 28, 41, 93
Уратюбе 108
Ургенч 112
Фаракат 19
Фаранг (см. Европа)
Фергана 14, 20, 21, 33, 40, 41, 79, 81, 87, 102, 112, 113, 121
Ферганская долина 40, 41
Халеб (Алеппо) 113
Хаммам-и Ходжа Низамиддин, баня 97
Хан-Юрти 117, 118
Хасанабад 25
Хованд Султан-бегим, дочери Султана Абу Саида гробница 106
Хорасан 28, 36, 53, 112, 120
Хорезм 19, 28, 37, 125
Хунаджи, селение 86
Хуталлан 79
Чарджоу 18, 36, 106
Чахарбаг 113
Чин, см. Китай
Чинас 19
Чуйанчи 13, 49, 50
Шахрухия 7, 19, 20
Шеберген 90
Шотландия 102
Юнус-хана, гробница 124
Юрти, см. Хан-Юрти
Яса 112

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ

айван 89, 95, 96
аййар 90
аламан 10
алача 41, 71
алачафурушан 71
амалдар 27
арзал 90, 92
арса 71
асир 122
аталик 28, 90
бадж 31, 121
байи джаиз 68
баккал 71
банд 59
бейт 115
бек-тархан 10
бигар 23, 33
буйрабафи 82
вакил 98
васика 46, 48, 49
вилайет 46
гадай 92
газ 59, 60, 61, 64, 65
газ-и мукассар 60, 61, 64
гумаштеган 24
гурух 65
дахду 9, 33
дахйаздах 33
дахьяк 33
джизья 26, 63
джугара 123
диварзан 124
динар 20, 22, 32, 47, 69, 74, 76, 117
дирхем 20, 74
дубанд 59
дуди 33
дукан 32, 38, 39, 50, 77, 68, 69, 70, 71, 75, 77, 81, 89, 95, 97, 100, 121, 128
дукан-хана 89, 96
дунимбанд 59
дунимсир 60, 65
иджара 83, 84, 100
искандари 102
ихраджат 9
йада 104
йадачи 104
йатим 90, 92
йатимча 8, 90
закят 114
заргар 75, 76, 78
кагазгар 71
кази-хана 46, 64, 65, 67, 73, 86, 94, 95, 96, 123
казий 12, 46, 47, 50, 51, 59, 62, 74, 94, 95, 110, 118, 122
казув 23
калантар 82
калым 108, 109
каппон 38
кара-черик 23
карбас 59
кариз 9
кархана 48, 49, 50
кермези 41
кийикчи 102
кох-и захира 9
куй 46

кутвал 38
кызыл ойнак 90
кяфир 121
лакаб 45
мадад-и туйана 34
мал-у джихат 9
манн 31, 65, 71
маншур 7
мардикар 9, 23, 24, 38
махалля 19, 71, 95
махр (мехр) 107, 108, 109, 110
меъморан 124
мирабана 9
мискал 80, 108
мударрис 98
муйинадуз 51
музара'а 100
мукаррари 9
муката'а 100
мулла 74
мутавалли 20, 31, 71, 97, 99, 100, 105, 121, 126
мухандисан 124
мухассилан 26, 27
мухтасиб 67
муфтий 98
мушкфуруш 113
мюрид 38
накд 110
наиб-казий 74
наккаш 124
насийа 110
нисба 62
нишан 88
оубаш 90, 92
пурбанд 59, 60, 64
пурбанд-и дуруст 64
райят 87
ранд 90
раста 38
рахдари 31
савари 34
сагир 94
сайид 7, 14, 21, 23, 33, 80, 87, 88, 100
салля 66
сангтарашан 124
сардоба 38
сарраф 38, 119, 120
себанд 59
соудагар 113
сукнийат 35, 71, 97
сойюргал 20
табиб 104
табулга 41
такалиф 34
талак 59, 109
танабана 9
танга 29, 48, 49, 59, 60, 62, 64, 66, 67, 72, 74, 76, 80, 89, 96, 102, 118, 127
танга-и зар 48
тамга 116
тархи-и сабун 9
тархан 21
тарханство 21
таррахан 124
таглжа-йи базар 73
тахтаджа-йи базар 73
тахт 107
тибит (тивит) 65, 66
тялла 108
тим 38, 124
тимча 76
ток 38
туджар 113, 114
улаг 23
улемы 98
устад 13, 45, 48, 64, 66, 67, 68, 72, 86, 88, 89, 127
фаранги 121
фарсах 113
фатхана 34
фута 47, 48, 66, 80
футабаф 66
фута-и набафта 66
фута-и тибит 66
хакан 19, 21
хаккоба 9
халка 108
халка-йи махр 108
хальфа 89
хардж-и хараджат-и аваризат 33
хаули 48, 49, 50, 62, 69, 72, 94
хашар 9, 23, 33
хиргахтараш 40
ходжа 12, 23, 27
худжра 95, 96, 97, 98, 105, 114
хул' 109
чарбаг (чахарбаг) 20, 25, 36
чарйак 60, 65
чапан 10
чахарсук 9, 38, 124
чилонджида 124
чит 64, 65, 66, 80
читгар 51, 63, 66
чит-и пурбанд 59, 60, 61, 64
чит-и пурбанд-и шахри 64
чоуган 102
чуб-и бакам 46—48
шагирд 50, 81, 89
шейх 12, 17, 24, 25, 27—29, 33, 34, 36, 38, 66, 70, 76—78, 89, 93—96, 99, 120, 124, 126
шейхулислам 48, 90, 91, 98
шифа-хана 104
яйлак 105
ярлык 11, 14, 15, 21, 23, 25

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Обзор источников 7
Глава I. Феодальнозависимые города Узбекистана 16
Глава II. Социальная дифференциация городского населения . . . 43
Ремесленники 43
Расслоение мастеров-устадов 45
Заклад торгово-ремесленных заведений 68
Расслоение ремесленников в зависимости от специализации . . 74
Наемные работники 83
Городская беднота и деклассированные элементы 90
Класс феодалов 93
Купцы и мелкие торговцы 111
Рабы 122
Заключение 126

Цена 1 р. 20 к.